

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 09.00.01 Онтология и теория познания
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.03 История философии
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.01 Теория, методология и история социологии
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджо Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Ph.D., Northern Vermont University – Lyndon, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

«Тексты вещей». Традиционный текст в эпистемологической перспективе <i>Домников С.Д.</i>	145	«Texts of things». Traditional text in an epistemological perspective <i>Sergey D. Domnikov</i>
Власть и наказание в генеалогическом проекте М. Фуко <i>Рязанов И.В.</i>	158	Power and punishment in M. Foucault's genealogical project <i>Ivan V. Ryazanov</i>
Концепт драматизации и его значения <i>Нассонов М.С.</i>	169	The concept of dramatization and its meanings <i>Mikhail S. Nassonov</i>
Пять тезисов Питера ван Инвагена о бытии и его полемика с экзистенциально-феноменологической традицией <i>Гусев М.А.</i>	180	Peter van Inwagen's five theses of being and his controversy with the existential-phenomenological tradition <i>Maxim A. Gusev</i>
Хосе Ортега-и-Гассет: философия исторического бытия человека <i>Шумской А.В.</i>	194	Jose Ortega y Gasset: philosophy of historical being of man <i>Andrey V. Shumskoy</i>
Двойственная природа новых медиа в онлайн-пространстве <i>Устюжанина Д.А.</i>	204	The dual nature of the new media in online sphere <i>Darya A. Ustyuzhanina</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Стили делового общения как модель: феномен стиля, подходы, исследования, открытые вопросы. Часть 1 <i>Толочек В.А.</i>	219	Styles of business communication as a model: the phenomenon of style, approaches, research, open questions. Part 1 <i>Vladimir A. Tolochek</i>
---	-----	---

СОЦИОЛОГИЯ

Модернизация системы социального обслуживания в контексте инновационного развития Российской Федерации: механизмы и барьеры <i>Петровская Ю.А.</i>	230	Modernization of the social service system in the context of innovative development of the Russian Federation: mechanisms and barriers <i>Yuliya A. Petrovskaya</i>
Социально-демографические процессы современной России как индикатор рынка гериатрических услуг и социальной поддержки граждан пожилого возраста <i>Горошко Н.В., Емельянова Е.К.</i>	241	Socio-demographic processes in modern Russia as an indicator of the market of geriatric services and social support for the elderly <i>Nadezhda V. Goroshko, Elena K. Emelyanova</i>
Сельская жизнь в России: современный и исторический дискурс <i>Беляева Л.А.</i>	259	Rural life in Russia: modern and historical discourse <i>Lyudmila A. Belyaeva</i>

Анализ представлений обучающихся основной школы Пермского края о социально-профессиональной структуре как элемент готовности к профессиональному самоопределению <i>Волегов В.С.</i>	273	Ideas of the basic school students about the socio-professional structure as an element of their readiness for professional self-determination (a case study of the Perm region) <i>Vladimir S. Volegov</i>
К вопросу об отношении к проведению религиоведческой экспертизы <i>Сироткин П.Ф.</i>	284	On the attitude to conducting theological examination <i>Pavel F. Sirotkin</i>
Информация для авторов	294	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.121

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-145-157

**«ТЕКСТЫ ВЕЩЕЙ». ТРАДИЦИОННЫЙ ТЕКСТ
В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ***Домников Сергей Дмитриевич**Институт философии Российской академии наук*

Предметом настоящего исследования является феноменологический и эпистемологический анализ традиционного текста как «текста вещей». Традиционный текст, рассматриваемый как «конкретный объект», восходит к понятию эпистемы как дискурсивной формации (М. Фуко) и как пути к познанию языка и сознания, социальных институтов и истории в их комплексном развитии (социальная эпистемология). В качестве объекта исследования рассматриваются текст литературного памятника первой четверти XVII в. — «Сказания о крестьянском сыне», к которому примыкает широкий круг фольклорных нарративов. Способ репрезентации мира человека через «миры вещей» является распространенным и даже типичным в семантике традиционных нарративов. Методологической базой исследования выступают методы социально-философского и философско-антропологического анализа, феноменологии и эпистемологического исследования. Для философа и антрополога особый интерес представляет структурная организация текста и аспекты нарративного пойсесиса, характеризующие особенности традиционного текста. Социально-философский подход обнаружит заключенную в тексте целостную эпистему. Она позволяет рассмотреть в синхронистической перспективе целостный ансамбль слов и вещей, организующих текстовый строй. Историко-антропологический подход дает возможность раскрыть проблематику топической функциональности вещей, раскрывающей этико-парадигматическую перспективу существования человека. Новацией является определение текста в связи с расширенным понятием эпистемы, позволяющее анализировать его с применением обширного корпуса методологических подходов. Эпистемологический подход к тексту позволяет расширить возможности интерпретации с точки зрения социально-философской эвристики. Исследовательская гипотеза заключается в трактовке традиционного текста как текста-становления. В рамках той же гипотезы принцип контаминации предлагается трактовать как прямое следствие архаического (ритуального) способа организации вещей (логика ритуала, визуализации, повседневных и хозяйственных практик и других топически-распределительных сетей культурной традиции).

Ключевые слова: текст, эпистема, эпистемология, феноменология, нарратив, фольклор, становление, дискурс, дискурсивная формация, вещь, тело, ритуал, парадигматический анализ.

**«TEXTS OF THINGS». TRADITIONAL TEXT
IN AN EPISTEMOLOGICAL PERSPECTIVE***Sergey D. Domnikov**Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

The subject of this study is a phenomenological and epistemological analysis of traditional text as «text of things». Text is proposed to be considered a «specific object» and an episteme. The episteme is viewed as a discursive formation (M. Fuko) and a way to learn a language, social institutions and history in their inte-

grated development (social epistemology). The text of a literary monument of the first quarter of the 17th century *Tales of a Peasant Son* and a group of folk narratives are the object of the research. The way of representing the world of man through the «worlds of things» is a common and even typical phenomenon in the semantics of traditional narratives. The methodological framework of the research is based on the methods of socio-philosophical and philosophical-anthropological analysis, phenomenology and epistemological research. The structural organization of a text and the aspects of the narrative style that characterize phenomenological features of traditional text are of particular interest to philosophers and anthropologists. The socio-philosophical approach reveals the holistic episteme contained in a text. It allows one to consider the holistic ensemble of words and things that organize the textual structure in a synchronistic perspective. The historical-anthropological approach makes it possible to identify the problematics of the topical functionality of things, revealing the ethical and paradigmatic perspective of human existence. The epistemological approach to text allows expanding the possibilities of interpretation in terms of socio-philosophical heuristics. According to the research hypothesis, traditional text is interpreted as text-becoming, the principle of contamination is interpreted as a direct consequence of the archaic way of arrangement through the connection of things (logic of ritual, visualization, daily practices and other topical-distribution networks of the cultural tradition). The study is novel in providing a definition of text in connection with the extension of the episteme concept, which allows it to be analyzed using an extensive body of methodological approaches.

Keywords: text, episteme, narrative, folklore, discourse, genesis, discursive formation, thing, body, ritual, epistemology, phenomenology, paradigmatic analysis.

Предварительные замечания

В «Словах и вещах» Мишель Фуко предлагает в качестве введения к своему исследованию выдержку из «Китайской энциклопедии», которую он представляет как специфический «текст вещей». Эти вещи никак не связаны друг с другом, единственная связь определяется текстом их соединяющим, т.е. дискурсом. Эта связь почти случайна, но при желании ее можно обнаружить между любыми вещами. Всяким вещам и образующим их фрагментам «присуща пригнанность» [Фуко М., 1994, с. 65], которая и определяется в соответствующих практиках и дискурсах. Сходства и различия, как и определяющие их последовательности, непрерывно устанавливаются и опровергаются, дискурсы вступают в диалог или конфликт, но только сами вещи являют в них критерии собственного различия. Любые парадигмы сходств и различий обращают сознание к их генеалогии и этиологии. Исследование такого парадигматического ряда, включающего вещи, мы и предпримем. «Тексты вещей» мы предлагаем рассматривать как вполне обособленную группу текстов.

«Референтным» текстом (по аналогии с «референтным мифом» у К. Леви-Строса [Леви-Строс К., 1999, с. 41–53]), т.е. «конкретным объектом» [Гашков С.А., 2018, с. 30–31] для предстоящего исследования «текстов вещей»,

избран текст древнерусского «Сказания о крестьянском сыне» — городской повести начала XVII в. Со времени первой публикации В.И. Срезневским в 1903 г. текст «Сказания...» становится объектом интереса исследователей древнерусской литературы. С тех пор в разных архивных хранилищах было обнаружено шесть редакций «Сказания». Наиболее ранняя редакция его датируется началом XVII в. Последний список конца XVIII в. [Русская демократическая..., 1954; Попов П.Н., 1958; Демкова Н.С., 1976] имеет заголовок «Слово о напрасном тате» (от др.-рус. *tatъ* — вор, разбойник). Среди авторов публикаций разных редакций помимо В.И. Срезневского были такие выдающиеся филологи, как А.В. Марков, В.И. Малышев, В.П. Адрианова-Перетц, П.Н. Попов и др. Из современных исследователей древнерусской литературы едва ли не чаще других к его анализу обращался А.С. Демин [Демин А.С., 1991, 1998], выдающийся филолог, основатель многотомной серии «Герменевтика древнерусской литературы».

Но ни среди историков, ни среди философов должного интереса к исследованию этого текста не было проявлено. А между тем именно социально-философские подходы позволяют внести немало замечаний по поводу как структуры текста и его содержания, так и оснований мифопоэтики, которые связаны с

особенностями традиционного сознания. В свою очередь, для философа и антрополога особый интерес представляет структурная организация текста и аспекты нарративного пойсиса, характеризующие особенности традиционного текста. Социально-философская эпистемология обнаружит заключенную в тексте целостную эпистему, т.е. может рассмотреть в синхронистическом срезе целостный ансамбль слов и вещей, организующих многоуровневый текстовый строй. В нем ярко отражены и особенности традиционной ментальности, и те мифоритуальные конструкты, которые поддерживают структуры традиционного сознания. Структурный анализ в настоящем исследовании послужит основанием для философско-антропологического исследования, которое будет опираться и на возможности методов феноменологии и герменевтики, предоставляющие эпистемологические расширения исследования синтагматики и парадигматики текста.

Характеристика текста как структуры

Герой повести, согласно характеристике В.П. Адриановой-Перетц, — «крестьянский сын, недоучившийся в школе, пользуется своим знанием церковных текстов для того, чтобы обокрасть клеть богатого, но недалекого крестьянина, принявшего “благочестивого” вора за ангела» [Русская демократическая..., 1954, с. 213–214]. Вор проникает в избу, перемещается с одного места на другое и похищает вещи. Все это он делает на глазах у изумленных хозяев, произнося при этом вслух цитаты из Священного Писания и литургических текстов. Он «рассчитывает на богобоязненность хозяина, на то, что хозяин примет ночного гостя за ангела и не посмеет ему мешать» [Попов П.Н., 1958, с. 440]. Жанр «Сказания...» П.Н. Попов называет «промежуточной между анекдотом и новеллой формой» [Попов П.Н., 1958, с. 440]. Исследователями отмечается сатирическая направленность повести против зажиточного крестьянства и ее антиклерикальный характер.

На протяжении двух столетий повесть переписывали с внесением разных более или менее существенных изменений, как правило, ведущих к совершенствованию ее композиции

и стиля. Следы таких изменений можно обнаружить в каждом из упомянутых списков, благодаря чему можно проследить и диахроническую динамику трансформаций текста. В этом смысле бытование повести соответствует жизни фольклорного произведения, подверженного непрерывным преобразованиям с использованием фольклорного приема контаминации мотивов. Сравнительный анализ известных списков повести показывает, «что ни один из них точно не повторяет другого, что все они содержат разное — то большее, то меньшее — количество эпизодов» [Попов П.Н., 1958, с. 441].

Позднейший текст — это уже новелла, остроумная комическая история, предназначенная для искушенного слушателя или читателя, способного следить за ходом сюжета и перипетиями сценических коллизий. Такой текст представляет собой пример образцовой сборки. Конструкцию текста можно охарактеризовать как наслоение дискурсов, некоторые из которых проработаны детально и последовательно, а другие представлены двусмысленными намеками, неявными отсылками и скрытыми аллюзиями. Отличие списков текста начала XVII в. от списков XVIII в. заметно невооруженным глазом. Текст XVII в. образован путем простых «склеек» нескольких форматов («синхроническая трансформация»). Способом такой механической «сборки» текста и жесткого соположения разнородного материала производится состыковка высокого и низкого стилей, конфликтных моделей поведения и дискурсов разных порядков, чем, собственно, и достигается комический эффект. Последующими синхроническими трансформациями вносятся новые эпизоды (мотивы) и удаляются следы прежней «механической сборки», которая в раннем тексте определялась простой компановкой или состыковкой нескольких текстовых форматов. Таким образом, можно проследить, как в диахронической перспективе сглаживаются швы и изящными стилизациями упрощаются переходы между фрагментами текста. По мере совершенствования характер трансформации все более приобретает черты поверхностной стилизации и внешней отделки. Со временем

они заслоняют аспект глубинной семантики, следы которой могут сохраняться в отдельных фрагментах или фрагменте. Но самостоятельное значение получает и сам статус скрытых переходов-отношений между фрагментами. Тот уровень поверхностной структуры, который является порождающим самостоятельные дискурсивные формации, может представлять и новые парадигматические значения.

В итоге возникает специфический формат, в котором постоянные смены фокусов и открываемые ими перспективы неочевидным образом соединяют разные парадигматические планы. И вместе с тем на пересечении планов как эффект взаимодействия различных стратегий рождаются новые дискурсы. Они обнаруживаются в плане генезиса, например, этического сознания. В эпистемическом составе рассматриваемого текста можно обнаружить следующие дискурсы и организующие их дискурсивные (социальные) стратегии: специфическая архаическая космогония (тело-мир) и соответствующие ритуальные действия, традиционное бытописание (дом-мир) и соответствующие хозяйственные и домашние ритуалы типа «обходов», бюрократический дискурс вещей и христианский этический дискурс «против воровства», простонародная этика «нестяжательства» («против богатства») и языческое антихристианское кощунство, элементы литургии и детективного жанра, плутовская новелла и анекдот, притча и приключенческий роман, жанр уголовного расследования и напыщенное морализаторство и т.п. Таким образом заявляют о себе семиотики разных типов и разной этиологии, которые получают развитие в ближайшем и отдаленном времени. Специфическая языковая игра образует живую плоть текста, и на ее струнах умело играет рассказчик.

Дискурс вещей: деконструкция структуры и выделение парадигмы

Наличие в синхронии текста различных парадигматических форматов отмечалось исследователями, но ни один из них не выделялся с целью самостоятельного парадигматического исследования. Остается непроанализированным и соотношение

разновременных форматов (аспект диахронии) и соответствующий аспект парадигматики. В частности, А.С. Деминым выделяется особый формат «текста вещей», представляющего собой перечень похищаемых вещей. Но его оценка, которую мы представим ниже, является неудовлетворительной. Именно как текст вещей «Сказание о крестьянском сыне» в диахронии раскрывает свои базовые парадигматические характеристики.

Изучение парадигматического аспекта предполагает обращение к технике деконструкции «синхронических рядов» с целью выявления сквозного диахронического плана. Предлагаемый демонтаж структуры, или «пересборка», позволит нам за канвой сюжетных коллизий обнаружить не только корни средневековой эстетики, но и, возможно, оценить всю сложность и глубину представленного текстом социального конфликта. Ответ на вопрос, каким образом эстетически выраженные социальные различия получают этическое значение (дискурсивные формации разных этосов создают специфический конфликт), станет для нас одним из результатов предпринятого исследования.

Если исключить служащие завязкой или введением «мотивы» неудачного обучения главного героя, принятия им решения заняться воровством и сцены проникновения в дом с улицы через стену, то весь сценарий можно свести к «действию» перемещения по дому и хищения разных вещей. Само продолженное действие «изъятия» имущества дробится на фрагменты: перемещений от одного места в доме к другому, где обнаруживаются разные вещи, и определенных действий (ритуалов) с вещами и словами. Именно специфическое действие с вещами и проступающее за ним отношение *человек – вещь* мы предлагаем рассматривать в качестве парадигматического основания, предвосхищающего все возможные последующие «расширения», включая этическое. Продуктом этих расширений и является текст «Сказания...».

Номенклатурный способ описания, характеризующий текст «Сказания...» как «текст вещей», и сам дискурс вещей, который мы предлагаем рассматривать как рецепцию

архаических «текстов-номенклатур», являются предметом парадигматического исследования. Впервые открывший и охарактеризовавший этот формат в тексте «Сказания...» А.С. Демин предлагает следующую его трактовку, которая позволяет выделить несколько уровней, надстраиваемых один над другим [Демин А.С., 1991]. Первый уровень, собственно, и задается как «номенклатура вещей».

«Все действие развивалось здесь около крестьянской избы и в избе; упоминались предмет за предметом: крестьянский сын, а ныне тать, пришел “ко вратам”, проник во двор, “влес на крестьянскую клеть”, “и почал тать у клетки кровлю ломать”, “и пошел по клетки... и увидел на гвозди кнут”, “и нашел под кроватью ларец с казною да коробью с платьем”, “нашел у крестьянские жены убрусъ (пояс. — С.Д.)”, “и нашел в клетки коровай хлеба... и нашел на блюде калачь да рыбу... и нашел в оловенике пиво” и т.д.» [Демин А.С., 1991, с. 40; Сказание..., 1994].

Итак, новоявленный вор ходит по дому, заглядывает во все углы, где находит разные вещи и тут же использует их по прямому назначению. Это «употребление» и задает второй уровень — мотивирующей функциональности вещей, — лежащий в основании «ритуалов вещей», т.е. действий с вещами.

«Рассказать о воровстве, естественно, нельзя без упоминания отнятых вещей, но у автора “Сказания” (и редакторов) вещи оказывались настолько хороши, что необычный вор тут же жадно использовал их, как бы забыв о продаже и не опасаясь хозяев: “Нашел у крестьянские жены сапоги красные и почал в них обуватися... И нашел на блюде калачь да рыбу и учал ясти... И увидел на крестьянине новую шубу ... да на себя болокался” и т.д.; под кроватью помещалась масса неожиданно разных предметов — не только ларец с деньгами и короб с одеждой: “И крестьянин... под кровать наклонился и взял березавой ослоп”, “и нашел тать под кроватью тас с водою, и он взял ис-под кровати и учал руки умывати”» [Демин А.С., 1991, с. 40].

Внешне сцена воровства выглядит вполне тривиально, однако в ней вещи представляются в совершенно особом значении «праздничных» или «престижных» вещей, аналогов вещей-даров, «ритуальных вещей», немедленно «запускающих» ритуальную функцию потребляемых, превращаемых в «священную пищу» или «прилагаемых» к телу. В этом действе герой не только овладевает вещами, но и оказывается овладеваем вещами. Каждый предмет немедленно «приспосабливается» персонажем к собственному телу. Над вещами производится процедура особого характера, содержание которой для внешнего наблюдателя (в т.ч. и исследователя) выглядит кощунственным излишеством.

Но и это не все. Очередной уровень представляет собой вербальный контекст «потребления вещей», сопровождающий каждый акт овладения вещами специфическим комментарием. Речь идет о наделении действий с вещами псевдосакральным смыслом посредством произнесения особых «ритуальных» формул, имитирующих возвышенную стилистику богослужебных текстов и Священного Писания:

«...Крестьянинъ, ему (вору. — С.Д.) отдал ларець, и онъ взялъ и самъ рече: “Твоя от твоих к тебъ приносяще и всехъ и за вся”. И не оставил у него ничего. Нашель у крестьянские жены убрусъ и учаль опоясываться, и самъ рече: “Препоясыватся Исусъ лентиєм, а я крестьянские жены убрусомъ”. Нашель у крестьянские жены сапоги красные и почал в них обуваться, а самъ рече: “Рабъ божий Иван в седалия, а я обуваюся в новые сапоги крестьянские”. И нашель в клетки коровай хлеба и учал ясти. И нашель на блюде калачь да рыбу и учал ясти, а самъ рече: “Тело Христова примите, источника безсмертнаго вкусите”. И нашель в оловенике пиво и учал пити, а самъ рече: “Чашу спасения прииму, имя господне призову. Алилуйя!”. И увидель на крестьянине новую шубу и он снял да на себя оболкал, а самъ рече: “Одеяся светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою”» [Сказание..., 1994].

Таким образом, Демин выделяет несколько синтагматических «уровней» текста, каждый

из которых обладает собственными парадигматическими характеристиками. Но, обнажив такое многоуровневое «устройство» текста, он не предпринимает его исследования, не задается вопросом о производимых им эффектах и потенцированных в них значениях.

«Номенклатуры вещей»: компаративный парадигматический анализ

Номенклатуры вещей А.С. Демин рассматривает в рамках темы «имущественных отношений». И по этой причине сами фабулы вещей, которые им прослеживаются в обширной группе текстов, он объясняет «узостью хозяйственного кругозора» их авторов. Связь этого формата с традиционным фольклорным сознанием исследователь игнорирует, а повсеместное присутствие «номенклатур вещей» в фольклорных и литературных памятниках объясняет лишь «ограниченностью» потребностей и «темнотой» низов — «людей “негосударственного” ума». Он пишет по этому поводу: «Все литературные средства свидетельствовали, что автор, замкнувшись в пределах “дворового” мирка, очень ценил вещи. То же и в “Послании дворянскому недругу” (образце посадской сатиры XVII в. [Шептаев Л.С., 1953]. — С.Д.) — рожь, кляча, шуба и порты, ворота, хлеб да соль. Юмористические (или сатирические) послания и повести начала XVII в., затрагивавшие имущественные темы, писали, по-видимому, люди “негосударственного” ума, очень скромного положения (во всяком случае такой была их социальная позиция)» [Демин А.С., 1991].

И хотя сложно спорить по поводу широты кругозора неизвестного автора XVII в., предлагаемый комментарий уважаемого исследователя представляется не вполне корректным и, как минимум, недостаточным. В нем не учитывается глубинный традиционный контекст и выявляемый диахронический аспект, обращающий к уровню глубинной семантики. Обращение к этому уровню было в свое время заслугой М.М. Бахтина и московского семиологического круга В.Н. Топорова. Последний является автором многочисленных трудов по исследованию ритуала и темы

вещей в литературных и фольклорных памятниках. В области сказового фольклора работу в этом направлении вели В.Я. Пропп [Пропп В.Я., 2009] и Ю.И. Юдин [Юдин Ю.И., 2006]. Изучение «исторических корней» восточнославянской волшебной и бытовой сказки является примером обращения к диахроническому аспекту сказовых текстов. Именно в диахронии обнаруживает себя космогонический и теургический характер, имплицитно присущий «текстам вещей» в принципе.

Творение текста путем создания перечней или «номенклатур» вещей — традиция древняя, если не надревнейшая среди известных традиций составления текстов. Она восходит к ритуальным и ритуально-магическим практикам обращения с вещами. Простой перечень или калькуляция — уже текст, причем текст магический. Его логика — в самой последовательности и в задаваемом порядке вещей, в их локации, а также в спецификации самого набора. Перечни вещей магически организуют пространства и образуют его локусы; в космогонических ритуалах номенклатуры вещей моделируют мир. В родильной обрядности наборы вещей обозначают пол человека и определяют его социальный статус. В новогодних обрядах (к примеру, в текстах колядок) перечни вещей кодируют будущее плодородие, обещают вселенское изобилие, предвосхищающие материальное благополучие общины. Перечни фрагментов и частей тела, или его органов в лечебных заговорах, определяют «состав человеческий», означают здорового или нездорового (нормального или ненормального) человека. Аналогично списки живых существ задают образ одушевленного мира. В заговорах социальной направленности перечни вещей, географических и астральных объектов, имен и локусов святых и т.п. отмечают последовательность развертывания пределов мира, которые указывают на «путь желаний», на способ наращивания сил («облачения в силы») и т.п. Тем самым расширяющиеся возможности тела и интенции желаний моделируют образ мира-тела до возникновения собственно «картины мира». Аналогичным образом состояния тела

отождествляются с состояниями мира, превращаемого во вместилище воли субъекта и в средство исполнения его желаний.

Такие перечни представляют собой универсальную модель номенклатурного текста, текста суггестивного, изображающего движение предметного потока, создающего образ плотного и непрозрачного универсума, утверждающего своей полнотой и избытком образ социального благополучия. В архаике наборы и перечни вещей — обязательная принадлежность феноменологической модели Мира-Тела, Мира-Дара, предлагающего образ окормляющей вселенной в образе тела-«вместилища» или «кормящего тела». Эта модель мира-тела — принадлежность эпохи, которая предшествует времени «картины мира».

А. Шопенгауэр определил различие между ними как различие моделей «Мира как воли» и «Мира как представления».

Отсюда — значение, которое номенклатуры вещей имеют в магических текстах («текстах желаний»): текстах заговоров, заклинаний, ритуальных загадках и формулах и т.п. Загадки представляют предметы посредством задания своего рода смыслового гнезда (гештальт-анализ), представляющего вещи в окружении близких им или противоположных по тем или иным характеристикам, но связанных с ними искомым или загадываемым смыслом (от окружения-вместилища к вещи). Заговоры и заклинания, обращенные к экзистенциальному опыту человека, реализуют функцию репрезентации вещи посредством перечней вещей, которыми моделируют мир как одушевленное целое: вещи-аффекты и выражаемые в них переживания тела расширяют горизонты мира (от вещи-тела к вмещающему телу-миру). И максимально полный перечень вещей и ландшафтов служит как раз цели демонстрации полноты набора репрезентативных функций вещей, сливающихся в образ мира-тела, жизненного мира человека.

Casus energeticus: феноменология вещи-силы

Возвращаясь к тексту «Сказания...», отметим особое место самого составителя текста — это место «посреди» и в «средоточии» мира, в среде вещей. Благодаря иллюзорной

доступности вещей это место гарантирует наблюдателю особую перспективу «видения» изнутри и специфическое ощущение «бытия вещью». Имманентность персонажей вещам-аффектам характеризует тексты-вещей как тексты-станов-

ления (в интерпретации Ж. Делёза [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2010]). Позиция автора и персонажа — и среди вещей и бытия вещью (установка проникания «сквозь мир», повсеместного присутствия («расположения») в мире, который задан человеку в каждой перспективе как становление-вещью. Данная позиция «средоточия мира» сама по себе не обеспечивает возможность социальной критики, поскольку эта позиция не трансцендентна, а имманентна вещам. И обращения с вещами здесь напоминает микроритуалы и микромифы, фрагменты большого мифа, каждый из которых включает в себе *casus energeticus* — источники возбуждения желания и модели действий, вмещенные в вещи. И как мир в становлении образуется слипанием и чередованием вещей-аффектов, так и текст-становление образуется слипанием микромифов, т.е. мотивов или фрагментов (контаминация), которые в антропологической перспективе являют собой репрезентации череды аффектов. Это мир становления — космогония как отменение стадий онтогенеза.

Восприятие становящегося мира человеком средневековой культуры не является статичным, и сам мир-становление является ему подвижным и динамичным (генезис), собирающимся и разбираемым (космогенез), выступающим то одной, то другой стороной (в феноменах-аффектах вещей), или проявляющим себя различным образом в разных вещах. Этим миром феноменов движет скрытая в нем сила и энергия, которая вершится и воплощается в формах тел и вещей. Последние являются вещами-аффектами, репрезентациями сил, феноменами и действиями тела-мира, т.е. «сильными» вещами. Осуществляясь в вещах, эти силы преобразуются в них, подчиняясь формам вещей и приводя вещи в движение. Эти вещи навязывают себя человеку в его желаниях и страстях, их добычанию и употреблению он

посвящает свою жизнь. И обладание вещами мыслится как магическое овладение силами мира, как собирание этих сил и подчинение их собственной воле. Репрезентациями этого всякий раз вновь становящегося мира являются номенклатуры «перебираемых» или предъявляемых в нем вещей. Позиция персонажа выражает именно это «расположение» в мире вещей, создающее видимость доступности посредством вещей любой из его областей. Обладая вещами обладает миром, одевается миром, получает блага и силы мира.

Полнота списка вещей гарантирует полноту образа мира и таким образом свидетельствует о силе текста и о его магической состоятельности. Наложение «текста» на «мир» означает подчинение мира воле человека, свидетельствует об «исчерпаемости» мира желанием и его доступности волящему субъекту. Именно таковы характеристики ритуальных текстов. Сцены изъятий (отчуждений, дарений, находок и хищений и т.п.) вещей обладают преемственностью от прочих «текстов вещей». Эти сценарии известны нам уже из первобытных мифов и ритуалов. В шаманских культурах здоровье и удача добываются и утрачиваются как и вещи, т.е. похищаются и возвращаются из других миров как силы этих миров. Раннесредневековые «тексты вещей» проникнуты сознанием той же магической компетенции, которой обладает их составитель и исполнитель. А сами эти тексты суть ритуалы присвоения мира — ритуальные космогонии. Позднесредневековые тексты утрачивают эту связь с магией и ритуалом, превращаясь в орудия эстетического, а не магического воздействия на человека. Но действие текста при этом не ослабляется.

«Проклятые» вещи: предвосхищение этики

С другой стороны, в социальной перспективе изобилие вещей не только может служить символом общественного здоровья и благополучия, но и представлять больное общество, даже воплощать собой болезнь. И скрытая в вещах сила, и приводящая их в движение энергия — амбивалентны. Возбуждение энергии может означать не только силу здоровья, но и разрушительную

силу болезни — действие припадков, вспышки агрессии, психической болезни, смертоносной эпидемии (ср.: мотив изгнания (изъятия, отчуждения) болезней в текстах заговоров от болезней, которые понимаются именно как негативные энергии, транслируемые от вещи к вещи, от тела к телу, от локуса к локусу и т.п.).

Социальные бунты, которые в традиционном восприятии представляются следствием поразившей общество болезни, сопровождаются массовыми уничтожениями вещей, пожарами имений и разорениями имущества. И эти преступления против враждебных вещей имеют магическое значение. Уничтожением лишних (избыточных) вещей ликвидируются локусы «болезней» или «смертей». Эти вещи ассоциированы со злом и беззаконием, с конфликтами и противоречиями, которые обозначают отрыв вещей от естественных нужд тела. Они травмируют общество и разрушают его как социальное тело. С уничтожением вещей затихают гнев и возбуждение, вызванные их несправедливым распределением (ср.: функция ритуальных уничтожений вещей в обрядах и ритуалах типа «потлача» индейцев-квакиутлей).

Накопление богатств, их складирование в богатых домах и усадьбах означает изъятие вещей из привычного обихода и товарного оборота, т.е. лишение их способности свободного движения. Одежда должна носиться, орудия должны использоваться, пища должна вкушаться, т.е. вещи должны обращаться, использоваться и переходить туда, где в них больше нуждаются. Вещи должны замыкать нужды человека, образуя поле его достатка и отмечая пространство его «жизненного мира». Лишение вещей свободы обращения означает «забвение» нужных вещей и лишение их силы, превращение живых вещей в мертвые, несущие в мир смерть и разрушение, чем и обозначается социальный недуг. Феноменология болезни посредством переживания избыточных вещей-аффектов распространяется на переживание нездорового состояния общества.

Неравномерное распределение вещей нарушает социальную гармонию. Такой излишек вещей Ж. Батай называет «проклятой частью» [Батай Ж., 2006]. «Изгнанием»,

«уничтожением» ненужных вещей, олицетворяющих социальную болезнь («проклятую часть»), снимается проклятие «мертвых» вещей, устраняются разрывы социального тела, восстанавливается образ единого мира-тела. Мир перестает быть растерзан вещами-аффектами, вещи возвращаются к своей изначальной функции представлять тело или «быть телом», чем и достигается состояние целого, неразъязтого на отдельные фрагменты, т.е. здорового тела-мира.

При широкой представленности в культурах разных народов текстов «номенклатурного» характера выглядит странным игнорирование ритуальной природы феномена «текстов вещей». Историческая генеалогия этих текстов просвечивает в самой их форме. Их происхождение от «сильных», т.е. ритуально-магических,

текстов угадывается в их особом воздействии на слушателя и в ответном влечении представителей самых разных слоев общества к такого рода текстовым форматам. Понятно, что не «узкий хозяйственный кругозор» управляет сознанием слушателей, но само содержание текста и его магическое воздействие на слушателя. Перечни вещей завораживают. Аналогичному воздействию подвергается и современный читатель, и причины этого воздействия в первую очередь интересуют феноменолога. Традиционный текст производит мир как целое, который проступает за суггестией слов и вещей и представляется как Вселенная вещей и имен.

Аналогичные номенклатуры вещей-энергий, представляющих «состав» социального тела, могут служить перспективе как единения, так и распада. В аффективных моделях социальных репрезентаций именно гротескные образы являются наиболее адекватными фигурами социального регулирования. Пример анализа образа «гротескного тела» в простонародной культуре средневековой Франции мы встречаем у М.М. Бахтина. Этот образ широко тиражируется в массовом сознании, представляется городской повестью и разыгрывается на праздничных гуляньях, в карнавальных действиях и шутовских представлениях. Он моделируется

посредством изображений самых неожиданных действий тела с вещами, в том числе в сценах его одеваний и раздеваний, приложений к нему разных вещей, его кормлений и производимых им испражнений и т.п. В комментарии к тексту Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» Бахтин посвящает целую главу анализу сцены взросления маленького Гаргантюа, которое заключается в подтирании им собственного зада самыми разными вещами [Рабле Ф., 2016, с. 54–55; Бахтин М.М., 1965, с. 411–412].

Жанр гротеска и городской сатиры, который использует Рабле, близок карнавальному жанру русской средневековой городской повести. Из потенцированной гротеском конфликтной модели порождается пусть иногда и условный, но очевидный объект этической критики. Генезис этического сознания мы наблюдаем в самой структурной деформации текста-становления. Социальная негация — т.е. разрабатываемые в недрах этических оценок особые синтаксис и семантика, списки социальных пороков и нарративные топики возможных негативных сценариев и т.п. — легко вмещается в циклическую (космогоническую) модель «собираемого» и «распадающегося» мира. Логика «распада», выделяемая из циклической динамики и рассматриваемая сама по себе, и становится способом репрезентации нарождающегося этического дискурса.

Социальная критика и этическая оценка являются продуктом трансцендирования, которое представляет собой неотъемлемый компонент способности сознания достигать объективации, включая объективирование мира. Такое сознание характеризует вхождение во время «картины мира». Его идеальной проекцией становится образ Мира-Блага, т.е. блага, ожидаемого не только в посмертном состоянии, но и в реальной жизни. И всякая объективная оценка общественного состояния неизбежно становится критической, поскольку реальный мир, перестав быть Миром-Даром, не достигает степени вожденного Мира-Блага.

Социальная критика открывает соответствующее измерение этического сознания. Становление характеризует

неопределенность положения вещей и непрочность вытекающих из этой неопределенности социальных оценок. Отношения добра и зла здесь выходят за рамки однозначной интерпретации, но получают характер сложной и многоуровневой интриги в рамках неопределенного в своем моральном статусе Мира. В специфическом представлении перед нами выступает образчик традиционной «негативной этики».

Вещи живые и мертвые

В рассматриваемом нами случае основной порок, как может показаться на первый взгляд, — это «воровство», обличаемое с христианских этических позиций как отвратительный, непримиримый с социальными нормами и нормами нравственными. Но этическая репрезентация здесь не имеет отношения к декларации нормы или демонстрации нравственного поведения, наоборот, ей соответствует прямо кощунственный образ поведения. Это поведение призвано возмутить общество или разрушить его, символизировать конфликт. Однако в самой семантике текста за этим конфликтом отчетливо просматривается космогонический характер онтического субстрата традиционного текста. Тексты-космогонии обращены к сильному и здоровому миру средствами архаического ритуала «собрания вещей». Этот путь — апофатика (греч. *αποφασισ* — утверждение через отрицание), «разбирание» мира во имя его очищения и обновления.

Нарративный состав «Сказания...» опирается на форму ритуала, существо которого восходит к глубокой архаике и, вероятно, воспроизводится почти автоматически писателем XVII в. Будучи представителем традиционного общества, автор воспроизводит внешнюю «форму», тонко улавливая существование конфликта между формой «внешней» и «внутренней». Он использует, таким образом, «рамку» текстаноменклатуры (без осмысления его прототипической ритуальной основы), придавая ему черты христианской нравственной направленности («против воровства»). В результате текст застывает в некоем расщепленном состоянии, создающем

«бинокулярный» эффект. Такой текст можно интерпретировать и как текст кощунственный, а следовательно, отвергающий само наличное состояние вещей, обличающий и воров-разбойников, и воров-богатеев, и воров среди сословия священников, способных покрывать все способы воровства «высокими словами».

Вещи, лежащие без использования в избе богача, т.е. «лишние» (избыточные в своей социальной функции), являются вынесенными за пределы естественной телесной обращаемости. Изъятые из обращения, они становятся «мертвыми вещами» или голыми «формами» вещей, для «оживления» которых необходимы магические средства и особый ритуал. Именно поэтому вещи богача подлежат своего рода ритуальному очищению путем прикосновения к телу и таким образом возвращению в мир людей в новом качестве «подлинных вещей». С «приложением к телу» вещи буквально освящаются, оживают и наделяются смыслом. Потому-то, казалось бы, бессмысленные операции — примеривание, одевание и поедание вещей — имитируют евхаристию, церковное священнодействие. Каждое действие, как и в ритуале, сопровождается произнесением содержательных выдержек из священных текстов или «имитациями» таковых. Формы (суть «идеограммы») вещей, благодаря литургическим формулам (идеограммам), здесь одушевляются (возводятся к искомому смыслу, который не обязательно должен быть ясен исполнителю ритуала) посредством механического приложения к телу.

Сопричастность локусу или каналу силы, воплощенная в схеме ритуала, только и делает тела одушевленными, а вещи сильными. Традиционное сознание, включая русское средневековое сознание, несет в себе это переживание магической связности тел и вещей, гармония которых является зримым образом здорового общества. Типология текстов вещей в форме простой описи имущества была широко известна каждому человеку того времени. Грамотные и мало-мальски образованные люди повсеместно привлекались зажиточными горожанами и купцами для управления своими делами или для ведения документации. Такие перечни

номенклатур использовались в любом домохозяйстве. Не исключено, что и неизвестный автор повести имел происхождение из этого круга лиц.

Для средневекового человека такие «тексты вещей» представлялись настоящими «онтологиями» описываемого социального локуса, репрезентациями мира-становления. Простые перечни имущества зажиточного человека могли вызывать уважение или зависть, удивление или восхищение, т.е. производить самые разные эффекты. Тексты такого рода были знакомы или предназначены любому должностному лицу, администратору или распорядителю, включая государственные или чиновные умы. Характеризуя локусы обладания вещами, они одновременно обрисовывали и круги ответственности, вызывая в служащих эмоциональный трепет и возвышенное чувство должностного рвения. Возложенные на служилого человека обязанности по сбережению или распоряжению имуществом исполнялись столь же ревностно и пунктуально, сколь и церковные обряды, ибо ценой их была не только жизнь исполнителя, но и оберегаемый им социальный порядок.

Принятая нами в качестве парадигматического ядра традиционного текста «тема вещей» исходит из специфических возможностей традиционного способа репрезентации, из необходимости визуализации традиционным сознанием всех чувственных, мыслимых и воображаемых феноменов. Но этиология рассматриваемого нами формата восходит к более фундаментальной традиции.

В основе письменной традиции настоящего текста — идея гармонии или симметрии человеческих тел и вещей, взаимности и всесвязности мира людей и мира вещей. Эта связность и взаимность человеческого и вещного всякий раз возвращает миру избы утраченный ею статус Мира-Дара. И эта же изба предстает в коде «перевернутого мира» в качестве лишенного благодати. И мораль, господствующая в лишенном благодати мире, опрокидывается вверх ногами. Так что изба зажиточного человека в соответствии с фольклорными законами («величания» или

«снижения») превращается в символ утратившего благодать воровского притона. И сама картина ограбления в сценах с поеданием похищаемых вещей превращается в антипод праздничного пира, а в сценах одеваний — в антипод торжественных церемониальных превращений. И, наконец, кошунственные речи служат антиподом праздничной литургии.

Это несовершенный мир, расколотый и раздираемый произволом, это больной мир. В рассматриваемой версии он представляется лишенным изначальной благодати, далеким от чаемой справедливости. Лишенный способности окормлять, обособившийся от нужд человека, он перестает быть миром-даром, быть полноценным и дароносным. Но он не утрачивает и толики сакральности, а следовательно, способности к обращаемости. Существование человека погружено в мир, который определяется не упругостью «формы культуры», а подвижностью «формы жизни» или амбивалентностью характеристик «жизненного мира». Жизненный мир человека — всегда Мир-становление. Производимый из него Мир обладает статусом сакрального, совмещающий в себе потенции противоположного, с которыми связываются ожидания лучшего и опасения худшего. Сакральное суть «священное мирское». К этому миру человек испытывает одновременно влечение и отвращение. Им он хочет обладать и от него стремится обособиться в автаркии.

Этот мир расколот, дуален, исполнен конфликтов. Он весь состоит из противоречий, потому что он и есть предельная ценность, за которую ведется битва добра со злом. Он весь на пересечении дискурсов, связанных друг с другом. Именно эту связь М. Фуко называет «критической онтологией нас самих» [Фуко М., 2008, с. 159]. В этом смысле мир всегда болен, но несет в себе знание о возможности выздоровления, и во всякий момент он нуждается в нравственной переоценке собственных устоев. Именно этот мир — в роскоши и в нищете, в озабоченности добыванием благ и в блаженстве обделенности — взыскующий Благодати.

Список литературы

Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная

социология / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Ладомир, 2006. 742 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 527 с.

Гашков С.А. «Эпистема» как путь к познанию. Эвристический потенциал концепта «эпистемы» Фуко для социально-онтологических концепций языка и истории // *Философская мысль*. 2018. № 4. С. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2018.4.22930>.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория: Астрель, 2010. 895 с.

Демин А.С. Древнерусская литература. Изображение общества. М.: Наука, 1991. 244 с.

Демин А.С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В.П. Гребенюк. М.: Языки русской культуры, 1998. 848 с.

Демкова Н.С. Фрагмент из «Сказания о крестьянском сыне» в записи 1620 г. // *Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции*. М.: Наука, 1976. С. 172–175.

Леви-Строс К. Мифологики: в 4 т. Т. 1: Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 406 с.

Попов П.Н. Повесть о «крестьянском сыне» — «напрасном тате» по Киевскому списку XVIII столетия // *Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом)*; отв. ред. В.И. Малышев. Т. XIV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 440–443.

Пронн В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009. 274 с.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. с фр. Н.М. Любимова. М.: АСТ, 2003. 828 с.

Русская демократическая сатира XVII века / подг. текстов, статья и комментарии чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 110–113 (Тексты), 213–214 (Текстологический комментарий), 277–279 (Историко-литературный и реальный комментарий).

Сказание о крестьянском сыне // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2 / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1994. С. 225–226.

Фуко М. Дискурс и истина // *Логос*. 2008. № 2(65). С. 159–262.

Фуко М. Слова и вещи. Археология

гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступ. статья Н.С. Автономовой. СПб: А-сад, 1994. 395 с.

Шентаев Л.С. «Послание дворительное недругу» (Посадская сатира XVII века) // *Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом)* / отв. ред. В.И. Малышев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. IX. С. 371–377.

Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и черт: (исторические корни бытовой сказки) / отв. ред. В.Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2006. 336 с.

Получено 27.02.2019

References

Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1954). *Russkaya demokraticeskaya satira XVII veka* [Russian democratic satire of the 17th century]. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., pp. 110–113, 213–214, 277–279.

Bakhtin, M.M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekovia i Renessansa* [Rabelais and his world]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 527 p.

Bataille, Zh. (2006). *Proklyataya chast'*. *Sakral'naya sotsiologiya* [Damned part. Sacred Sociology]. Moscow: Ladomir Publ., 742 p.

Deleuze, Zh. and Guattari, F. (2010). *Kapitalizm i shizofreniya. Tysyacha plato* [A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoriya, Astrel' Publ., 895 p.

Demin, A.S. (1991). *Drevnerusskaya literatura. Izobrazheniye obschestva* [Old Russian literature. Society image]. Moscow: Nauka Publ., 244 p.

Demin, A.S. (1998). *O khudozhestvennosti drevnerusskoy literatury* [About the artistry of Old Russian literature]. Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ., 848 p.

Demkova, N.S. (1976). *Fragment iz «Skazaniya o krest'ianskom syne» v zapisi 1620 g.* [Fragment from «The Tale of a peasant son» recorded in 1620]. *Kul'turnoye naslediyе Drevney Rusi. Istoki. Stanovleniye. Traditsii* [Cultural heritage of ancient Russia. Origins. Becoming traditions]. Moscow: Nauka Publ., pp. 172–175.

Dmitriev, L.A. and Likhachev, D.S. (eds.) (1994). *Skazaniye o krest'yanskom syne* [The tale of the peasant son]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek. kn. 2* [Monuments of literature of ancient Russia. 17th century. Book 2] Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 225–226.

Foucault, M. (2008). *Diskurs i istina* [Discourse and truth]. *Logos*. No. 2(65), pp. 159–262.

Foucault, M. (1994). *Slova i veschi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. [Words and things. Archeology of the humanities]. Saint-Petersburg: A-cad Publ., 395 p.

Gashkov, S.A. (2018). «*Epistema*» kak put' k poznaniyu. *Evristsicheskiy potentsial kontsepta «epistemy» Fuko dlya sotsial'no-ontologicheskikh kontseptsiy yazyka i istorii* [Episteme as a path to knowledge. Heuristic potential of the concept of Foucault's episteme for socio-ontological conceptions of language and history]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. No. 4, pp. 30–40. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2018.4.22930>.

Levi-Strauss, K. (1999). *Mifologiki: v 4 t. T. 1: Syroye i prigotovlennoye* [Mythologiques: in 4 vols. Vol. 1. Raw and cooked]. Moscow, Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 406 p.

Popov, P.N. (1958). *Povest' o «krestianskom syne» — «naprasnom tate» po Kiyevskomu spisku XVIII stoletiya* [The story of the «peasant son» — «in vain Tata» on the Kiev list of the 18th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury (Pushkinskiy Dom)*. T. 13 [Proceedings of the Department of Old Russian literature (Pushkin House). Vol. 13]. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., pp. 440–443.

Propp, V.Ya. (2009). *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow: Labirint Publ., 274 p.

Rabelais, F. (2003). *Gargantuya i Pantagryuel'* [Gargantua and Pantagruel]. Moscow: AST Publ., 828 p.

Sheptaev, L.S. (1953). «*Poslaniye dvoritel'noye nedругu*» (*Posadskaya satira XVII veka*) [A nobleman's letter to a foe (Posadsky satire of the 17th century)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury (Pushkinskiy Dom)* [Proceedings of the Department of Old Russian literature (Pushkin House)]. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., Vol. 9, pp. 371–377.

Yudin, Yu.I. (2006). *Durak, shut, vor i chert (istoricheskiye korni bytovoy skazki)* [The fool, joker, thief and devil (historical roots of household fairy tales)]. Moscow: Labirint Publ., 336 p.

Received 27.02.2019

Об авторе

Домников Сергей Дмитриевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: sergey-domnikov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5842-2041>

About the author

Sergey D. Domnikov

Ph.D. in History, Senior Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str. Moscow, 109240, Russia;
e-mail: sergey-domnikov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5842-2041>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Домников С.Д. «Тексты вещей». Традиционный текст в эпистемологической перспективе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 145–157.

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-145-157

For citation:

Domnikov S.D. «Texts of things». Traditional text in an epistemological perspective // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 145–157. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-145-157

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-158-168

ВЛАСТЬ И НАКАЗАНИЕ В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ М. ФУКО

Рязанов Иван Владимирович

Пермский государственный аграрно-технологический университет имени Д.Н. Прянишникова

В статье предложена аналитическая реконструкция интерпретационной стратегии французского философа и историка М. Фуко, связанная с генеалогическим проектом «Истории Наказания». Содержательным моментом реконструкции интерпретационной стратегии М. Фуко становится маргинализация объекта познания, способствующая как трансформации предметного поля исследований, так и генеалогической идентификации объекта. Выделяются правила реконструкции, обусловившие диффузию методологического подхода к власти в генеалогии М. Фуко. Обосновывается положение о том, что использование отдельных правил реконструкции не может привести к методологическому единству в генеалогическом проекте в силу маргинально-позитивной идентификации объекта и структуры «Истории Наказания». Сравнение функционального анализа Ж. Делёза и генеалогического подхода М. Фуко к проблеме власти указывает на диффузию метода, не способного локализовать свой объект в социальном пространстве. Во многом этому будет способствовать традиционное для исследований М. Фуко использование визуальной модели как эпистемологической. Все динамические и структурные характеристики, с помощью которых в генеалогии М. Фуко анализируется концепт Микрофизики власти, будут сведены к маргинальной антропологии. В генеалогический период творчества французского мыслителя маргинальная антропология определяется в качестве способа конструирования генеалогической реальности. В качестве следствия методологической диффузии рассматривается генеалогическая дескрипция как метод описания маргинального объекта. Феномен дисциплинарной власти рассматривается в качестве маргинальной конструкции, выводящей понятие нормального ненормального из совокупности дисциплинарных практик, структурирующих европейское общество. Выделение маргинальной антропологии М. Фуко станет основанием для перехода к проекту «Истории сексуальности».

Ключевые слова: антропология, археология, безумие, власть, генеалогия, герменевтика, дискурс, дисциплинарная власть, маргинальное, микрофизика власти, наказание, сексуальность.

POWER AND PUNISHMENT IN M. FOUCAULT'S GENEALOGICAL PROJECT

Ivan V. Ryazanov

Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikova

The article proposes analytical reconstruction of the French philosopher and historian M. Foucault's interpretation strategy related to the genealogical project *The History of Punishment*. The object of cognition marginalization is content moment of this reconstruction, as contributing to both the transformation of the research subject field and the genealogical identification of the object. There are defined the rules of reconstruction, contributing to the diffusion of the methodological approach to power in the genealogy of M. Foucault. The article substantiates the position that the use of some individual rules of reconstruction cannot lead to methodological unity in the genealogical project due to the marginal-positive identification of the object and the structure of *The History of Punishment*. Comparison of J. Deleuze's functional analysis and M. Foucault's genealogical approach to the problem of power points to the diffusion of the method,

which is unable to localize its object in the social space. In many ways, this will be facilitated by the use of the visual model as an epistemological one, which is traditional for Foucault's research. All the dynamic and structural characteristics that are used in Foucault's genealogy to analyze the concept of Microphysics of power will be reduced to marginal anthropology. In the genealogical period of the French thinker's work, marginal anthropology is regarded as a way of constructing genealogical reality. Genealogical description as a method of a marginal object description is viewed as a consequence of methodological diffusion. The phenomenon of disciplinary power is considered as a marginal construction, deriving the concept of normal-abnormal from the totality of disciplinary practices, structuring the European society. M. Foucault's focus on marginal anthropology will serve as a basis for the transition to *The History of Sexuality* project.

Keywords: anthropology, archaeology, madness, power, genealogy, hermeneutics, discourse, disciplinary power, marginal, microphysics of power, punishment, sexuality.

Постановка проблемы

Генеалогический проект «Истории Наказания» французского мыслителя М. Фуко вызывает у исследователей его творчества повышенный интерес, который обращен к различным аспектам методологии автора [Визгин В.П., 2004; Зекрист Р.Х., 2012; Ильин И.П.; 1998; Русаков С.С., 2016]. Так, американский исследователь Д. Арак в своей работе высказывает суждение, что исторический метод у французского мыслителя — это «особый метод, присущий постмодернистской философии, — метод критической, генеалогической истории, описывающий то, как мы — современные люди — стали тем, что мы есть» [Агас J., 1988, p. 12]. Близкой точки зрения придерживаются и некоторые отечественные исследователи, когда обращаются к проблеме власти в творчестве М. Фуко [Кильдошев О.В, 2014; Лизина Н. В., 2011; Низовцев Д.В., 2015; Новиков О.В., 2009].

В центре нашего внимания находится аналитическая реконструкция интерпретационной стратегии французского классика XX в., обращенная к феномену Власти и Наказания. Специфика исследовательской практики, обращенной к «неклассическим — постклассическим текстам» в современной западной философии, часто оказывается в проблемной ситуации, связанной как с автором текста, так и с такими фигурами, как читатель и интерпретатор. Необходимо отметить, что, во-первых, при анализе интерпретационной стратегии французского философа мы столкнулись с определенным методологическим парадоксом. Его суть заключается в том, что диспозитив (конструкт

текста, отражающий его тематику) связан с расширением аналитического поля, которое в силу осуществленной автором процедуры деонтологизации языка приводит к изменению пространства интерпретации. Например, диспозитив «Безумия и сексуальности» в силу своей маргинальной структуры указывал на предел различия герменевтического, т.е. на предел различия тех или иных техник чтения и интерпретации.

Во-вторых, мы исходим из того, что у М. Фуко никогда не существовало единой методологической программы. Это допущение после публикаций лекций французского мыслителя, читаемых им в Коллеж де Франс, получает дополнительное концептуальное обоснование. В последнем курсе, прочитанном в 1983/1984 учебном году, мы находим очень ценное, на наш взгляд, положение, связанное со сменой методологии. На это указывает и отечественный переводчик данного курса А.В. Дьяков.

В своем послесловии он пишет: «Знакомство с его текстами может раз и навсегда изменить взгляд читателя, но не позволяет ему воспользоваться “методологией” Фуко, потому что никакой методологии, собственно, нет. Есть совокупность исследовательских методов и приемов, которые непрерывно меняются в зависимости от целей и объектов фукольдианского исследования» [Дьяков А.В., 2014, с. 347]. В этом смысле вопрос об анализе всего поля множественных и подвижных отношений власти будет напрямую связан с вопросом о пресловутой императивности генеалогического метода.

Содержательная реконструкция интерпретационной стратегии М. Фуко

Исходным пунктом генеалогической реконструкции «систем порабощения» является традиционная для многих исследований М. Фуко маргинализация объекта. Документально-художественное описание публичной казни XVIII в. и воспроизведение тюремного распорядка дня XIX в. направлены в первую очередь на историческую действительность наказания и исторического дискурса, в котором «исчезло тело как главная мишень судебно-уголовной репрессии» [Фуко М., 1999, с. 14]. Исчезновение тела в генеалогическом проекте М. Фуко отражает нелинейную динамику исторической событийности и делает концептуальной саму замену объектов в общем историческом разрыве XVIII–XIX вв. В силу этого идентификация объекта генеалогической реконструкции становилась невозможной вне динамики «тонких и быстрых перемен», без различия археологического и генеалогического проектов М. Фуко между собой. В этом случае генеалогическая идентификация судимой души по формуле «душа судима, как и преступление» является множественным синтезом таких элементов, как «страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки» и т.д. Диссоциативно-деструктивное использование идентичности служит для классика маргинальности М. Фуко способом маргинализации объекта генеалогической реконструкции. Это свидетельствует не только об изменениях в системе судопроизводства XVIII–XIX вв., но и указывает на новый режим производства истины.

Для генеалогического проекта «Истории Наказания» безумие так же необходимо, как и для археологической реконструкции, спроецированной на структурную эпистемологию или теорию высказывания. В этом смысле архив безумия в форме совокупности высказываний образует «комплекс оценочных, диагностических, прогностических и нормативных суждений о преступном индивиде» [Фуко М., 1999, с. 29], поскольку концепция ненормальности индивида, ставшая способом его квалификации, так или иначе производна от

маргинально-позитивной реконструкции безумия.

Таким образом, различие между археологической и генеалогической историей безумия — это различие, помогающее понять, почему реконструкция «власти – наказания» с исторической точки зрения является возникновением власти нормализации. Сама позитивность вопроса о наказании — это «сравнительная история современной души и новой власти судить, генеалогия нынешнего научно-судебного единства» [Фуко М., 1999, с. 35]. В этом смысле очень показательна маргинальная позитивность проблемы «происхождения» судимой души, ее *Herkunft*, подчиненный сингулярному закону и принципу исторической событийности. Проблема «происхождения», с одной стороны, усиливает различие происхождения и цели наказания современной «судимой души», а с другой — систематическая генеалогия М. Фуко в силу неопределимости множества генеалогических синтезов наполняет проблему «происхождения» маргинальным смыслом. Поскольку позитивность вопроса о «происхождении» была заключена в позитивности вопроса о наказании, то сравнительная история современной души в систематической генеалогии анализируется посредством четырех правил, в основе которых лежит различие двух проектов и изменение герменевтической структуры истории наказаний.

Правила реконструкции в генеалогии М. Фуко

Генеалогические принципы реконструкции «систем порабощения» представлены правилами.

Первое правило рассматривает наказание в качестве сложной социальной функции, при этом редуцируются как общие социальные формы, так и интерсубъективность. Социальная функциональность наказания у М. Фуко является критическим переосмыслением подходов Э. Дюркгейма и М. Вебера, традиционно применяемых в исследованиях социального.

Второе правило рассматривает наказание как политическую тактику и критически оценивает марксистскую политологию, для которой власть непосредственно выводилась из сферы экономических отношений. Воздействие этого

правила можно найти в «Истории частной жизни» — исследовании, которое провела группа французских, британских и американских ученых под руководством историков из Школы «Анналов» — Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Сошлемся на их концептуальное положение: «Деспотизм тоталитарных государств, чрезмерное вмешательство демократических государств вплоть до управления рисками — “рациональность отвратительного и рациональность обычного” (Мишель Фуко) — все это привело к размышлениям о механизме власти и поискам сдержек и противовесов, рычагов сопротивления» [Корбен А. и др., 2018, с. 5].

Третье правило рассматривает технологию власти в качестве совокупности дискурсивных и недискурсивных практик, связанных с историей права и с познанием человека. В этом случае технология власти методологически использует негативное и позитивное деструктурирование самого способа познания истории.

Четвертое правило рассматривает появление души в качестве определенного способа захвата тела или совокупности исторических трансформаций, связанных с отношениями власти. В этом смысле политическая технология тела — это всегда «общая история отношений власти и объектных отношений» [Фуко М., 1999, с. 37] или способ реального существования индивидов в «действительной» истории.

Использование отдельных правил не может привести к методологическому единству в генеалогическом проекте в силу маргинально-позитивной идентификации объекта реконструкции и самой структуры истории наказаний. В итоге все это указывает на методологическую диффузию, которая анализируется в «систематической» генеалогии на примере политической технологии тела и вытекающей из нее концепции микрофизики власти. По аналогии с археологическим проектом в генеалогической реконструкции происходит эпистемологизация объекта, создающая возможность «знания–тела» — знание, эксплицирующее историю тела, а не пространственные параметры, характеризующие структурную эпистемологию маргинального дискурса.

В генеалогической реконструкции эпистемологизация объекта развернута на уровне исторической динамики, «поле действия которой простирается между большими делами власти и собственно телами с их материальностью и силами» [Фуко М., 1999, с. 41]. Тем самым процедура генеалогической реконструкции предопределена методологическим статусом объекта. Данный статус позволит М. Фуко анализировать концепт микрофизики власти посредством динамических показателей, взаимодействующих в «действительной» истории сил господства и подчинения, что, в свою очередь, говорит о микрофизике самого генеалогического метода, не способного в силу своего маргинального статуса привести принципы генеалогической реконструкции к методологическому единству. Например, все динамические характеристики, с помощью которых будет анализироваться концепт микрофизики власти, так или иначе отталкиваются от черт, присущих генеалогической чувствительности, а различие чувственного и сверхчувственного в диффузии генеалогического метода проявит себя в качестве конструктора, включающего в определение власти несколько структурных компонентов.

Микрофизика власти: между функционализмом Ж. Делёза и генеалогией М. Фуко

В первую очередь, власть — это совокупность стратегических позиций, которые, с точки зрения еще одного классика маргинальной тематики Ж. Делёза, всегда требуют нового функционализма, поскольку «этот функциональный анализ, разумеется, не отрицает существования классов и их борьбы, но предлагает совершенно иную картину с другими пейзажами, персонажами и процессами, нежели та, к которой нас приучила традиционная, в том числе марксистская, история» [Делёз Ж., 1998, с. 49]. В этом смысле функционализм Ж. Делёза опирается на эпистемологический принцип, соединяющий вербальную и визуальную модели познания. Власть, как и живопись, требует той же процедуры, что и археологический анализ доктрины дадаизма Р. Магритта. Неслучайно

М. Фуко проделывает то же, что и Р. Магритт, он «связывает вербальные знаки и пластические элементы, не установив для себя правила первичной изотропности» [Фуко М., 1999, с. 79].

В генеалогической реконструкции диффузия метода способствует разрыву между двумя моделями — вербальной и визуальной, т.к. между «видеть» и «говорить» помещается «социальное», которое уже не привязано к традиционным представлениям о сущности и происхождении власти (перефразируя название известной книги М. Фуко «Это не трубка», посвященной творчеству Р. Магритта). Можно указать на маргинальный хронотоп «социального», в котором «власть — это не власть»: в этом смысле генеалогический метод деидентифицирует социальное пространство власти. В зыбкости объема, без ориентиров пространства и без плана власть — это не более чем «сеть неизменно напряженных, активных отношений» [Фуко М., 1999, с. 44], подчиненных модели «вечного сражения»; поэтому в процессе генеалогической реконструкции изменяется и социальная оптика традиционных представлений о власти. В силу этого концепт микрофизики власти у М. Фуко является результатом различия исторической континуальности и постоянно изменяющихся соотношений сил, действующих в истории.

Власть — это децентрализация политико-правовых институтов и в первую очередь такого института, как государство, в силу того факта, что «само государство возникает как результат совместного действия или как равнодействующая функционирования множества механизмов и очагов, расположенных на совершенно ином уровне и самостоятельно образующих “микрофизику власти”» [Делёз Ж., 1998, с. 49]. Выделенная Ж. Делёзом точечная локализация по своей сути является переосмыслением методологической диффузии, т.к. децентрализация власти — это результат диффузии метода, не способного локализовать свой маргинальный объект в социальном пространстве. Сама специфичность механизма и модальность генеалогически реконструируемой власти «проникает в самую толщу общества», вставая в оппозицию экономическому детерминизму, в соответствии с которым власть, «воплощенная в

государственном аппарате, считалась подчиненной способу производства как базису» [Фуко М., 1999, с. 50]. Тем самым характерная для экономического детерминизма пирамидальность власти уступает место очагам нестабильности и бесконечным столкновениям исторически конфликтующих сил, т.е. уникальности и неповторимости исторического события как определенного динамического показателя.

Функциональный анализ Ж. Делёза усматривает в динамических чертах исторического чувства строгую имплицитность и оперативность, поскольку на микрофизическом уровне власть сама по себе не более чем «совокупность отношений сил, которые пронизывают подвластные силы в не меньшей степени, чем господствующие, при том что и те, и другие представляют собой единичности сингулярности» [Делёз Ж., 1998, с. 51]. То, что в модальности исторического познания приводило к деструкции познающего субъекта, в диффузии генеалогического метода определит условия эпистемологизации реконструируемого объекта. Например, выделяемая М. Фуко фундаментальная импликация отношений власти и знания — «нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и, вместе с тем, не образует отношений власти» [Фуко М., 1999, с. 42] — сама, в свою очередь, предполагает сакрально деструктивное использование истины. Поэтому импликация отношений власти и знания в генеалогическом проекте возникает как методологический результат негативного и позитивного деструктурирования познания истории.

Использование динамического аспекта проблемы наказания как эпистемологического условия связи власти и знания одновременно является и способом трансформации модели познания, в которой «главную роль играет субъект»; в результате генеалогическое единство власти и знания оказывается эпистемологическим пределом любой исторической воли к знанию. Таким образом, все динамические характеристики, с помощью которых в генеалогии М. Фуко анализируется концепт микрофизики власти, так или иначе

могут быть сведены к маргинальной антропологии.

Маргинальная антропология — это определенный способ конструирования генеалогической реальности, развернутой в сфере «политической анатомии»; метафорическая медиализация концепта указывает на доведенную до предела фундаментальную оппозицию метафизики и генеалогии. Тогда и способ, который в почти платоновском различении души и тела находит историю микрофизики власти, будет являться генеалогическим или, по меньшей мере, будет «частью генеалогии современной души». Поскольку в маргинальной антропологии душа сконструирована как «современный коррелят определенной технологии власти над телом» [Фуко М., 1999, с. 45], то ее генеалогическая реальность будет зависеть от политического функционирования тела, от процедур «наказания, надзора и принуждения», от исторической динамики враждующих сил. В дискурсах, конституирующих знание о человеке, последний, с точки зрения М. Фуко, может быть психикой, субъектом, личностью, сознанием и т.д., но все предметные области анализа производны от политической анатомии, в которой генеалогическая конфигурация «Власть – Знание – Тело» осуществляет конструирование души. Если «душа есть следствие и инструмент политической анатомии; душа — тюрьма тела» [Фуко М., 1999, с. 46], то антиномия идеального и телесного в истории может быть представлена отношением «надзирать – наказывать», отношением, которое позитивность вопроса о наказании связывает с дисциплинарными практиками, осуществляющими «политический захват тела».

Рассмотренные в аспекте сингулярной одновременности наказания и противозаконных практик, эти практики предстают в качестве новой экономии власти наказывать. Принцип визуализации преступления и наказания трансформирует технологию наказания, теперь это не просто двойная репрезентация преступления, а «знак, служащий препятствием». Семиотическая техника наказаний приходит на смену публичным казням и пыткам. Используемый М. Фуко механизм семиотического замещения публичных казней указывает, с одной стороны,

на принцип производности преступления и наказания как означаемого и означающего, а с другой — на изменение принципа линейности означающего, т.к. наказание наполнено маргинальным смыслом. По отношению к обозначаемому смыслу преступления смысл наказания — это семиотическая техника нелинейных взаимодействий, включающая в свою структуру определенные правила наказания.

Семиотическая структура наказаний позволит М. Фуко сделать вывод о рассчитанной экономии власти наказывать, поэтому «гуманизация наказаний», как коррелят техники власти, неизбежно ставит вопрос: «Действительно ли мы вступили в эру нетелесных наказаний?» [Фуко М., 1999, с. 148]. Каким может быть не телесное наказание, при условии, что оба аспекта оптимальной спецификации ведут к объективации преступников и преступлений? С одной стороны, преступник, в недалеком будущем больной и ненормальный, подвергается научной объективации, а с другой — семиотическая техника, объективирующая правила наказания. Обе линии объективации указывают, что отношение власти, лежащее в основе отправления наказания, начинает дублироваться объектным отношением. Преступник и преступление имманентны процессам объективации, а значит, «процессы объективации зарождаются в самих тактиках власти и в организации ее отправления» [Фуко М., 1999, с. 148]. Таким образом, реформа судебно-уголовной системы рубежа XVIII–XIX вв. конституирована структурой взаимоисключающих типов объективации. Дальнейшее сосуществование и развитие этих типов в истории наказаний потребует от М. Фуко соотнесения семиотической техники наказаний с новой политической анатомией. Точкой соотнесения семиотической техники наказаний и новой политической анатомии будет выбрано пространство перераспределения противозаконностей, т.е. пространство между смертной казнью и легкими наказаниями, заполненное в наше время тюремным заключением. По аналогии со структурой генеалогической телесности в генеалогии дисциплинарных практик возникает структура дисциплинарного тела, в котором

дисциплинарное воспроизводит отношение законного – незаконного в качестве специфической технологии воздействия на индивида. Исходным допущением генеалогии дисциплинарного станет методологическое положение, в соответствии с которым, независимо от специфики практик наказания, «в любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательства» [Фуко М., 1999, с. 199].

В первую очередь микрофизика дисциплинарного изменяет масштаб контроля, тело теперь непосредственно анализируется на уровне взаимодействующих исторических сил, в совокупности своих движений, жестов, положений оно не более чем «малая власть над активным телом». Вся эта малая физика наказаний подразумевает экономическую целесообразность активного тела как упражнения, рассматриваемого в качестве объекта контроля и модальности в виде непрерывного и постоянного принуждения. Поэтому контролируемая модальность наказания, с учетом всех физических и экономических требований, предъявляемых к способу воздействия на индивида, образует понятие дисциплинарного: «Методы, которые делают возможным детальнейший контроль над действиями тела, обеспечивают постоянное подчинение его сил и навязывают им отношения послушания – полезности, можно назвать “дисциплинами”» [Фуко М., 1999, с. 200].

В понятии дисциплин непосредственно обнаруживается динамический аспект проблемы наказаний, то, что с точки зрения Ф. Ницше, было принципиально непреодолимым. Поскольку в эпоху генеалогической телесности «дисциплины стали общими формулами господства» [Фуко М., 1999, с. 200], то всеобщность дисциплинарного, с одной стороны, эксплицирует различие происхождения и цели наказания как различие устойчивого и неустойчивого, а с другой — освобождает понятие дисциплинарного от ницшеанской непреодолимости. В любом случае микрофизика дисциплинарного, исследуемая через изучение отношений господства и

подчинения, имманентно содержит позитивность вопроса о наказании.

Так как различие происхождения и цели наказания есть отношение историческое, дающее дисциплинам момент рождения в общей истории наказаний, то Entstehung дисциплинарного — это рождение политической анатомии, являющейся в генеалогическом смысле определенной «механикой власти». Таким образом, форма маргинальной позитивности в «действительности исторического» есть не что иное, как политическая анатомия дисциплинарного тела, а с учетом всех моментов позитивности происхождения политической анатомии последняя «производит подчиненные и упражняемые тела, “послушные тела”» [Фуко М., 1999, с. 201].

В таком случае экономическая рациональность наказания производна от маргинальной позитивности отношений господства и подчинения, которые одновременно увеличивают и уменьшают силы тела. Политическая анатомия как микрофизика дисциплинарного «устанавливает в теле принудительную связь между увеличивающейся пригодностью и возрастающим господством» [Фуко М., 1999, с. 202] и в качестве множества исторических практик наказания проникает в различные области применения — от школы и больницы до армии и тюрьмы. Микрофизичность этих практик настолько второстепенна и маргинальна, что макрофизика дисциплинарных институтов, по замечанию М. Фуко, не раскрывает логики их исторического становления. В силу того что история дисциплинарных практик в систематической генеалогии подчинена нелинейной сингулярности тех или иных исторических событий, их циркуляция от одного социального института к другому охватывает все социальное пространство, они определяют «способ детального политического завоевания тела, новую “микрофизику” власти» [Фуко М., 1999, с. 203].

Генеалогическая дескрипция как метод описания маргинального объекта

Необходимо также отметить, что методологический статус дисциплинарной

телесности в процедуре реконструкции дисциплинарной системы порабощения повлияет на диффузию генеалогического метода, вследствие чего в концепте микрофизики власти будет преобладать метод описания маргинальных объектов. Генеалогическая дескрипция как раз и развернута на уровне, где объект описания — не более чем динамический показатель взаимодействующих в «действительной» истории сил господства и подчинения. Микрофизика генеалогического описания заключена в том, что дисциплина — это «политическая анатомия детали» [Фуко М., 1999, с. 203], она децентрализует власть и визуализирует бесконечное множество затерянных исторических событий, возвращая им их «действительную» историческую телесность.

Описывая мельчайшие детали микрофизической истории, генеалогический метод предполагает прослеживание становления и развития «дисциплинарного» человека, возникающего на пересечении многочисленных практик и представленного, по сути, структурой дисциплинарной телесности, в которой многочисленные дисциплинарные практики находят свое полноценное микрофизическое, а значит, историческое воплощение. Генеалогическая дескрипция, децентрализуя власть и визуализируя «действительную» историческую телесность, не только описывает структурные компоненты дисциплинарной телесности, она анализирует на уровне микрофизики и специфический механизм дисциплинарной власти. Природа власти в генеалогическом проекте М. Фуко рассматривается как использование «простых инструментов: иерархического надзора, нормализующей санкции и их соединения в специфической процедуре — в экзамене» [Фуко М., 1999, с. 249]. Дисциплинарная власть, как форма общественной власти, с одной стороны, гетерогенна по отношению к государственным институтам и государственному праву, а с другой стороны, осуществляет взаимодействие различных и разнородных начал. Например, воздействие осуществляется благодаря иерархическому надзору, устройству, «которое принуждает игрой взгляда», для

дисциплинарной власти надзор — это «аппарат, где технологии, позволяющие видеть, вызывают проявления и последствия власти, и где средства принуждения делают видимыми тех, на кого они воздействуют» [Фуко М., 1999, с. 249].

Дисциплинарная власть, воздействуя на отличную от нее разнородность, замещает метафизическую видимость герменевтического смысла, который традиционно с античности был связан с возможностью языка быть видимым. Если природа власти, как и природа языка, есть самопоказывание, т.е. определенная возможность существования в границах видимого смысла, то дисциплинарная власть теряет свою возможность существования в этом пространстве, ее маргинальная дискурсивность трансформирует феноменологический строй языка. По замечанию Ж. Делёза, режим света и строй языка не обладают в генеалогическом смысле одной и той же формой и относятся к разным формациям. Таким образом, генеалогическая *дифференциация в отношении власти и языка позволяет дисциплинарной* власти видеть, оставаясь невидимой. Применяя это положение Ж. Делёза к функционированию дисциплинарной власти в сфере гетерогенного, «всякое знание движется от зримого к высказываемому и обратно; и все-таки между ними нет ни общей тотализирующей формы, ни даже конформности или взаимно однозначного соответствия» [Делёз Ж., 1998, с. 65].

Мы можем учитывать маргинально-герменевтический статус языка и дискурса в сфере экспликации генеалогического смысла, который не обязан дублировать смысл герменевтический. В систематической генеалогии власть и смысл находятся там, где есть динамика отношений господства и подчинения, где «малые техники многочисленных и перекрещивающихся надзоров, взглядов должны видеть, оставаясь невидимыми» [Фуко М., 1999, с. 250]. Неопределимость природы генеалогических синтезов в сфере гетерогенного — не более чем «безвестное искусство света и видимого», имплицитное «новое знание о человеке». Более того, усиливая машинно-шизофренический аспект иерархического надзора, Ж. Делёз определит его как

абстрактную машину. На наш взгляд, механизм дисциплинарной власти больше соответствует ницшеанскому смыслу неопределимости неструктурированного и неустойчивого в структуре исторического процесса.

Выделяемая Ж. Делёзом шизофреничность и генеалогичность истории наказаний разными способами акцентирует внимание на проблеме происхождения и цели наказания, которая, как мы уже отмечали, интерпретируется у автора «Надзирать и наказывать» в проблему реконструкции «систем порабощения». Иерархический надзор в форме «безвестного искусства света», как и анализ *Entstehung*, не изменяет неопределимости природы генеалогических синтезов, но усиливает динамический аспект проблемы наказания. Не случайно в дисциплинарном пространстве иерархический надзор как визуально-архитектурный принцип применялся в качестве модели для строительства больниц, городов, домов умалишенных, тюрем и т.д.: «архитектура теперь призвана быть инструментом преобразования индивидов» [Фуко М., 1999, с. 251]. Поэтому больница, как и военный лагерь, теперь — инструмент дисциплинарного воздействия на индивидов, а школа — «механизм муштры», в котором архитектурная материальность неотделима от аппарата надзора. Воздействуя посредством надзора, дисциплинарная власть становится «микроскопом для наблюдения», она фокусирует совокупность всех визуальных воздействий в определенной точке. Подобная аккумуляция в архитектурном воплощении будет представлена концептом дисциплинарного центра, в котором «центральная точка должна быть как источником всеосвещающего света, так и местом сходимости всего, что подлежит познанию» [Фуко М., 1999, с. 254], а в сфере социального она выражает определенную политическую утопию.

В генеалогическом проекте «Истории Наказания» специфический механизм дисциплинарной власти, исключая, нормализует. Порождая эффекты нормализации, он выделяет «наказание согласно норме». Поэтому процесс нормализации гетерогенных механизмов в различии макрофизического и

микрофизического надо понимать как позитивную технологию вмешательства, то, что функционирует как принцип квалификации и коррекции. Возникновение власти нормализации «коренится в дисциплинарной технике, вводящей эти новые механизмы нормализующего наказания» [Фуко М., 1999, с. 269], тем самым генеалогическая реконструкция «систем порабощения» в своем остатке — не более чем история власти нормализации. Именно отсюда на основании дисциплинарного конструкта формулируется и основной генеалогический тезис: «Через дисциплины проявляется власть Нормы».

Выделим в качестве примера процедуру экзамена, поскольку история власти нормализации у М. Фуко будет неотделима от истории экзамена, который на уровне микрофизики развернет маргинальную импликацию Власти и Знания. Поскольку экзамен в дисциплинарных технологиях «вводит целый механизм, связывающий определенный тип формирования знания с определенной формой отправления власти» [Фуко М., 1999, с. 274], то маргинальная импликация Власти и Знания будет представлена в истории наказаний сингулярной функциональностью. Экзамен вводит индивидуальность в документальное поле, пространство документальной записи уже не является только определением уровня дискурсивной практики, порождающей все многообразие высказываний в той или иной дискурсивной формации. В отличие от археологического проекта, в котором архив — не более чем «основная система формации и трансформации высказываний», архив в систематической генеалогии напрямую связан с надзором индивидов, он «помещает их в толщу улавливающих и фиксирующих документов» [Фуко М., 1999, с. 276]. В силу чего генеалогический архив как «власть записи» — существенная и важная деталь механизмов дисциплины. Археологическая область высказываний, артикулированная в соответствии с историческим *argiōi*, уступает место в генеалогической истории маленьким техникам записи, регистрации, организации полей сравнения, разнесения фактов по столбцам, т.е. тому, что, с точки зрения М. Фуко, приведет к эпистемологическому

раскрытию наук об индивиде и, одновременно, лишит вопрос «Как возможна наука об индивиде?» его метафизического значения, поскольку генеалогическое рождение индивида будет обусловлено маргинальностью дисциплинарного механизма, «новым типом власти над телом».

Такие маргинальные типы, как ребенок, больной, сумасшедший, осужденный, становятся в классическую эпоху объектами индивидуального описания. Поэтому каждый маргинальный индивид в соответствии с процедурой конкретной объективации и конкретного случая получает и свою собственную индивидуальность. Дисциплинарная власть есть власть нормализации, учитывающей индивидуальные отличия посредством описания маргинальных биографий, что позволяет, в итоге, проследить в систематической генеалогии представления о норме и ненормальном как критериях индивидуальной случайности и индивидуального отличия по отношению к дисциплинарной нормативности субъекта. Богатейший эмпирический материал, использованный М. Фуко в курсе лекций «Ненормальные» [Фуко М., 2004], как раз и указывает на детальную экспликацию генеалогической нормативности, которая на примере криминологии, судебной медицины, психиатрии и т.д. анализирует становление в новоевропейской культуре представления о норме как биологическом, психологическом, моральном и политическом феномене. Представления о норме и ненормальном как субъекте, не поддающемся нормативному воспитанию и не вписывающемся в систему социума, возникают вследствие «оборота политической оси индивидуализации».

В классическую эпоху индивидуализация наполняется маргинальным смыслом, захватывая индивидов, она превращается в «исходящую индивидуализацию», поскольку власть нормализации посредством «нормы» становится все более и более анонимной и функциональной, а индивиды индивидуализируются тем больше, чем большая власть осуществляется над ними. Принцип «нисходящей индивидуализации», выраженный отношением «ребенок индивидуализируется больше, чем взрослый,

больной — больше чем здоровый, сумасшедший и преступник — больше, чем нормальный и законопослушный» [Фуко М., 1999, с. 283], как раз и фиксирует возникновение области ненормального как области, на основании которой осуществляется антропологизация маргинального субъекта, неспособного к «нормальному» существованию в обществе.

Заключение

Реконструкция интерпретационной стратегии М. Фуко, связанная с генеалогическим проектом «Истории Наказания», указывает не только на новую модальность власти, но и коррелирует с выводом, к которому приходит сам автор: «Я не говорю, что гуманитарные науки возникли из тюрьмы. Но если они смогли образоваться и произвести во всей структуре (episteme) знания известные глубокие изменения, то потому, что они были сообщены специфической и новой модальностью власти: определенной политикой тела, определенным методом, позволяющим сделать массу людей послушной и полезной» [Фуко М., 1999, с. 450]. В связи этим выводом в процессе реконструкции интерпретационной стратегии французского классика XX в. неизбежно возникают вопросы: Какой может быть природа механизма изменений, способствующая трансформации всего генеалогического проекта и какие формы эти изменения могут принимать? Сохраняет ли свое значение используемый способ чтения позднего М. Фуко при условии, что дисциплинарный человек в маргинальной антропологии трансформируется в механизмы субъективации, неразрывно связанные с проектом «Истории сексуальности», с «использованием удовольствий» (chresis aphrodision)?

Список литературы

- Визгин В.П.* Генеалогический проект Мишеля Фуко: онтологические основания // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2004. С. 96–110.
- Делёз Ж.* Фуко. М.: Изд-во гуманитарной лит., 1998. 172 с.
- Дьяков А.В.* Послесловие переводчика // Фуко М. Мужество истины. Управление собой и

другими П. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983/1984 учебном году: пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2014. С. 347–348.

Зекрист Р.Х. Концепция власти М. Фуко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 2(103). С. 40–46.

Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.

Кильдюшев О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. № 13(3). С. 9–32.

Корбен А, Герран Р.-А, Холл К, Хант Л, Мартин-Фюжье А. История частной жизни / под общ. ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби. Т. 4: От Великой французской революции до I Мировой войны / под ред. М. Перо. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 672 с.

Лизина Н.В. Практика власти как управленческие отношения в работах М. Фуко // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2(2). С. 206–209.

Низовцев Д.В. Проблема Власти в работах М. Фуко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 49–57.

Новиков О.В. Модели Власти и Знания в теории М. Фуко // Вестник РГГУ. Серия: Культурология. Искусствоведение. Музеология. 2009. № 15. С. 52–60.

Русаков С.С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. Т. 17, № 1. С. 114–124.

Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974/1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с.

Фуко М. Это не трубка: навязчивость взгляда Фуко и живопись. М.: Художественный журнал, 1999. 150 с.

Arac J. After Foucault. Humanistic knowledge. Postmodern challenges. N.Y., 1988. 208 p.

Получено 28.01.2019

References

Arac, J. (1988). *After Foucault. Humanistic*

knowledge. Postmodern challenges. New York, 208 p.

Corben, A., Hermann, R.A., Hall, K., Hant, L. and Martin-Fougier, A. (2018). *Istoriya chastnoy zhizni* [The history of private life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 672 p.

Deleuze, G. (1998). *Fuko* [Foucault]. Moscow: Humanitarian Literature Publ., 172 p.

Dyakov, A.V. (2014). *Posleslovie perevodchika* [The epilogue of the translator]. *Fuko M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboy i drugimi II. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1983/1984 uchebnom godu* [Foucault M. Courage of truth. Managing yourself and others II. Course of lectures delivered at the Collège de France in 1983/1984 academic year]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., pp. 347–348.

Foucault, M. (1999). *Eto ne trubka: navyazchivost' vzglyada Fuko i zhivopis'* [This is not a pipe. Obsession of view: M. Foucault and painting] Saint-Petersburg: Khudozhestvenny zhurnal Publ., 150 p.

Foucault, M. (2004). *Nenormal'nye: kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1974/1975 yuchebnom godu* [Abnormal: lectures delivered at the Collège de France 1974/1975 academic year]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 432 p.

Ilyin, I.P. (1998). *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism from its origins to the end of the century: the evolution of the scientific myth]. Moscow: Intrada Publ., 255 p.

Kil'dushev, O.V. (2014). *Mishel' Fuko kak issledovatel' «politseyskogo gosudarstva»: programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya* [Michel Foucault as a researcher of «police state»: program, heuristic problems, prospects of study]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. No. 13(3), pp. 9–32.

Lizina, N.B. (2011). *Praktika vlasti kak upravlencheskie otnosheniya v rabotakh M. Fuko* [Power practice as managerial relations in the works of M. Foucault]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University]. No. 2(2), pp. 206–209.

Nizovtsev, D.V. (2015). *Problema Vlasti v rabotakh M. Fuko* [The problem of Power in the works of M. Foucault]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences]. No. 4, pp. 49–57.

Novikov, O.V. (2009). *Modeli Vlasti i Znaniya v teorii M. Fuko* [Model of Power and Knowledge in the theory of M. Foucault]. *Vestnik RGGU. Seriya*

Kulturologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya [RGGU Bulletin. Series: Culturology. Art history. Museology]. No. 15, pp. 52–60.

Rusakov, S.S. (2016). *Trekhurovnevaya kontseptsiya politicheskoy vlasti M. Fuko* [Three-Level conception of political power of M. Foucault]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences]. Vol. 17, no. 1, pp. 114–124.

Vizgin, V.P. (2004). *Genealogicheskiy proekt Mishelya Fuko: ontologicheskie osnovaniya* [Of the Genealogical project of Michel Foucault: ontological

foundations]. *Mishel' Fuko i Rossiya* [Michel Foucault and Russia]. Saint-Petersburg: European University at St. Petersburg, Letniy sad Publ., pp. 96–110.

Zekrist, R.H. (2012). *Kontseptsiya vlasti M. Fuko* [The Concept of power of Michel Foucault]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [Izvestiya Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences]. No. 2(103), pp. 40–46.

Received 28.01.2019

Об авторе

Рязанов Иван Владимирович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии

Пермский государственный аграрно-
технологический университет
имени Д.Н. Прянишникова,
614990, Пермь, ул. Петропавловская, 23;
e-mail: iwan.riazanow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4676-2452>

About the author

Ivan V. Ryazanov

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of History and Philosophy

Perm State Agrarian and Technological University
named after D.N. Pryanishnikova,
23, Petropavlovskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: iwan.riazanow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4676-2452>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рязанов И.В. Власть и наказание в генеалогическом проекте М. Фуко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 158–168. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-158-168

For citation:

Ryazanov I.V. Power and punishment in M. Foucault's genealogical project // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 158–168. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-158-168

УДК 1(091):801

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-169-179

КОНЦЕПТ ДРАМАТИЗАЦИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Нассонов Михаил Сергеевич

Пермская государственная фармацевтическая академия

Драматизация представляет собой живую, синтезирующую состояния активную внутреннюю деятельность, присущую субъекту, которую сложно уместить в рамки строгой дефиниции, и именно по причине всего вышеуказанного она является концептом. На основании своеобразной методологии Жоржа Батая, имеющей своей целью выразить опыт невозможного, категориального аппарата экзистенциальной феноменологии М. Хайдеггера, герменевтики, историко-философского анализа и использования указанного концепта, сделана попытка проникнуть в глубины творческого акта и особенности личности автора. Последний (поэт, философ) занимается мифопоэзисом, он не просто создает особый язык и живет этим, а через него что-то изрекает; в этом его судьба и его драма. В связи с этим стоит говорить про экспрессию Бытия, где драматизация играет не последнюю роль. Драматизация — это тот процесс, что помогает выйти «из себя» к неизведанному и трансцендентному. Выделены и иные ее значения. Так, с экзистенциальной точки зрения человек, драматизирующий свое существование, становится ближе к пониманию языка, феноменам и смыслу своей жизни. Драматизация помогает преодолеть разрыв между вещами и словами. Ключевые фигуры нашего исследования, в философствовании которых наиболее четко прослеживаются две разновидности драматизации, это Платон и Ж. Батай. Первый вид — рациональный, где представлена драма, разворачивающаяся в жизни и в собственной философии, второй — иррациональный, связанный с внутренним опытом, мистическими экстазами, драматизацией до изнеможения. При этом и у Платона, и у Батая есть общие черты: моменты переживания смерти, незавершенности, преодоления пределов. Данный текст может быть интересен тем, кто занимается философскими проблемами творческого процесса (дальнейшая разработка драматизации в корреляции с другими подобными концептами поможет понять его на более высоком качественном уровне), сравнительным анализом античности и постмодерна.

Ключевые слова: драматизация, концепт, автор, тишина, Платон, Батай, внутренний опыт, экстаз, экспрессия бытия, поэтизирование, разрыв.

THE CONCEPT OF DRAMATIZATION AND ITS MEANINGS

Mikhail S. Nassonov

Perm State Pharmaceutical Academy

Dramatization is a living, state-synthesizing, active internal activity peculiar to the subject; it is difficult to fit into a strict definition; thus, because of all the above, it appears to be a concept. Based on the peculiar methodology of Georges Bataille, with its goal to express the experience of the impossible, the categorical apparatus of M. Heidegger's existential phenomenology, hermeneutics, historical and philosophical analysis and the use of the given concept, an attempt was made to penetrate the depths of the creative act and personality characteristics of the author. The latter (poet, philosopher) is engaged in mythopoiesis, he does not just create a special language and lives in it but conveys something through it, this being his destiny, his drama. In this regard, we should speak about the expression of Being, where dramatization plays a significant role. Dramatization is the process that helps to «go beyond oneself» to the unknown and transcendental. There are other meanings as well. For example, from an existential point of view, a person who dramatizes his existence becomes closer to understanding language, phenomena and the meaning of his life. Dramatization helps bridge the gap between things and words. The key figures of our research are Plato and G. Bataille, in

whose philosophizing two types of dramatization are most clearly traced. The first type is rational, where drama unfolding in life and in one's own philosophy is presented; the second one is irrational, associated with inner experience, mystical ecstasies, dramatization to exhaustion. At the same time, Plato and Bataille have common features: moments of experiencing death, incompleteness, and overcoming limits. This text may be of particular interest to those who deal with the philosophical problems of the creative process (further development of dramatization in relation to other similar concepts would help understand it at a higher qualitative level), a comparative analysis of antiquity and postmodernism.

Keywords: dramatization, concept, author, silence, Plato, Bataille, inner experience, ecstasy, expression of being, poeticizing, gap.

Введение

Мы часто используем те или иные понятия для передачи смысла, экзистенциального опыта, переживаний, страданий; для фиксации, ретрансляции, дескрипции внутренних состояний, результатов воздействия (давления) сущего. В общем, говорим на языке повседневности, который может оказаться дискретным, не успевающим за потоком сознания. Обнаруживается его недостаточность, предельность, ограниченность, когда мы замолкаем не по причине поиска смысла в тишине, а в связи с нехваткой слов для выражения. Возникает необходимость в создании нового языка, знаков, точно и символично передающих значения. При этом есть и такое движение — в мир должно приходить нечто, потом на этом языке обсуждаемое. В таких случаях появляется потребность в том, что называется поэзис (ποίησις), когда возникает новое, объективируется то, чего раньше не было. Это — преодоление разрывов в языке, ибо через него обретается целостность нашего существования, вписанного в каждодневное языковое событие. При всем этом пафосе мы оказываемся бессильны и немощны перед самим языком, перед возможностью творить, оставаясь на своем уровне, все больше скатываясь в сферу *das Man*, в болтовню, говоря, и поэтому мысля поверхностно. Даже если бы что-то начало нам показывать само себя, мы не прозрели бы его.

Здесь нас интересует прежде всего творческий процесс, и мы задаемся вопросом: за счет чего автор проникает в неизвестное, называя его, артикулируя для Другого? Соответственно мы пытаемся обнаружить в концептуальном и экзистенциальном планах некую живую, синтезирующую состояния

активную внутреннюю деятельность, для которой автор открывается или создает ее. Собственно нас преследует идея того, что поэтизирующий не просто создает особый язык и живет этим, а через него что-то изрекает, в этом его судьба, его драма.

Так, например, идея Ф. Ницше о «вечном возвращении» — это не обычное словотворчество, это исключительный опыт, озарение, а не просто дефиниция. Это, как говорил М. Хайдеггер, особый способ мышления бытия сущего, это созерцание понятия за пределами самого себя, когда «возвращение» обнажило невозможную глубину вещей. О своем прозрении Ницше упоминает в «Ессе Номо», его он запечатлел на листе бумаги. Как же точно было подмечено Хайдеггером, что если Ницше пишет о себе, то «это полная противоположность обычному тщеславному самоотражению — это всегда новая подготовка к очередной жертве, требуемой его задачей, — необходимость, которую он постоянно ощущал еще с молодых лет» [Хайдеггер М., 2010, с. 65]. Здесь есть выход за пределы Я, и это озарение «раскалывает» идею всякого завершения, словно смеясь над ней, преодолевая личную трагедию и смерть. Именно возвращение есть то, что лишает человека оснований, все, что совершается им, — делается ради самого свершения [Ворожихина К.В., 2015, с. 92]. В «Ессе Номо» Ницше вообще изрекает как пророк, как гений; он зрит то, что видели лишь единицы в его время, и он на голову впереди своей эпохи: «...Я благодный вестник, какого никогда не было, я знаю задачи такой высоты, для которой до сих пор не доставало понятий; впервые с меня опять существуют надежды. При всем том я по необходимости человек рока...» [Ницше Ф., 1990, с. 762–763].

**Пролегомены к концепту драматизации.
Экспрессия Бытия. Мифопоэзис греков**

Наиболее адекватным для прояснения вышеупомянутой живой, активной, синтезирующей деятельности является, на наш взгляд, концепт драматизации, введенный Жоржем Батаем. Его мы обнаруживаем, например, в работе «Внутренний опыт». Именно умение драматизировать позволяет Ницше «разорвать» присутствие, рассмеяться, а может быть, и разрыдаться от поразившего [Holier D., 1995, p. 73]. Есть в этом то содержание, что должно выводиться в итоге актера субъективного на сцену объективного.

Дионисийство покорило Батаю, его он считал тем, что связано с выходом за пределы самого себя, деперсонализацией, утратой собственного Я. Сюда хочется прибавить элемент экспрессивности (экспрессии Бытия, снимающей вышеуказанную дискретность языка), под которой мы понимаем медиумальность автора, экстатизирующего настолько, что уже не я говорю на нем, а словно он изрекает мною (выражает через меня). Или даже когда что-то с помощью языка сообщает посредством автора. Со стороны это может выглядеть как особая стилистика текстов, процесс говорения, когда автор соскальзывает с рефлексивного философского рассуждения к практике потоков сознания, стихам, экстазам, озарениям с преодолением всех грамматических условностей [Вайзер Т.В., 2013, с. 65]. Дополняет это и момент зачарованности, схваченный Морисом Бланшо, когда есть предел (не в плане конца, а некой цели движения), к которому стремится произведение, есть образ, а зачарованность — страсть к образу, своеобразное соприкосновение с истоком творения, связь, которую удерживает создатель с будущим произведением, онтологическая характеристика присутствия еще отсутствующего. Эмманюэль Левинас про М. Бланшо по поводу дефиниции последним зачарованности писал: «Взгляд захвачен произведением, слова смотрят на того, кто пишет... Поэтический язык, отстранив мир, позволяет вновь явить себя непрекращающемуся шепоту этого отстранения, подобно какой-то ночи,

проявляющейся в ночи» [Левинас Э., 2009, с. 17]. При этом скажем, что темнота ночи — это не что-то чувственно воспринимаемое, она есть предмет внутреннего рассмотрения, со временем проясняющийся, когда из сумерек возникает Нечто.

При таком прочтении концепта Батая и перенесении его в рассматриваемую плоскость оказывается более простым понимание ряда феноменов существования автора и человека, денотация творческого акта.

Близким понятием, возвращающим нас в сферу драматизации и экспрессивности, является «поэтико-мыслительный глубинный опыт», внутренний мифопоэтический опыт, по М. Хайдеггеру. Так, во «Введении в метафизику» он пишет: «Не явления природы послужили для греков источником понимания того, что есть φύσις, а наоборот: им открылось то, что они назвали φύσις, на основании поэтико-мыслительного глубинного опыта бытия» [Хайдеггер М., 1997, с. 99]. С помощью такого подхода φύσις предстало грекам, ищущим ядро сущего, не из наблюдений, а изнутри самих себя. Подобно Гераклиту со временем открывается λόγος, как нечто всеобщее и скрытое, чему не следовали люди, но к чему он обратился, объективировав это Слово. Оно бы и не возникло вне его личности; Гераклит, подобно пророку, афористично указывает на существование всемирного закона, которому необходимо следовать каждому. Однако люди еще не осознают того, что мудрость свойственна всем и надо ее любить, не «горят» психеей, поверхностно судят, путают мнение и знание. Это скрывающийся Логос, он требует особых усилий для своего схватывания, но парадокс в том, что человек постоянно с ним сталкивается, ибо он во всем. Именно через понимание Логоса (как ясно данного в уме, точнее, следующего из умом зримого единства всего) становится ближе φύσις как становящееся и изменчивое, сочетание жизни и смерти, это особый опыт извлечения сокровенного путем интеллектуального созерцания, миссия Плачущего философа.

Драматизация в произведениях и в жизни Платона. Трансформация Платона-поэта в Платона-философа

Сломать привычные каноны изложения своих идей, уподобить философские труды произведениям великих трагедиографов, создать словесное полотно, отражающее двоимирность и внутреннюю борьбу человека — все это выпало на долю Платона. Так, у героя трагедии не обязательно могут наличествовать внешние ориентиры при разрешении внутренних противоречий, а создатель Академии пишет о Благе, Красоте, высшей Истине, исходя из того, что они существуют сами по себе, к ним нужно стремиться, постигать их совершенство, постоянно умирая.

Следует заметить, что сама «драматизация» неоднородна по своему содержанию и может иметь разные значения. Драматизировать можно речь, придавая ей весомость через добавление в нее эмоций, красноречивых эпитетов и сравнений. Об этом писал еще Аристотель в «Поэтике» и «Риторике», но наша интенция — не раскрыть указанный концепт в подобном значении, а увидеть его иной смысл — как своеобразный инструмент покидания себя, выхода за свои границы. Платон, используя драматизацию в качестве метода для своих диалогов, «старается обрисовать, прежде всего, ту внешнюю обстановку, в которой происходит передаваемая беседа» [Радциг С.И., 1982, с. 350], расширить плоскость повествования, придать ей живости. При этом самое главное у Платона, где возникает как раз концептуальный и экзистенциальный смысл нашей темы, — это то, что для него философия — жизненная задача. «А жизнь для него была не мирная смена дней и годов умственного труда..., а глубокая и сложная, все его существо обнимающая драма» [Соловьев В.С., 1988, с. 585–586]. Сам он ее собственный герой, трагедийность существования которому придала смерть Учителя, из переживания коей его гений выводит свое заключение. Здесь, через драматизацию события, приходит понимание (да и непонимание) смерти искателя истины, ее провозвестника, голоса добра в этом сложном не-сущем мире и обращение к миру особому — идеальному. Теперь для Платона

значимость философии сравнима со значимостью его жизни, и порядок его произведений, возможно, определился этой драмой. Его постигали разные мысли, в своем опыте он достиг предела, через который ему открылся Эрот как стремление к жизни, но и смерть (а философ ее не боится) рассматривается уже как выздоровление и возвращение к Вечному.

Действительно, как верно заметил Х. Ортега-и-Гассет: «У человека нет природы. Человек не есть ни его тело, которое является вещью, ни его душа, психика, сознание или дух, которое тоже суть вещь. Человек не вещь, а драма, каковой является его жизнь, универсальное событие, происходящее с каждым из нас, и в этой драме человек в свою очередь — всего лишь событие» [Ортега-и-Гассет Х., 2000, с. 457]. Жизнь — это драма, разворачивающаяся между рождением и смертью. Судьба каждого человека драматична, событиям в ней он придает огромное значение, и именно через такое отношение проясняются смыслы не только персонального существования, но и всей эпохи. Через драматизацию рождается вопрошание, однако мы часто заглушаем ее, боясь заглянуть за пределы своего здесь, выйти из своей «пещеры», что сделал Платон. Интересным еще видится примечание, сделанное самим Ортегой-и-Гассетом в работе «Восстание масс» о том, что первичное, основное значение «жизни» раскрывается, когда к ней подходят не биологически, а биографически [Ортега-и-Гассет Х., 2000, с. 73]. И в нашем значении — это как раз своеобразная методология вынесения внутреннего во внешнее, словно читаемая со стороны книга своего здесь-бытия.

Много в жизни Платона было мистического и мистицизма: в преданиях о его рождении (потому что философ — он и пророк, и его существование и приход в этот мир должны быть связаны с чудесами), в составляющих его учения, в событиях его дней разных возрастов. Он существовал безмятежной жизнью Платона-поэта, но однажды такому бытованию пришел конец, он встречает Сократа-философа и, говорят, что сжигает все, что он до этого сочинил. Это именно Встреча в онтологическом смысле, когда Инаковость Другого предстает не просто в качестве

неординарной личности, но несет в себе всеобщее значение, духовность запредельного мира. Перед Встречей с Платоном Сократу приснился знаковый сон: он увидел лебедя, «который, взмахнув крыльями, взлетел с дивным криком» [Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А., 2005, с. 9], это было предзнаменованием о будущем ученике и друге. Трансформируясь в Платона-философа, великий грек сохраняет в себе поэтическое начало, вылившееся в обостренное восприятие бытия в драматических красках. Добавлением к драматизации является, по Ж. Батаю, момент тишины, как некая подготовка к ней. Считается, что Платон уезжает из Афин после смерти Сократа, много путешествует, претерпевает от жизни; возможно, что это и явилось периодом тишины (не в медитационном смысле), когда, спроецировав в себе свои переживания, достигнув ясности ума, он прозрел (родил) истину. По возвращении он основывает Академию, задача которой придать особый статус любви к мудрости.

Как уже говорилось выше, Платон использует драматизацию в своих трудах, привнося в них элемент литературности, художественности образов, но при этом в них отражается его мировоззренческая позиция, драма человека, отрефлексиовавшего опыт смерти. В «Апологии Сократа», хотя это и монолог, перед нами предстает сильный и мудрый герой (Сократ), бьющийся с клеветой в свой адрес, но это станет сражением с тенями, и он окажется беспомощным перед жизнью, перед внешними обстоятельствами. В диалогах «Критон» и «Федон» Сократ уже не борется, он смирился со своей участью, он ощущает себя уже за пределами жизни, а внутри нее остались друзья, ученики, единомышленники, которых он еще (в итоге) и утешает. В этих работах явлена диалектика внешнего и внутреннего, душераздирающая в первом случае, во втором — смиренная. Сократу через драматизирование, опыт-предел открылись смыслы, он уже говорит о бессмертии души, о загробном мире, и это уже не трагедия. Он просит принести в дар Асклепию петуха, в знак исцеления от тяжелой борьбы с несправедливостью. Это точка совпадения жизни и смерти, трагического и комического, известного и неизвестного.

Видится, что главным в произведениях Платона является внутренний диалог с самим собой, это одновременно и развертывание драмы жизни самого Платона, его агония, его битва. При этом в таком диалоге может возникать молчание по причине невозможности схватить мысль в языке, но с возможностью своеобразного говорения бытия и небытия.

С возрастом драматичность диалогов великого грека все больше размывается, герои бесед уже не антагонисты, а союзники, смех Сократа становится все тише. Престарелый Платон представляется человеком, утомленным жизнью; Платон-поэт сменяется Платоном-философом, но это совсем не означает, что изначальная установка — «быть или не быть правде на земле» [Соловьев В.С., 1988, с. 602] — исчезает, она остается становящейся идеей его ума, являя собой синтез всеобщего и индивидуального, субъективного и объективного, где достраивается и укрепляется здание своей концепции. Он продолжает миссию своего Учителя еще в юности и несет правду до конца. По мнению В.С. Соловьева, на закате жизни Платон отходит от Сократа, словно предавая его, заменяя высшую справедливость императивностью законов, по которым казнили когда-то его учителя. Но не означает ли это, что Платон переносит личностный характер совершенствования в государственную плоскость, требуя их одинаковой идеальности? При этом основатель Академии создает систему идеализма, основанную на существовании истинного мира, где высшая правда обитает, и обретает свою реальность должное, но, что интересно, именно несовершенство «мира вещей» создает открытость, постоянное движение.

Гениально прозревает по поводу Платона В.С. Соловьев, считая, что недоработкой грека явилась тема Эроса с его способностью «рождать в красоте». Эта мысль так и остается на уровне умозрения, не трансформировавшись во что-то осязаемое. Поднявшись в своем теоретизировании до высшего мира, Платон столкнулся с немощью человека (подобное мы далее отметим и у Батая), да и с Эросом у француза сложились особенные отношения (но это уже отдельная тема). Возможно, что именно тогда Платон-философ вытесняет Платона-поэта. А что же делать, если ты всего

лишь человек несовершенного мира? Ответ нашелся в стремлении реализовать на практике по части социальной философии (в попытках осуществить проект идеального государства) и в мифопоэзисе понятия «мировая душа». К тому же если Сократ задал такую планку, то надо найти в себе силы ее превзойти...

От идеи «светодаяния» к открытости внутреннего опыта

В Средние века вместе с отпадением культа и утверждением комплекса Священных текстов драматизация становится инструментом актуализации в сознании верующих религиозных сюжетов, образов, символов. Она связана с укреплением веры в реальность описываемых событий, персонажей и т.д., приданием им весомости и значения. Соответственно экстаз откровения через драматизацию может стать элементом внешнего, театрализованного, выйти вовне.

Однако примечательным (в связи с нашей темой) является фотодόσις («светодаяние»), встречающееся у Псевдо-Дионисия Ареопагита. Это некая световая информация (и стремление к ней), излучаемая Богом, содержащаяся во всем, во всей иерархии. В высшей форме она дана через мистические откровения в тишине, когда смолкают чувства и разум, затем через культовые таинства, а также содержится в тварных элементах и постигается «мысленным взором» [Бычков В.В., 1991, с. 216]. Тут не последнюю роль играет Эрот, который признается в качестве соединяющей и связывающей силы [Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник, 2002, с. 339]. Соединение со светом, как неизреченной реальностью, есть акт эротический, направленное движение от множественности к единству, к красоте. Прекрасное есть предел всего и предел любви, потому что все возникает ради нее, и Бог есть эта высшая Красота и Любовь. Опять же созерцание нетварного света возможно лишь благодаря отпадению особого опыта, ощутимой благодати, в которой Бог дает себя познать тем, кто перешел границы сущего (сотворенного), а это есть мистический экстаз, в котором проявляется высшее развитие ума духовного и осуществляется гносис. В таком состоянии (а у

Псевдо-Дионисия экстаз — это и бытийная самоотдача, вытекающая из применения апофатического познания) любящие принадлежат уже не себе, а возлюбленным [Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник, 2002, с. 335]. Познающий отдается Богу, отрешается от разума, оставляя его позади, поскольку пытается постичь не сущее, а таковое возможно лишь незнанием (опыт апофатики). Здесь выявляется важная для нас составляющая: трансцендентное. Нечто находится в сфере незнания, а сам свет есть невысказанное, поскольку не является сущим, но может в нем наличествовать, поэтому для его интуиции подходит именно такая дефиниция. Мы можем знать что-то о нем, но в незнании скрыто больше. Также сюда хочется добавить своеобразную идею, возникшую в недрах христианской мистики, связываемую с Мейстером Экхартом, — в богопознании не то, чтобы человек восходит к Божеству, а наоборот, приводит Его к себе.

Экстаз становится тем состоянием, в котором человек выходит за границы своих возможностей, входит в соприкосновение с неизведанным, с вечным Субъектом. Например, в «экстазе, осуществляющемся в горизонте жизненного мира повседневности, человек напрягает все возможности своей экзистенции, для того, чтобы, преодолевая свою субъективность, раствориться в просвете бытия» [Дорофеев Д.Ю., 2004, с. 73].

Ж. Батай соединяет экстатическое состояние и внутренний опыт (получая «состояния экстаза, восхищения, по меньшей мере, мысленного волнения» [Батай Ж., 1997, с. 17]). Своеобразное значение его атеологии (что тоже важно для нас) заключается в том, что он элиминирует Бога из практики мистического откровения, поэтому целью такого опыта остается он сам. Здесь сохраняется указанный чуть выше тезис о том, что в незнании скрыто больше, и внутренний опыт ведет именно туда, мы его словно «отпускаем», следуя за ним. Аналогичным является «литературный опыт» у М. Бланшо, который выводит за границы познаваемого и указывает на то, что не может быть познано, на ничто [Осминская Н., 2004]. «Внутренний опыт» Батая являет собой изначальную свободу, когда нет уже основы, нет заданного проекта (как в

экзистенциализме), есть что-то аналогичное «автоматическому письму» сюрреалистов (с которыми он был близок). Однако как раз идея избирания изначальной свободы и отсутствие проекта отличает Батаю от представителей сюрреализма. Внутренний опыт — это то, что не имеет конкретной цели, но ведет к непостижимому, где необходимо преодолеть беспредельность предела. Он своего рода «апофеоз беспочвенности», если ориентироваться на ключевую тему Л. Шестова.

Значение драматизации у Ж. Батая, ее связь с тишиной и экстазом

Работа Жоржа Батая «Внутренний опыт» достаточно специфична, для ее понимания необходимо быть его другом, членом его сообщества. Это одно из таких произведений французского мыслителя, которое мы бы не стали называть завершенным (да и это противоречит его собственным установкам), дабы исключить объективацию книги в культуре, предполагающую «смерть автора».

Особенность этого внутреннего опыта в том, что он не является субъективным в традиционном понимании, а осуществляется между субъектами, где опыт уже не только автора, но и читателя, он посередине. Для сообщения опыта Батай вводит симулякры (для Платона характерно негативное отношение к симулякрам), поскольку они лишены строгости понятий (которые есть слова о словах), ибо они как раз и дают опыт немислимого. Иначе говоря, он симулирует письмо, уходя от академических философских понятий, поэтому может запутать строгого читателя (как случилось с Сартром), а введение строгих дефиниций видится как ограничение. Симулякр соответствует тому (пустому) месту в сознании, которое должна была занимать некоторая идентичность (соответствие вещи и понятия), но сознание оказалось лишено ее в силу своей открытости другому. «Различие между внутренним опытом и философией: в опыте речь ничто, разве лишь средство, но как средство она будет препятствием; не суть важна речь о ветре, важен сам ветер» [Батай Ж., 1997, с. 34].

Но вернемся к нашей теме. Ж. Батай, как нам видится, начал двигаться в сторону идеи

экстаза, тишины и драматизации после смерти в 1938 г. Лауры (Колетт Пенью). Он считал, что постижение себя как конечного существа является конституирующим для человеческого бытия, при этом у нас нет осознания собственной смерти, поскольку в этом случае с гибелью тела прекращается деятельность сознания, способного ее зафиксировать. Смерть Другого словно открывает человека для творческой свободы. В июне 1939 г. в последнем номере «Ацефала» выходит его работа «Практика радости перед лицом смерти», ставшая свидетельством тех драматических состояний, которые он использовал, чтобы достичь экстаза, а радость перед лицом смерти есть утверждение о внутреннем согласии жизни с ее жестоким разрушением. В 1940 г. он пишет в своем дневнике про проекцию образов вспышек и разрывов, про умение создавать в себе «величайшую тишину», а затем «перелистывать» в памяти возникшие картины. «Внутренний опыт» же выходит в 1943 г., где Батай пишет про два процесса — тишину и драматизацию. Само слово «тишина» может производить шум, при этом это то слово (и не слово), которое упраздняет шум, чем является каждое слово. Она (тишина) уже видится как концепт, потому что ее достижение дается в «болезненной сердечной муке» [Батай Ж., 1997, с. 40]. Необходимо замереть, используя средства медитации, остановить дискурсивную мысль, войти в состояние оцепенения. Дух «обнажается» в результате прекращения всяческой умственной деятельности, а рассуждения держат его в жалком сосредоточении. Смыслом тишины, как нам видится, является работа не с понятиями-словами, а с образами, тишина устраняет слова, в ней они рассеиваются как дым.

В результате медитации в тишине Батаю являлись различные образы — собственной смерти, враждебности, хищной птицы, вскрывающей ему горло, разрушения мира, объятых пламенем и т.д. Как замечает Жан Брюно, «было бы слишком поверхностным приписывать эту настойчивость жестоких тем болезненному романтизму скорби. Роль этих потрясающих нас образов — в открытии бреши в психике» [Брюно Ж., 2006, с. 43].

«Мы не могли бы покидать себя, если бы не умели драматизировать» [Батай Ж., 1997, с. 30], — не отделяли бы Я от Иного, существовали бы сами по себе. Тут нам видится четвероякий смысл этой фразы. Во-первых, Я покидаю себя ради Другого, обнаруживая его рядом, оценивая совершенное (что сделал я?). Во-вторых, Я могу вынести свой субъективный опыт, словно проиграть его перед собой со стороны или перед моим читателем, перенести его из сферы моего Я в мир, сделав вещью. Хотя для этого необходима своеобразная эстетизированная драматизация, со своим языком, когда возникает словесный дискурс, позволяющий создать необходимую структуру для описания внутреннего опыта. В драматизации теряется Я, снимаются пределы, установленные рациональностью. Автор не может и не должен быть ограничен идеями находящихся рядом с ним объектов, ему необходим поэзис. Мы драматизируем, дабы освободиться от навязчивости дискурса. В-третьих, драматизация позволяет через эту брешь в психике забыть себя и соединиться с неуловимым по ту сторону, различить субъект и объект (меня и то, что говорило мною). В-четвертых, драматизация создает чувственное напряжение, которое разжигает пламя эмоций, а экстаз возможен после ее остановки.

Возникает вопрос: как же тогда создавать особый язык, если слова являются оторванными от предметов, а поэзия также подчинена слову, которое устраняет тишина? Дело как раз в том, что внутренний опыт содержит в себе и подчиняет себе слово, поэтизирование; в этой явленности он будет языком и тишиной (дабы выразить с большей отрешенностью), он будет создавать, иначе его никак не передать и не сообщить. Если автор один, то ему приходится доверить опыт бумаге. И симулякр станет тем, что отринет навязчивость дискурса (мы его сами творим), станет образом, обманом завершенности. В итоге Батай настолько погрузился в свою практику экстаза, что «притянул» к себе Бытие, он видел внешний мир, но объекты его стали для него прозрачными, за определенностью он увидел Нечто.

Смысловое поле драматизации. Идея о разорванности и предназначение автора

Также можно говорить и о драматизации жизни — это то состояние, «тот ключ», что позволяет не оставаться безразличным к ней самой. Она открывает в нас человека, задевает струны авторитетов, ценностей, совести, которые «запускают» драму. Драматизация — это деятельность, вызывающая мысль, вызывающая язык для придания формы, это целый комплекс действий. Драматизирование делает человека восприимчивым к смыслам, трансформирует мысль из смутного содержания в ясное. Она затрагивает человека вообще, именно его создает Платон своим «миром идей». Ему он открывается из внутреннего опыта, как некоего сознания, интуитивно предполагающего наличие неизвестного, что будет впоследствии объективировано, названо. Для Батая авторитетом становится придание значимости своему опыту. Он раскрывается как стремление к самой образности, нежели в привязанности к речи и мнимостям. Кроме того, он говорит своим поэтическим языком о некой точке, которую без драматизации не достичь, называя ее личностью.

Особый экзистенциальный смысл драматичности жизни человека в том, «чтобы просто быть» [Батай Ж., 1997, с. 32], но речь идет, скорее, о подлинном бытии или обращении к нему. Парадокс тут и в апофатичности существования, в пребывании в разорванности, которую необходимо преодолеть. Словно ты в некой археологии своего бытия, смысл появляется и исчезает в «трещинах» и «разрывах». При этом через драматизацию быть не так просто, она заставляет двигаться вперед, и здесь мы можем столкнуться с собственной немощью.

Сегодня мы все живем в разорванности, в расколотости, в оторванности вещей от их истинных имен, а в авторе словно жива память о первозданной целостности, он тоскует по ней, и это есть также его драма, «вещи подают сигналы о своем одиночестве, посылают весть о ране и нехватке» [Цыбуля А., 2015]. При этом парадокс состоит в том, что такая рана не затягивается, она перманентна, она создает стремление к называнию, к преодолению

разрыва. Вещи также в нас нуждаются, они не помнят своих имен, а язык — не мысль, а средство ее фиксации. Смысл существования автора в том и заключается — в постоянном преодолении разрыва, он видит темноту, слышит тишину, и, вслушиваясь в себя, себя не слышит, потому что у него нет ни собственного голоса, ни собственного имени. Возможно, что именно поэтому мирская жизнь тяготит его, а в представлениях обывателя его деятельность никчемна.

Так, по М. Хайдеггеру, автор выкликает вещи, и они выходят к нему, они должны начать говорить. Названные вещи призваны вещать, таким способом они распахивают тот мир, в котором существуют (истину сущего). Поэт, художник раскрывают сокровенность вещи, личину мира в облики вещи. Искусство помогает увидеть истину сущего (вещественность вещи). В работе «Искусство и пространство» Хайдеггер утверждает, что истина бытия воплощается в произведении, поскольку оно учреждает места, а «место» мыслится им как открытие области, в которой собираются вещи.

В искусстве важна способность художника не затемнить вещественность вещи, а дать ей возможность взять слово; башмаки крестьянина на картине Ван Гога повествуют о крестьянине и его труде «выразительнее, точнее, глубже, сущностней, чем тысячи ученых слов» [Мотрошилова Н.В., 1991, с. 45]. Хайдеггер призывает вернуться к истоку, к началу, к простоте, к молчанию, к умению слушать это молчание, чтобы изречь. Бытие мыслит, Бытие говорит с нами, но оно и умеет молчать. Надо убрать присущее деление на мыслителя и поэта и вернуться к поэтическому мышлению. Ведь любая поэзия и в узком, и в широком смысле — это мышление, артикулирующее то, что диктует Бытие, и оно всегда поэтично, ибо раскрывает истину. Автор — это медиум, через которого с нами говорит Бытие. К примеру, Гельдерлин и Трагль — их жизнь (со своей спецификой) была подчинена миссии передачи говорения Бытия, это великие Называтели по имени, язык их символичен (симулякр Батая), но за ним скрыты особые смыслы.

Разница между Батаем и Хайдеггером, как нам видится в случае с экспрессией Бытия в лице автора, в том, что у немецкого мыслителя

поэт — его проводник (пастух Бытия), называющий вещи, а у французского, с его стремлением преодолеть завершенность, автор сам притягивает к себе Бытие. Однако творчество Батая, выражаясь хайдеггерским языком, являет один из возможных примеров мифопоэзиса.

Драматизация, запускающая экстатирование, несет под собой «опыт-предел», который «уже не может быть пережит от первого лица — он знаменует собой скорее выскальзывание за рамки “я”, и в таком качестве он оказывается сродни невозможному “опыту” смерти» [Евстропов М.Н., 2011, с. 50]. Драматизация обнажает нерв наших возможностей, позволяя противопоставить, создать диалектику иного и реального, предела и запредельного. Как говорил упомянутый М. Бланшо, «писать — значит умирать». Для него «смерть лишена пафоса предельной человеческой возможности, возможности невозможности, она представляет собой нескончаемую канитель вокруг того, что схвачено быть не может, перед чем “я” теряет свою самость. Невозможность возможности» [Левинас Э., 2009, с. 17–18]. Снова здесь диалектика вышеобозначенного и экспрессивность пространства произведения, языка. Такая смерть выглядит как невозможность умереть. Сократу явился Эрот, он умер добровольно, сняв предел смерти, установленный жизнью, и через это событие открывается смерть вообще, как бесконечно имманентная жизни.

Заключение

Итак, драматизация имеет различные формы своего существования и выступает как придание весомости речи, литературный прием, инструмент актуализации в сознании верующих религиозных сюжетов, образов, символов, психологический метод. Нас же, прежде всего, интересует она как концепт, когда в наличии живая, синтезирующая состояния, активная внутренняя деятельность, существующая не просто на уровне повседневности как метод замирания, задавания эмоции и осмысления своей жизни. Драматизация (на уровне автора) — это специфический способ выхождения из себя, за свои пределы, элемент обращения к

трансцендентному, понимания открытости. Без нее сложно говорить о подлинном существовании, и сама драматизация, как концепт, отрицает какую-то определенность, которая есть завершенность. Она видится в качестве важной составляющей акта творчества, прояснения экспрессии Бытия.

Платон и Ж. Батай явили собой два полюса драматизации, Платон-философ, близкий к Аполлону, рационализировал свою жизненную драму, Батай-поэт, симпатизировавший Дионису, буйству стихии, экстазам, безумию, обнажил себя для Другого. Однако едины они в идее открытости и незавершенности, бесконечности истолкований, за ними призрачно маячит Великая Истина.

Список литературы

Батай Ж. Внутренний опыт / пер. с фр., послесл. и коммент. С.Л. Фокина. СПб.: Аксиома: Мифрил, 1997. 336 с.

Брюно Ж. Техники озарения у Жоржа Батая // Предельный Батай: сб. статей / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 39–53.

Бычков В.В. На путях «незнаемого знания». К публикации малых сочинений из *Corpus Aegoragiticum* // Историко-философский ежегодник '90. М.: Наука, 1991. С. 210–220.

Вайзер Т.В. Воображая интерсубъективность в трансгрессивном сообществе Ж. Батая // Артикульт. 2013. № 10(2). С. 63–74.

Ворожжихина К.В. Ницше во Франции: конфликт первых интерпретаций // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 1. С. 88–94.

Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник. Сочинения. Толкования / пер. и предисл. Г.М. Прохорова. СПб.: Алетейя, 2002. 864 с.

Дорофеев Д.Ю. Человек в экстазе // Вестник Русского Христианского гуманитарного Института. 2004. № 5. С. 73–92.

Евстропов М.Н. Жорж Батай: опыт бытия как критика онтологии // Вестник Томского университета. 2011. № 344. С. 50–56.

Левинас Э. О Морисе Бланшо / сост. и пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2009. 118 с.

Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель (3-е изд., испр. и доп.). М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.

Мотрошилова Н.В. Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность: сб. / АН

СССР, Ин-т философии; ред. кол.: Н.В. Мотрошилова (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1991. С. 3–53.

Ницше Ф. ЕССЕ НОМО. Как становятся сами собою // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. / сост., ред. и автор примеч. К.А. Свасьян; пер. с нем.

Ю.М. Антоновского, Н. Полилова, К.А. Свасьяна, В.А. Флеровой. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 693–769.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания: сб. / пер. с исп. М.: АСТ, 2008. 352 с.

Ортега-и-Гассет Х. История как система // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / сост. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь мир, 2000. С. 437–479.

Осминская Н. Морис Бланшо: опыт критики как литературный опыт (Коллоквиум «Морис Бланшо: неумолкнувший голос», РГГУ, Москва, 20 февраля 2004 г.) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2004/66/os34.html> (дата обращения: 17.04.2019).

Радциг С.И. История древнегреческой литературы: учебник. 5-е изд. М.: Высш. школа, 1982. 487 с.

Соловьев В.С. Жизненная драма Платона / Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. 822 с.

Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: НОУ «Высшая религиозно-философская школа», 1997. 302 с.

Хайдеггер М. Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении. Вечное возвращение равного // Лекции о метафизике / пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 57–156.

Цибуля А. Вещи не запомнили своих имен // Новое литературное обозрение. 2015. № 3(133). URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2015/3/27cti.html> (дата обращения 22.04.2019).

Holier D. From beyond Hegel to Nietzsche's absence // On Bataille: Critical Essays / ed. by L. Boldt-Irons. Albany: SUNY Press, 1995. P. 61–78.

Получено 01.05.2019

References

Bataille, G. (1997). *Vnutrenniy opyt* [Inner Experience]. Saint-Petersburg: Aksioma, Mifril Publ., 336 p.

Bruno, J. (2006). *Tekhniki ozareniya u Zhorzha Bataya* [Techniques of insight in Georges Bataille]. *Predel'nyj Batay* [Extreme Bataille]. Saint-Petersburg: St.-Petersburg University Publ., pp. 39–53.

Bychkov, V.V. (1991). *Na putyakh «neznaemogo znaniya»*. *K publikatsii malykh sochineniy iz Corpus Areopagiticum* [On the ways of «unknown knowledge». To the publication of small writings from Corpus Areopagiticum]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik '90* [Historical and Philosophical Yearbook '90]. Moscow: Nauka Publ., pp. 210–220.

Dionysius Areopagita and Maximus the Confessor (2002). *Sochineniya. Tolkovaniya* [Writings. Interpretations]. Saint-Petersburg: Aletyya Publ., 864 p.

Dorofeev, D.Yu. (2004). *Chelovek v ekstaze* [Man in Ecstasy]. *Vestnik Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta* [Herald of the Russian Christian Institute of Humanities]. No. 5, pp. 73–92.

Evstropov, M.N. (2011). *Zhorzh Batay: opyt bytiya kak kritika ontologii* [Georges Bataille: the experience of being as the critique of ontology]. *Vestnik Tomskogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 344, pp. 50–56.

Heidegger, M. (2010). *Metafizicheskaya kontseptsiya Nitsche i ee rol' v evropeyskom myshlenii. Vechnoye vozvrashcheniye ravnogo* [Nietzsche's metaphysical concept and its role in European thinking. The eternal return of an equal]. *Lektsii o metafizike* [Lectures on metaphysics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp. 57–156.

Heidegger, M. (1997). *Vvedeniye v metafiziku* [Introduction to metaphysics]. Saint-Petersburg: Higher religious and philosophical school Publ., 302 p.

Holier, D. (1995). From beyond Hegel to Nietzsche's absence. *On Bataille: Critical Essays*, ed. by L. Boldt-Irons. Albany, SUNY Press., pp. 61–78.

Levinas, E. (2009). *O Morise Blansho* [About Maurice Blanchot]. Saint-Petersburg: Machina Publ., 118 p.

Losev, A.F. and Takho-Godi, A.A. (2005). *Platon. Aristotel'* [Plato. Aristotle]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 392 p.

Motroshilova, N.V. (1991). *Drama zhizni, idey i grekhopadeniya Martina Haydeggera* [Drama of life, ideas and falls of Martin Heidegger]. *Filosofiya Martina Haydeggera i sovremennost'* [The philosophy of Martin Heidegger and modernity]. Moscow: Nauka Publ., pp. 3–53.

Nietzsche, F. (1990). *ECCE HOMO. Kak stanovyatsya sami soboy* [Ecce Homo: how one becomes what one is]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 693–769.

Ortega y Gasset, J. (2000). *Istoriya kak sistema* [History as a system]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Ves' mir Publ., pp. 437–479.

Ortega y Gasset, J. (2008). *Vosstanie mass. Degumanizatsiya iskusstva. Beskhrebetnaya Ispaniya* [Rise of the masses. Dehumanization of art. Spineless Spain]. Moscow: AST Publ., 352 p.

Osminskaya, N. (2004). *Moris Blansho: opyt kritiki kak literaturnyy opyt (Kollokvium «Moris Blansho: neumolknushiy golos», RGGU, Moskva, 20 fevralya 2004 g.)* [Maurice Blanchot: The experience of criticism as a literary experience (Colloquium «Maurice Blanchot: a unresponsive voice», RSHU, Moscow, February 20, 2004)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. No. 66. Available at: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2004/66/os34.html> (accessed 17.04.2019).

Radtsig, S.I. (1982). *Istoriya drevnegrecheskoy literatury: uchebnik* [History of Ancient Greek literature: a textbook]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 487 p.

Solov'yev, V.S. (1988). *Zhiznennaya drama Platona* [The life drama of Plato]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., 822 p.

Tsibulya, A. (2015). *Veschi ne zapomnili svoikh imen* [Things do not remember their names]. *Novoe literaturnoye obozrenie* [New Literary Observer]. No. 3(133). Available at: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2015/3/27cti.html> (accessed 22.04.2019).

Vayzer, T.V. (2013). *Voobrazhaya inter-sub'ektivnost' v transgressivnom soobschestve Zhorzha Bataya* [Imaginary intersubjectivity in Georges Bataille's transgressive community]. *Artikul't* [Articulate]. No. 10(2), pp. 63–74.

Vorozhikhina, K.V. (2015). *Nitsche vo Frantsii: konflikt pervykh interpretatsiy* [Nietzsche in France: a conflict of the early interpretations]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 8, no. 1, pp. 88–94.

Received 01.05.2019

Об авторе

Нассонов Михаил Сергеевич
кандидат философских наук,

About the author

Mikhail S. Nasonov
Ph.D. in Philosophy, Associate Professor

доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин

Пермская государственная фармацевтическая
академия,
614990, Пермь, ул. Екатерининская, 101;
e-mail: nasson@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9364-0004>

of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines

Perm State Pharmaceutical Academy,
101, Ekaterininskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: nasson@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9364-0004>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Нассонов М.С. Концепт драматизации и его значения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 169–179. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-169-179

For citation:

Nassonov M.S. The concept of dramatization and its meanings // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 169–179. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-169-179

УДК 111.1:141

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-180-193

ПЯТЬ ТЕЗИСОВ ПИТЕРА ВАН ИНВАГЕНА О БЫТИИ И ЕГО ПОЛЕМИКА С ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Гусев Максим Александрович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

В статье рассматриваются тезисы о бытии современного представителя аналитической философии П. ван Инвагена, в том числе тезис «бытие — не деятельность», по поводу которого Инваген вступает в полемику с экзистенциально-феноменологической традицией. Цель данной статьи — исследовать причины непонимания между Инвагеном и экзистенциально-феноменологической традицией. Показывается, что экзистенциально-феноменологическая традиция рассматривается Инвагеном так, как если бы она была таким же «объективистским» подходом, как и аналитический, но только представляющим другой вариант ответа на поставленный Инвагеном вопрос о бытии. Игнорирование радикального отличия экзистенциально-феноменологического подхода от аналитического «объективистского» подхода приводит к тому, что понимание Инвагеном высказываний о бытии таких философов, как Хайдеггер, оказывается неадекватным. В «объективистском» аналитическом подходе вопрос о существовании никак не связан с течением нашего опыта, с данностью нам чего-то, с явлением чего-то, наделением смыслом и т.п. Вот почему Инваген недоумевает по поводу того, почему бытие вообще может быть как-то ассоциировано с «деятельностью». По этой же причине Инваген не понимает, почему представители экзистенциально-феноменологического подхода говорят о каких-то различиях в такой «деятельности». С точки зрения Инвагена, все различия касаются «природы» вещи, а не бытия. С «объективистских» позиций все выглядит именно так, ведь «извне» невозможно понять, что значит, например, совпадение понимания с бытием-в-мире. В объективистском подходе Инвагена единственное место, которое можно отвести для философии Хайдеггера, — антропология или психология — т.е. нечто, ограниченное человеком или его «внутренним миром». В статье обосновывается вывод, что хотя можно отрицать феноменологический подход в целом, изнутри такого подхода можно показать, что концепция Хайдеггера осмысленна и что она имеет онтологический, а не антропологический или психологический характер.

Ключевые слова: онтология, метаонтология, бытие, существование, Инваген, Хайдеггер, аналитическая традиция, экзистенциально-феноменологическая традиция.

PETER VAN INWAGEN'S FIVE THESES OF BEING AND HIS CONTROVERSY WITH THE EXISTENTIAL- PHENOMENOLOGICAL TRADITION

Maxim A. Gusev

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article considers P. van Inwagen's theses about being, including the thesis «being is not an activity». In formulating that Inwagen argues with the existential-phenomenological tradition. The article aims to investigate the causes of the misunderstanding between Inwagen and the existential-phenomenological tradition. It is shown that Inwagen treats this tradition as if it were an «objectivist» approach, just like the analytic tradition but presenting another answer to Inwagen's meta-ontological question. Ignoring the rad-

ical difference between the existential-phenomenological approach and the analytical, «objectivistic» approach leads Inwagen to misunderstanding of Heidegger's statements about being. From the «objectivist» analytical standpoint, the question of existence has nothing to do with the course of our experience, with fact something has been given to us, or with giving meaning to something, etc. That is why Inwagen wonders how existence can be associated with an «activity» at all. For the same reason, Inwagen does not understand why the existential-phenomenological tradition's adherents talk about some differences in such «activities». From Inwagen's point of view, all the differences lie in the «nature» of things, not in being. From the «objectivist» point of view, it seems exactly like that, because it is impossible to understand «from the outside», for example, the convergence of awareness and being-in-the-world. Within Inwagen's objectivist position, Heidegger's philosophy can only be comprehended as anthropology or psychology, which are studies limited to the topic of human beings or their inner world. The article concludes that although one can deny the phenomenological approach in general, but it is possible to show from the inside of that approach that what Heidegger says in his philosophy is, firstly, meaningful and, secondly, relates to ontology and not to anthropology or psychology.

Keywords: ontology, metaontology, being, existence, Inwagen, Heidegger, analytic tradition, existential-phenomenological tradition.

Проблема бытия, основная проблема онтологии, до сих пор порождает множество споров. Сложность, однако, заключается не просто в том, что различные мыслители не могут достичь согласия относительно этой проблемы. Мыслители, принадлежащие к различным школам, часто говорят на разных языках, что делает невозможным сам диалог. Е.В. Бакеева замечает: «Ситуация, сложившаяся в современной философии, все чаще заставляет вспоминать о Вавилонской башне» [Бакеева Е.В., 2014, с. 5].

Сказанное можно отнести и к работе современного аналитического философа Питера ван Инвагена «Бытие, существование и онтологические обязательства».

В этой работе Инваген вступает в спор с такими направлениями, как майнонгианство¹ и неомайнонгианство, критикует замечания Г. Райла по проблеме существования и позицию Х. Патнема по этому вопросу. Но спор между Инвагеном и перечисленными выше мыслителями становится возможен благодаря тому, что стороны спора говорят на одном языке; не соглашаясь друг с другом, они все-таки способны понять друг друга. Того же самого нельзя сказать о полемике Инвагена с представителем экзистенциально-феноменологической традиции. Интерпретируя их высказывания о бытии, Инваген использует подход, являющийся для него само собой

разумеющимся. Но, в силу того что сам этот подход к философским проблемам радикально отличается от экзистенциально-феноменологического, его понимание высказываний о бытии таких философов, как Сартр и Хайдеггер, оказывается неадекватным².

Целью данной работы не является разрешение споров вокруг бытия. В статье мы попытаемся показать, почему возникает непонимание между аналитической и экзистенциально-феноменологической традицией по вопросу бытия.

В работе «Бытие, существование и онтологические обязательства» Инваген различает два вопроса — онтологический «Что есть?» и метаонтологический «Что значит бытие?». Давая свой ответ на второй вопрос, он формулирует пять тезисов о бытии: «бытие не деятельность», «бытие то же самое, что и существование», «бытие однозначно», «единственный смысл бытия или существования адекватно отражается экзистенциальным квантором формальной логики» и последний тезис — тезис об онтологических обязательствах.

² Интересно, что в своей более ранней работе «Макгинн о существовании» Инваген писал: «...Я также оставил без своего внимания определенные теории бытия и существования, которые не могут быть переведены на язык, приемлемый для философов, которые, вероятно, будут читать мою статью (с моей точки зрения, ряд античных и средневековых теорий имеет эту особенность; определенно, это также и особенность теорий Хайдеггера и Сартра)» [Inwagen P., 2008, p. 36].

¹ Или, как он пишет, «палеомайнонгианство».

Первый тезис «бытие не деятельность» связан с полемикой Инвагена с экзистенциально-феноменологической традицией.

Пolemика с этой традицией занимает значительное место в указанной выше работе Инвагена. Об этом говорит хотя бы тот факт, что введение к этой статье построено на противопоставлении «куайнианского» понимания онтологии и мета-онтологии³ и «хайдеггерянского» понимания онтических наук и онтологии.

По поводу понимания У. Куайном онтологии Инваген пишет: «Куайн использует [слово] “онтология” в качестве названия исследования, которое пытается ответить на “онтологический вопрос”: что есть?» [Inwagen P., 2009, p. 472]. Но как необходимо понимать сам вопрос «Что есть?»? Это уже метаонтологический вопрос.

Позиция Куайна относительно «онтологического вопроса» принципиально отлична от позиции Р. Карнапа. Согласно Карнапу, вопросы о существовании могут быть «внутренними» и «внешними». Внутренние вопросы о существовании ставятся внутри определенного языкового каркаса, например, языкового каркаса материальных объектов или языкового каркаса чисел. В языковом каркасе материальных объектов может быть поставлен, например, вопрос: «Существуют ли кентавры?» или «Существуют ли люди?» Внутри каркаса чисел может быть поставлен вопрос: «Существуют ли числа больше миллиона?» У нас есть методы решения таких внутренних вопросов: в первом случае — эмпирические, во втором — логические.

Внешние вопросы о существовании, если они не являются практическими вопросами о целесообразности использования языкового каркаса, а являются теоретическими, «онтологическими» вопросами, например, «На самом деле, существуют ли только материальные тела или еще существуют

числа?» Это, по Карнапу, метафизические псевдovoпросы, поскольку нет способа ответа на них⁴.

Куайн не согласен с такой позицией. Он полагает, что вопросы подобного рода не являются бессмысленными и что спор между разными онтологиями возможен. Мы должны обратиться к теориям, которые считаем истинными, и перевести их предложения в предложения с квантором и переменной, чтобы сделать явными их онтологические обязательства. То, на что указывают связанные переменные в этих предложениях, и будет тем, что признается в качестве существующего в этих теориях. Так теории берут на себя онтологические обязательства. Таким образом, Куайн дает ответ на метаонтологический вопрос о том, что означает бытие: «быть — значит быть значением связанной переменной».

Инваген формулирует в качестве своего последнего тезиса о бытии именно тезис об онтологических обязательствах.

Но формулировка этого метаонтологического тезиса в таком виде предполагает формулировку метаонтологических тезисов: «бытие — то же самое, что и существование», «бытие однозначно» и «единственный смысл бытия или существования адекватно отражается экзистенциальным квантором формальной логики»⁵.

Бытие и существование, говорит Инваген, это одно и то же. Различие между бытием и существованием проводят майнонгианцы, которые интерпретируют выражения типа «Пегаса не существует» так, как если бы существование было свойством, в котором

³ Хотя сам термин «метаонтология» — используемый в данном смысле — введен Инвагеном, мы можем говорить о метаонтологии как исследовании и до него, тем более что сам Инваген употребляет выражение «куайнианская метаонтология».

⁴ «Допустим, что какой-либо философ говорит: “Я считаю, что существуют числа как реальные объекты”. <...> Его оппонент-номиналист отвечает: “Вы ошибаетесь; никаких чисел не существует”. <...> Я не могу представить себе никакого возможного доказательства, которое оба философа признали бы пригодным и которое, следовательно, если бы оно действительно было найдено, разрешило бы этот спор или хотя бы сделало бы один из противоположных тезисов более вероятным, чем другой» [Карнап P., 1959, с. 316–317].

⁵ Но не наоборот. Можно принимать эти три тезиса, не принимая последний, но нельзя принимать тезис об онтологических обязательствах — по крайней мере, в таком виде — не принимая эти три.

отказывается предмету «Пегас». Это означает, что есть предмет Пегас, который не существует. Предмет «Пегас», хоть и не существует, но все-таки как-то он есть, обладает бытием в каком-то смысле. Иначе о чем же мы говорим, когда отрицаем существование Пегаса? Инваген не согласен с такой позицией. Он полагает, что бытие и существование — одно и то же и нет несуществующих вещей. Инваген, следуя традиции, берущей начало у Г. Фреге, развиваемой Б. Расселом и затем У. Куайном, интерпретирует выражения типа «Пегаса не существует» как говорящие, что ни один объект не является объектом такого вида. Или, что то же самое, все объекты — не такого вида. Это позволяет избежать вывода о том, что есть вещи, которые не существуют, а значит, нет необходимости постулировать сферу бытия в дополнение к сфере существования.

Утверждение существования понимается как утверждение, что один или больше объектов являются объектами данного вида. Отрицание существования означает, что объектов такого вида 0.

Инваген заимствует у Фреге формулировку «существование тесно связано с числом». Число всегда имеет один и тот же смысл, независимо от того, какого вида вещи мы считаем. Смысл числа 5, например, один и тот же, говорим ли мы о том, что у кого-то есть 5 котов или о том, что Инваген выдвинул 5 тезисов. А поскольку существование означает «один или больше», то существование однозначно в том же смысле, что и число. Так Инваген обосновывает тезис об однозначности бытия.

Суждения о так понимаемом существовании в формализованном виде выражаются с помощью экзистенциального квантора. «Люди существуют», означающее «один или больше объектов являются человеком», в формальной записи выглядит так: « $\exists x$ x есть человек».

При таком понимании бытия можно сформулировать тезис и об онтологических обязательствах разных теорий.

Относительно всего что угодно принципиально возможно утверждать, что, по крайней мере, один объект является таким, или отрицать это. Мы не принуждаем себя к тому,

чтобы брать на себя онтологические обязательства волей-неволей просто потому, что используем понимаемое нами слово. Понимание используемого слова не означает, что это слово обозначает предмет⁶. Мы не вынуждены брать на себя онтологические обязательства и в отношении свойств. Если мы говорим, что нечто является красным, то мы тем самым берем онтологические обязательства в отношении индивидуального красного объекта, но не в отношении красноты. Если мы хотим говорить о существовании красноты, мы должны сказать, что нечто является такой универсалией, как краснота, но мы не обязаны волей-неволей признавать существование красноты.

Мы связаны только убежденностью в истинности наших научных теорий.

Вести споры о том, что есть, можно только обратившись к научным теориям, которые мы считаем истинными. Чтобы сделать явными их онтологические обязательства, необходимо перевести их предложения в предложения с квантором и переменной.

Номиналист, например, должен показать, как предложения научных теорий, истинность которых он признает, переводятся в предложения с квантором и переменной таким способом, который не предполагает онтологических обязательств в отношении абстрактных объектов.

Скажем, из биологии мы узнаем, что «пауки разделяют с насекомыми некоторые анатомические черты». Из этого, как кажется, следует, что «существует нечто, что является анатомической чертой и пауков, и насекомых»

⁶ Рассел показал, что некоторые слова только кажутся именами, обозначающими предмет. В действительности они являются скрытыми определенными дескрипциями, которые не указывают ни на какой предмет, но являются описаниями, под которые может что-то подпадать или не подпадать ничего. Тем не менее, мы понимаем эти дескрипции, поскольку *то, из чего* они состоят, знакомо нам в знании-знакомстве. Куайн полагал, что никакие наши слова не указывают ни на что непосредственно, а понимание слов возникает не потому, что они на что-то указывают, а потому, что мы учимся их употреблять глядя на то, в каких ситуациях эти же выражения употребляются другими. Он находит, что применить теорию дескрипций Рассела можно вообще ко всем словам. Таким образом, о чем угодно можно утверждать или отрицать, что есть нечто такого вида.

[Inwagen P., 1998b, p. 9]. «Черты» (как и «качества», «характеристики» и т.п.) — абстрактные объекты. С позиции аналитической философии принятие онтологических обязательств в отношении абстрактных объектов означает принятие онтологии реализма в средневековом смысле этого слова.

Номиналист, чтобы защитить свой взгляд на «то, что есть», должен показать, что из принятия предложения «Пауки разделяют с насекомыми некоторые анатомические черты»⁷ не следует, что «существует нечто такое, как “черта”». То есть он должен найти такой перевод своего предложения в предложение с квантором и переменной, чтобы этот перевод не предполагал онтологических обязательств в отношении таких абстракций, как «черты». Так номиналист покажет, что из биологической истины о пауках и насекомых *только по видимости* следует существование абстракций.

У. Куайн, как известно, склонялся к номинализму. Он писал: «Главная проблема — как сказать то, что хочется сказать о физических объектах, не привлекая при этом в качестве вспомогательных средств абстрактные объекты» [Куайн У.В.О., 2000, с. 301]. Инваген, в свою очередь, пытается доказать невозможность или, по крайней мере, большую сложность отстаивания последовательного номинализма.

В целом, вести споры о том, что есть, можно только рассматривая научные теории, переведя их предложения в предложения с экзистенциальным квантором и переменной и делая тем самым явным их онтологические обязательства. Каждый из участников спора должен сделать этот перевод таким образом, чтобы он не предполагал нежелательных для этого участника следствий в отношении того, что он признает существующим в своей теории. Например, если участник такого спора не хочет признавать существование абстракций, то он должен найти такой перевод своего высказывания, чтобы квантифицированная переменная не указывала на абстрактные

объекты. Поскольку бытие понимается однозначно независимо от того, что признается существующим — физические объекты, универсалии, феномены сознания и т.д., — то отрицающий, скажем, существование абстракций не может сказать, что они хоть и не существуют так, как существуют физические тела, но в другом смысле они все-таки есть⁸. Ему необходимо выбрать: либо он признает существование абстракций, либо не признает их существование, которое всегда понимается в одном и том же смысле.

Изложенные выше тезисы о том, «что мы спрашиваем, когда мы спрашиваем “что есть?”» или «что значит бытие», составляют метаонтологию Инвагена, которая является «по существу куайнианской» [Inwagen P., 2009, p. 475].

Инваген пишет: «Различие, которое я провожу между метаонтологическими и собственно онтологическими вопросами, примерно соответствует хайдеггеровскому различию между онтологическими и онтическими вопросами» [Inwagen P., 2009, p. 475].

С точки зрения Инвагена, Хайдеггер отнес бы вопрос Куайна «Что есть?» к наиболее общему онтическому вопросу. А задача онтологии, по Хайдеггеру, «вернуть нас назад к вопросу “что значит бытие”, чтобы мы могли действительно *задать* этот вопрос» [Inwagen P., 2009, p. 473].

И метаонтология Инвагена, и онтология Хайдеггера задают вопрос «Что значит бытие?», но понимают сам этот вопрос по-разному. В чем состоит это различие, мы увидим ниже. Тем не менее, поскольку вопрос формулируется одинаковым образом, Инваген рассматривает хайдеггерианский и, более широко, экзистенциально-феноменологический вариант ответа на этот вопрос как альтернативу своей мета-онтологии.

Полемика с экзистенциально-феноменологическим подходом развертывается Инваненом при формулировании им первого тезиса: «бытие не деятельность».

⁷ Если он не отказывается принимать это высказывание как истинное.

⁸ Это как раз то, за что У. Куайн критикует Г. Райла.

Инваген цитирует Дж. Остина: «Это слово⁹ — глагол, но он не описывает что-то, что вещи делают все время, вроде дыхания, только более тихого, деятельности в метафизическом смысле» [Цит. по: Inwagen P., 2009, p. 477].

Инваген полагает, что представители экзистенциально-феноменологической традиции понимают бытие как наиболее общую деятельность, деля ее на виды. Так, Сартр, например, говорит о бытии-в-себе и бытии-для-себя.

Посмотрим, как Инваген понимает «наиболее общую деятельность». Он пишет: «Многие философы различают бытие вещи и ее природу. Кажется, эти философы полагают, что, например, бытие Сократа — это наиболее общая деятельность, которой Сократ занимается. Предположим, что Сократ в некоторый момент ведет беседу о смысле “добродетели”. Это влечет, что он ведет беседу, что является более общей деятельностью, чем вести беседу о смысле добродетели; это, в свою очередь, влечет, что он говорит; а это влечет, что он производит звуки. Казалось бы, такая цепочка следствий не может продолжаться до бесконечности» [Inwagen P., 2009, p. 476]. Инваген предполагает, что представители экзистенциально-феноменологической традиции назвали бы наиболее общую деятельность, которой Сократ занимается, «бытием», причем сказали бы, что такая наиболее общая деятельность — бытие — различна для Сократа и для какого-нибудь неодушевленного предмета. С точки зрения Инвагена, это ошибка. В более ранней своей статье на эту же тему Инваген писал: «Я не хочу отрицать, что существует наиболее общая деятельность, которой я занимаюсь. Я полагаю, что, если нужно дать ей имя, я должен называть ее “длиться” (“lasting”), “продолжаться” (“enduring”) или “становиться старше” (“getting older”)¹⁰. Но моя позиция будет отличаться от

позиции Сартра и большинства других представителей экзистенциально-феноменологической традиции в двух пунктах. Во-первых, я сказал бы, что я разделяю эту наиболее общую деятельность со всем, или, по крайней мере, с каждым конкретным обитателем (“concrete inhabitant”) природного мира. Во-вторых, я сказал бы, что просто ошибочно называть эту деятельность “существованием”, или “бытием”, или “être”, или использовать для этого любое слово, содержащее корень, который связан с “être”, или “esse”, или “existere”, или “to op”, или “einaí”, или “Sein”, или “be”, или “am”, или “is”» [Inwagen P., 1998a, p. 234].

Почему же Инваген считает, что называть бытие «деятельностью» ошибочно? И насколько адекватна его интерпретация экзистенциально-феноменологической традиции?

Аналитические философы, в частности Инваген, и представители экзистенциально-феноменологической традиции, в частности Хайдеггер и Сартр, изначально используют разные методы, разные подходы к философским проблемам, имеют совершенно разные отправные точки своих исследований.

Аналитические философы задаются вопросом: что в действительности означают высказывания о том, что что-то существует или не существует. Допустим, ученый спрашивает: существует ли то-то и то-то? С помощью научных исследований, проведенных с помощью специфических научных методов, дается положительный или отрицательный ответ на этот вопрос. Но как правильно проанализировать этот вопрос? Карнап, например, пишет, что такое метафизическое псевдопонятие, как «сущее», возникает благодаря тому, что метафизик принимает грамматическую форму предложения естественного языка за подлинную логическую форму: «Вербальная форма легко приводит к ложному мнению, будто существование является предикатом <...> То же самое происхождение имеют такие формы, как “сущее”, “не-сущее” <...> В логически корректном языке такие формы вообще нельзя образовать» [Карнап P., 1998, с. 83]. То есть Карнап говорит, что в естественном (логически не корректном) языке «есть» употребляется так,

⁹ Быть.

¹⁰ Интересно, что в статье «Бытие, существование и онтологические обязательства», которая и стала основным предметом рассмотрения в нашей статье, Инваген уже не упоминает первые два слова — «lasting» и «enduring», зато добавляет слово «diving» — «проживание».

как будто оно что-то говорит о субъекте, о предмете: предмет — существующий. Так, в результате того, что язык нас запутывает, возникает такое псевдопонятие, как «сущее». Если мы будем считать существование свойством предмета, таким же, как «красный», «тяжелый» и т.д., то выражение «Пегаса не существует» мы поймем так, что предмет Пегас является несуществующим предметом. Так появится еще одно псевдопонятие — «несущее».

Для того чтобы не возникало таких метафизических псевдопонятий и проблем с отрицательными экзистенциальными высказываниями, нужно правильно анализировать язык наших высказываний о существовании.

Если онтология¹¹ отвечает на вопрос «что есть?», то метаонтология отвечает на вопрос: а что вообще значит спросить, что что-то есть? Ответ на этот вопрос определяет то, как должны вестись онтологические споры, а какие аргументы в них неприемлемы. Например, с точки зрения той линии в аналитической философии, которой придерживается Инваген, нельзя утверждать необходимость бытия несуществующего Пегаса на том основании, что если бы Пегаса не было в определенном смысле, то мы бы не могли отрицать и его существования.

Изнутри той традиции, которую представляет Инваген, бытие никак не связано ни с какой «деятельностью». Бытие связано с вопросом «является ли хотя бы один объект объектом интересующего нас вида?». Вопрос «Почему такого вида объект существует?» может иметь теологический¹² или естественно-научный ответ, но этот ответ не будет затрагивать вопрос о смысле бытия.

Говорить о том, что «Сократ существует», не значит говорить, что он «длится» или «продолжается» или «проживает жизнь». Это

значит говорить, что среди объектов один объект является человеком, носящим имя «Сократ»¹³. Или: не все объекты являются такими, которые не являются человеком, носящим имя «Сократ». Говорить о том, что «Пегаса не существует», не значит говорить, что он «не длится» или «не продолжается». Это значит говорить, что ни один объект не является таким, что он одновременно является лошастью и имеет крылья. Или: все объекты не имеют этих свойств одновременно. Говорить о том, что «существует универсалия “краснота”», не значит говорить, что она «длится», а значит говорить, что нечто является такой универсалией, как «краснота». Или: не все таково, что оно не является универсалией «краснота».

Инваген пытается показать, что смысл суждений о существовании полностью исчерпывается тем смыслом, который утверждается его метаонтологией.

Он предлагает представить марсиан, которые обладают таким же языком, как и наш, за исключением того, что в марсианском нет слов, используемых для выражения существования, таких как «существование», «бытие», «существует», «есть», «существующий» и подобных. Инваген утверждает, что марсиане прекрасно обошлись бы без этих слов: «Там, где мы говорим “Драконов не существует”, они говорят “Все — не дракон”, там, где мы говорим “Бог существует” или “Бог есть”, они говорят “Не верно, что все — не Бог”. Где Декарт говорит: “Я мыслю, следовательно, я существую”, его марсианский двойник говорит “Я мыслю, следовательно, не все — не я”» [Inwagen P., 2009, p. 478].

Инваген пишет, что «кажется убедительным предположить», что на таком языке может быть выражена *любая* мысль о существовании.

Если это верно, то смысл существования сводится к тому смыслу, который утверждается метаонтологией Инвагена. Ведь сказать «Все — не дракон» — значит выразить *ту же самую мысль*, что «ни один объект не является таким, что это дракон», а это как раз то, что означает

¹¹ В отличие от Карнапа, для Куайна, последователем которого является Инваген, онтология — это просто наиболее общая наука о том, что есть. Разные онтологические теории дают разные ответы на этот вопрос. Согласно одной онтологической теории есть только физические тела, согласно другой есть еще и универсалии и т.д.

¹² А Инваген является теологом.

¹³ И имеющим другие соответствующие свойства.

отрицание существования в метаонтологии Инвагена. Сказать «не все — не Бог» — значит выразить *ту же самую мысль*, что и «нечто является Богом», «Верно, что один объект является Богом», а это как раз смысл утверждения существования Бога, по Инвагену.

Инваген утверждает, что нет ничего, что марсиане с подобным языком не могли бы сказать, и «кажется убедительным предположить, что ни одна работа по “фундаментальной онтологии” в континентальном стиле (например “Sein und Zeit”¹⁴) не могла бы быть переведена на марсианский. Но если марсиане могут сказать все, что мы можем сказать, то, должно быть, работы по “фундаментальной онтологии” по большей части содержат предложения, которые не преуспевают в выражении чего-либо, предложения, которые являются просто словами» [Inwagen P., 2009, p. 479].

Итак, язык марсиан достаточен для того, чтобы выразить *любую* мысль о существовании. Если что-то невыразимо марсианским способом, т.е. с помощью квантора общности (все) и отрицания, то это не мысль о существовании.

Предложения о бытии в «работах по фундаментальной онтологии» не могут быть переведены на марсианский, поскольку они не преобразуемы в предложения с квантором общности (все) и отрицанием. Значит, они либо вообще бессмысленны, как Инваген предположил в приведенной выше цитате, либо имеют не-онтологический смысл.

По поводу последнего варианта он пишет: «Я должен заметить читателю, что данные суждения относятся к хайдеггеровской философии бытия (Sein), а не к его философии человека (Dasein). Возможно, существует большая философская ценность в его исследованиях Dasein. Если это так, я, тем не менее, стал бы настаивать, что то, что ценно в этих исследованиях, лучше раскрыло бы свою ценность, если бы его философский словарь был “де-онтологизирован” (“de-ontologized”). Если бы эти исследования были переписаны так, чтобы все слова, связанные с Sein (и Ex-

istenz), были заменены на “не-онтологические” (“non-ontological”) слова» [Inwagen P., 2009, p. 475].

Почему же Инваген считает таким «убедительным», что язык марсиан достаточен для того, чтобы выразить любую мысль о существовании и, соответственно, смысл существования сводится к тому смыслу, который устанавливается метаонтологией Инвагена?

В той традиции, к которой принадлежит Инваген, стоит проблема правильной интерпретации высказываний о существовании, которые могут делаться в различных теориях.

Подход к онтологии в этой традиции «объективистский», подход «извне», от третьего лица. Мы строим научные теории о том, что есть. Выясняя то, что есть, мы используем объективные научные методы¹⁵. Это объективный вопрос, безличный вопрос, даже если мы спрашиваем не о том, что есть вообще, а только о том, что есть согласно данной теории.

Вопрос о том, что существует, никак не связан с течением нашего опыта, с данностью нам чего-то, с явлением чего-то и т.п. Вот почему «деятельность» внутри такого подхода никак не может быть ассоциирована с существованием. «Наиболее общая деятельность», о которой пишет Инваген, также рассматривается «извне», «объективно» и в лучшем случае может быть понята как очень общая характеристика.

«Деятельности», которыми занимается Сократ в примере Инвагена, можно рассматривать как понятия, которые используются для познания и описания того, какой деятельностью Сократ занимается. О понятиях есть смысл спрашивать, насколько они широки или узки. «Ведение беседы» — нечто более общее, чем «ведение беседы о смысле добродетели», так как всякое ведение беседы о смысле добродетели — это ведение беседы, но не всякое ведение беседы — ведение беседы о смысле добродетели и так далее. Мы можем помыслить некоторое такое

¹⁴ «Бытие и Время» — нем.

¹⁵ Это не исключает споры о том, что значит «объективный метод».

понятие, которое бы описывало деятельность Сократа максимально широко. Но это не будет утверждением существования Сократа. Скорее утверждение о том, что Сократ занимается какой-то деятельностью, уже должно предполагать утверждение существования Сократа: «Конечно, никто не может заниматься наиболее общей деятельностью (предполагая, что должна быть такая деятельность) до того, как он *есть*, но эта очевидная истина — просто следствие того факта, что никто не может заниматься какой-либо деятельностью до того, как он есть: если какая-то деятельность осуществляется, то должно же быть что-то, чтобы осуществлять эту деятельность» [Inwagen P., 2009, p. 477].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, согласно Инвагену, высказывание «Сократ занимается наиболее общей деятельностью» (например, «длится» или «проживает жизнь») предполагает, что «существует нечто, что является Сократом и занимается наиболее общей деятельностью» (например, «длится» или «проживает жизнь»).

Всякое такое описание, в том числе включающее упоминание деятельности, — это характеристики, о которых осмысленно спросить, подпадает ли что-то под них или ничего не подпадает. Когда мы спрашиваем «существует ли то-то и то-то?», мы спрашиваем «является ли хотя бы один объект (предмет, сущность и т.п.) вот таким?». «То-то и то-то» как описание может включать в себя в принципе и упоминание наиболее общей деятельности. Другое дело, что чем характеристика более общая, тем она более пустая.

«Является ли хотя бы один объект вот таким?» абсолютно эквивалентно выражению «Все ли объекты являются не такими?»

Вот почему изнутри той традиции, к которой относится Инваген, кажется таким убедительным, что марсианский язык достаточен для того, чтобы выразить любую мысль о существовании и, соответственно, смысл существования полностью исчерпывается тем смыслом, который утверждается в метаонтологии Инвагена.

Феноменологический подход — принципиально иной. Выражаясь несколько

упрощенно, можно сказать, что это подход «изнутри». Если для аналитической традиции очень важной является проблема отрицательных экзистенциальных высказываний, то внутри феноменологического подхода такая проблема вообще вряд ли может быть поставлена.

Феноменологический подход предполагает, что мы должны отключить «естественную установку» и обратиться к феноменам, которые даны нам. Задача феноменологии — выявление тех изначальных смыслов, благодаря которым вещи даны нам так, как они даны. Говорить о том, что находится «за» пределами этих смыслов, бессмысленно, ведь всякий такой разговор будет иметь в качестве невыявленной основы эти смыслы.

Науки вовсе не идут за пределы феноменов — это невозможно с точки зрения феноменологии. Науки основываются на этих первичных смыслах, благодаря которым все феномены нам даны, но науки не замечают этого. Феноменология должна раскрыть эти первичные смыслы, внести в них ясность, распутать и т.п. Внеся ясность в них, феноменология даст основание всем наукам. Например, определенные науки имеют дело с определенным типом предметности. Нужно выявить смыслы, которые конституируют такие предметы. Эти проясненные смыслы теперь уже осознанно будут лежать в основании любых научных исследований.

В феноменологии Эдмунда Гуссерля явление являющегося — это наличие в актуальности предмета перед сознанием.

Сознание — это всегда сознание о чем-то, оно всегда имеет предмет¹⁶. Предмет, данное — всегда что-то имеющее смысл и им определенное. Нужно выявить то, что является условием данности этого определенного. Условием являются некоторые первичные смыслы в сознании, которые и конституируют

¹⁶ Подход, связанный с понятием интенциональности, направленности всякого акта сознания на объект, как мы видим на примере Майнонга [Майнонг А., 2011, с. 209], рассматривается многими аналитиками как приводящий к трудностям с экзистенциальными высказываниями. В этих трудностях Рассел, например, видел, по выражению Н. Решера, «лингвистическую (скорее, чем оптическую) иллюзию» [Решер Н., 1998, с. 454].

предметы как такие-то — дают их так, как они даны.

Разбирая аналитический подход к проблеме существования, мы видели, что смысл существования в нем никак не связан с вопросом о том, почему существует то-то и то-то, что является условием предмета и т.д.

Отвечая на вопрос, почему существование внутри аналитического подхода никак не связано ни с какой деятельностью, мы указали, что «объективистский» вопрос о том, что существует, никак не связан с течением нашего опыта, с данностью нам чего-то, с явлением чего-то и т.п.

Внутри феноменологического подхода Гуссерля конституирование предметов, их явление, их данность в актуальности (настоящем времени) можно в конце концов назвать «деятельностью». Причем эта «деятельность» не является содержательной характеристикой, которая входит в понятие о том, какова вещь. Эта «деятельность» — конституируемость, определяемость в качестве такого-то и таким образом данность, «наличествование».

Феноменологический подход Хайдеггера, на котором Инваген останавливается в своей статье, отличается от подхода Гуссерля.

Хайдеггер также полагает, что нужно обратиться к являющемуся так, как оно само является. Хайдеггер согласен с Гуссерлем: бессмысленно спрашивать, что находится «за» этими феноменами, так как всякое такое вопрошание будет иметь эти феномены в качестве невыявленной основы. Но то, что дано «более изначально», — это не предметы и их свойства (фигура, цвет, плотность, размер и т.д.), а просто ручка, стол, стул и т.д.¹⁷

¹⁷ Как отмечает Ф.-В. фон Херрманн, Хайдеггер критикует Гуссерля за некоторый отход от самого феноменологического метода. «Самим вещам» Гуссерль предпосылает идею познания, теоретичности, тогда как феноменология должна исходить только из самих вещей, не предпосылая им никаких идей, которые феноменологически не усмотрены. Вот как Херрманн об этом пишет: «Его [Хайдеггера] критика Гуссерлевой феноменологии есть в высшей степени феноменологическая критика, которая проистекает из более радикального постижения феноменологической максимы [т.е. “К самим вещам!”]. Радикальность, с которой эта максима принимается всерьез, заключается в

Если мы будем считать, что смысл данности — наличие в актуальности перед сознанием¹⁸, то мы никогда не поймем, как дается ручка именно как ручка, стол именно как стол и т.д. Сколько ни глазей на ручку — смысл ручки мы не получим. Ручка дается именно как ручка, когда она используется, когда с ней имеют дело в настоящем, а не созерцают в настоящем.

То, благодаря чему дается ручка именно как ручка, стол именно как стол и т.д., — имение дела в настоящем.

Способы этого имения-дела — это то, что человек «усваивает», участь быть в мире, в мире, который имеется до него. Эти способы имения дела и, соответственно, мир подручного имеют свою историю.

Поскольку то, посредством чего нам дается мир подручного — способы имения-дела, не принадлежат конкретному человеку, а просто усваиваются им, постольку они не являются субъективными.

Назначением своего трактата «Бытие и время» Хайдеггер называет разработку вопроса о смысле бытия.

Если внутри аналитического, «объективистского» подхода смысл бытия никак не был связан с условием того, что существует, то у Хайдеггера бытие — «то, что определяет сущее как сущее, то, в виду чего сущее, как бы оно ни осмыслялось, всегда уже понято» [Хайдеггер М., 1997, с. 6]¹⁹.

Херрманн дает такой комментарий к этому месту: «Это значит: бытие по отношению к сущему есть то, что дает сущему быть сущим и в качестве сущего казать себя; но как таковое оно одновременно есть то, ввиду чего мы сущее, когда мы к нему вненаучно и научно-исследовательски относимся, заранее (“всегда

принципиальном феноменологическом уяснении того, что *первое* в феноменологической философии не может быть предвзятой идеей научного познания, что ее *первое* должно быть скорее *свободным можествованием встречи самих вещей*, которое, со своей стороны, впервые предначертывает характер научности» [Херрманн Ф.-В., 2000б, с. 25–26].

¹⁸ Как это было у Гуссерля.

¹⁹ В другом месте Хайдеггер пишет: «...то, что составляет его [т.е. сущего] смысл и основание» [Хайдеггер М., 1997, с. 35].

уже») поняли» [Херрманн Ф.-В., 2000с, с. 46–47].

То, благодаря чему ручка дается как ручка, т.е. понимается именно как ручка, стол именно как стол и т.д., — способы имения дела. Способы имения дела не принадлежат человеку и не определяются человеком, но человек усваивает их, учась быть в мире.

Поскольку эти способы имения дела не создаются человеком и поскольку эти способы имения дела — данность мира подручного, который также не определяется человеком, постольку эти способы имения дела — бытие, а подручное, которое, определяясь ими, существует, — сущее.

Среди сущего есть и особое сущее — Dasein — вот-бытие. Способ его бытия отличается от способа бытия подручного. Способ бытия подручного делает подручное таким-то — т.е. дает ему как бы сущность. Способ бытия Dasein — забота. Это означает, что благодаря тому, что Dasein озабочено сущим, оно может раскрывать это сущее. Сущность Dasein — это экзистенция, что означает, что Dasein, существуя, осуществляет способы бытия сущего — осуществляет, таким образом, его смысл и сущее дается ему. Возможно, именно поэтому Хайдеггер и говорит, что в бытии Dasein дело идет о самом бытии, т.е. Dasein тем, что оно просто есть определенными способами, понимает, в то время как, скажем, молоток тем, что он просто есть, не понимает. В этом различие бытия Dasein от бытия, скажем, подручного. При этом различие, по Хайдеггеру, касается именно бытия, а не «природы вещи», поскольку понимание для Хайдеггера — это не какая-то способность к интеллектуальной деятельности, которая является просто свойством сознательных существ, понимание совпадает с бытием-в-мире. Эта «открытость бытию», понимаемость бытия и определяет такое сущее, как Dasein.

О Dasein Хайдеггер пишет: «Присутствие есть таким способом, чтобы существуя понимать нечто подобное бытию... то, из чего присутствие вообще неявно понимает и толкует

нечто подобное бытию, есть время» [Хайдеггер М., 1997, с. 17]²⁰.

Смысл бытия понимается из времени. Смысл бытия понимался в истории европейской мысли по-разному, считает Хайдеггер. Например, он пишет: «Согласно учению Платона, бытие есть *Иδέα*, видность, присутствие как выглядение. Что выступает в таком выглядении, то становится и является, насколько в нем присутствует, сущим. <...> Бытие известным образом есть чистое присутствие и оно есть одновременно обеспечение возможности сущего» [Хайдеггер М., 1993, с. 162]. Это одна из возможностей понимания смысла бытия. Такой смысл бытия, согласно Хайдеггеру, основан на определенном отношении ко времени, в котором главное время — настоящее. Хайдеггер считает, что начиная с Парменида смысл бытия сущего понимается в европейской метафизике как наличие наличествующего в настоящем.

Подлинное «временение временности», по Хайдеггеру, в котором раскрывается истина бытия, — это такое время, в котором главным временем становится не настоящее, а настоящее. В настоящем же с-бывается бывшее и актуализируется настоящее.

У Гуссерля явление являющегося — это наличие в актуальности предмета перед сознанием и, соответственно, нужно дать вещам явиться, как они сами являются в актуальности.

У Хайдеггера речь идет о бытии как «деятельности», которое определяет сущее и, соответственно, делает сущее сущим и, чтобы раскрыть истину бытия, нужно, так сказать,

²⁰ Однако это вовсе не означает, что бытие, о котором говорит Хайдеггер, — это только бытие Dasein. Херрманн пишет по этому поводу: «Бытие-вообще разомкнуто в бытии человека и вместе с ним. Человеческое бытие — это не бытие подручным, не бытие наличным, не первоначально бытие как жизнь, но бытие, которое для себя самого, понимая, открыто. И поскольку понимание имеет бытийный характер бытия разомкнутым, человеческое бытие, которое для себя самого разомкнуто, есть самостное бытие разомкнутым, экзистенция. Экзистенция конституируется в экзистенциалах как способах бытия. В них человек держит отомкнутой не только свою собственную разомкнутость, но в этой последней разомкнутость бытия-вообще» [Херрманн Ф.-В., 2000а, с. 152].

«дать делу делаться, как оно само делается» в настоящем.

Подводя итоги нашего исследования, подчеркнем еще раз, что его целью было не разрешение споров вокруг бытия, а разъяснение того, почему между аналитическим и экзистенциально-феноменологическим подходом возникает непонимание. Резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Аналитический подход к онтологии — это подход «объективистский», подход «извне». Мы должны создать теорию о том, что существует. Вопрос о том, что существует, — это объективный вопрос, даже если это вопрос о том, что существует согласно нашей теории. Этот вопрос не связан ни с течением нашего опыта, ни с данностью, явлением чего-либо и т.п. Кроме того, вопрос «почему существует то-то и то-то» — это также объективный — естественно-научный или теологический — вопрос. Это не вопрос «конституирования», «определяемости», «наделяемости смыслом» и, соответственно, данности данного, являющегося и т.п.

Поэтому внутри такого «объективистского» подхода никакая «деятельность» никак не ассоциируется с вопросом о существовании. Представитель этого подхода П. ван Инваген в своем тезисе «бытие — не деятельность» интерпретирует экзистенциально-феноменологический подход, рассуждая «деятельности» также объективистски, извне. «Наиболее общая деятельность», о которой он пишет, является просто какой-то очень общей характеристикой, которая не связана с вопросом о существовании.

По этой же причине Инваген не понимает, почему представители экзистенциально-феноменологического подхода говорят о каких-то различиях в такой «деятельности». С точки зрения Инвагена, все различия касаются «природы» вещи, а не бытия. С «объективистских» позиций все выглядит именно так, ведь «извне» невозможно понять, что значит, например, совпадение понимания с бытием-в-мире. Понимание (или способность к пониманию) опять же может рассматриваться

только как характеристика каких-то объектов, например одушевленных вещей²¹.

Экзистенциально-феноменологическая традиция, таким образом, рассматривается Инвагеном так, как если бы она была таким же «объективистским» подходом, как и аналитический, но только представляющим другой вариант ответа на поставленный Инвагеном метаонтологический вопрос.

Однако Инваген не учитывает, что экзистенциально-феноменологический подход имеет совершенно другую отправную точку. Мы должны обратиться к являющемуся так, как оно является, и выявить те условия, благодаря которому оно является. В феноменологии Хайдеггера то, что дано, — сущее, которое не определяется человеком. Условием сущего, тем, что делает это сущее сущим, является бытие, которое также не определяется человеком, скорее наоборот — человек им определяется.

В объективистском подходе Инвагена единственное место, которое можно отвести для философии Хайдеггера, — антропология или психология, — т.е. нечто, ограниченное человеком или его «внутренним миром». Изнутри объективистского подхода это видится именно так, но при этом не учитывается специфика феноменологии. С точки зрения феноменологии бессмысленно спрашивать, что находится «за» феноменами, поскольку любой такой вопрос будет иметь в качестве невыявленной основы эти феномены. Поэтому нужно обратиться именно к этим феноменам. Так, Хайдеггер пишет: «Бытие сущего всего менее способно когда-либо быть чем-то таким, “за чем” стоит еще что-то, “что не проявляется”» [Хайдеггер, 1997, с. 35–36]. Но это не делает бытие сущего субъективным или человеческим, поскольку не человек и не

²¹ Поэтому Инваген пишет: «Значительное (“vast”) различие между мной и столом не состоит в имени нами весьма (“vastly”) разных видов бытия (*Dasein, dass sein*, “то, что это *есть*”); Это различие состоит скорее в имени нами различных видов природы (*Wesen, was sein*, “что это есть”») [Inwagen P., 2009, p. 477]. И ниже: «Хайдеггер и Сартр, а также все остальные представители экзистенциально-феноменологической традиции, если я прав, повинны в приписывании бытию вещи того, что правильно нужно приписать ее природе» [Inwagen P., 2009, p. 478].

субъект определяют бытие, а наоборот, бытие определяет человека.

Таким образом, можно, конечно, отрицать феноменологический подход в целом, но изнутри такого подхода можно показать, почему то, что говорит Хайдеггер в своей философии, во-первых, осмысленно и не является «просто словами», а во-вторых относится именно к онтологии, а не к антропологии или психологии, как о том писал Инваген.

Список литературы

Бакеева Е.В. «Презумпция осмысленности» как условие понимания // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2014. № 3(131). С. 5–13.

Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 69–90.

Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология // Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Иностр. лит., 1959. С. 298–321.

Куайн У.В.О. Слово и объект. М.: Логос: Праксис, 2000. 386 с.

Майнонг А. О теории предмета // Эпистемология & философия науки. 2011. Т. XXVII, № 1. С. 202–229. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201127118>.

Решер Н. Взлет и падение аналитической философии // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 454–466.

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 63–177.

Херрманн Ф.-В. фон. Временность вот-бытия и время бытия // Ф.-В. фон Херрманн. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля: сб. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 149–166.

Херрманн Ф.-В. фон. Гуссерль–Хайдеггер и «сами вещи» // Ф.-В. фон Херрманн. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля: сб. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 11–27.

Херрманн Ф.-В. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля // Ф.-В. фон Херрманн. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля: сб. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 28–73.

Inwagen P. van. Being, Existence and Ontological commitment // *Metametaphysics. New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford: Clarendon Press, 2009. P. 472–507.

Inwagen P. van. McGinn on Existence // *The Philosophical Quarterly*. 2008. No. 230. P. 36–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2008.534.x>.

Inwagen P. van. Meta-ontology // *Erkenntnis*. 1998. Vol. 48, no. 2–3. P. 233–250. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1005323618026>.

Inwagen P. van. What is Metaphysics? // *Metaphysics: the Big Questions*. Malden: Blackwell, 1998. P. 1–15.

Получено 25.03.2019

References

Bakeeva, E.V. (2014). «*Prezumptsiya osmyslenosti*» kak uslovie ponimaniya [Presumption of meaningfulness as precondition for understanding]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences]. No. 3(131), pp. 5–13.

Carnap, R. (1959). *Empirizm, semantika i ontologiya* [Empiricism, semantics and ontology]. *Znachenie i neobkhodimost'* [Meaning and Necessity]. Moscow: Inostrannaya literatura Publ., pp. 298–321.

Carnap, R. (1998). *Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka* [Elimination of metaphysics through logical analysis of language]. *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytic Philosophy: Formation and Development (Anthology)]. Moscow: Dom intellectual'noy knigi Publ., pp. 69–90.

Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem Publ., 452 p.

Heidegger, M. (1993). *Evropeyskiy nigilizm* [European nihilism]. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 63–177.

Herrmann, F.-W. von. (2000). *Husserl–Heidegger i «sami veschi»* [Husserl–Heidegger and «the Things Themselves»]. *Ponyatie fenomenologii u Khaideggera i Gusserlya* [The concept of phenome-

nology in Heidegger and Husserl]. Minsk: Propilei Publ., pp. 11–27.

Herrmann, F.-W. von. (2000). *Ponyatie fenomenologii u Khaideggera i Gusserlya* [The concept of phenomenology in Heidegger and Husserl]. *Ponyatie fenomenologii u Khaideggera i Gusserlya* [The concept of phenomenology in Heidegger and Husserl]. Minsk: Propilei Publ., pp. 28–73.

Herrmann, F.-W. von. (2000). *Vremennost' votbytiya i vremya bytiya* [The temporality of Dasein and the time of being]. *Ponyatie fenomenologii u Khaideggera i Gusserlya* [The concept of phenomenology in Heidegger and Husserl]. Minsk: Propilei Publ., pp. 149–166.

Inwagen, P. van. (2009). Being, Existence and Ontological commitment. *Metametaphysics. New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford, Clarendon Press., pp. 472–507.

Inwagen, P. van. (2008). McGinn on Existence. *The Philosophical Quarterly*. No. 230, pp. 36–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2008.534.x>.

Inwagen, P. van. (1998). Meta-ontology. *Erkenntnis*. Vol. 48, no. 2–3, pp. 233–250. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1005323618026>.

Inwagen, P. van. (1998). What is Metaphysics? *Metaphysics: the Big Questions*. Malden: Blackwell Publ., pp. 1–15.

Meinong, A. (2011). *O teorii predmeta* [The theory of objects]. *Epistemologiya & filosofiya nauki* [Epistemology & philosophy of science]. Vol. 27, no. 1, pp. 202–229. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201127118>.

Quine, W.V.O. (2000). *Slovo i ob'ekt* [Word and object]. Moscow: Logos, Praxis Publ., 386 p.

Rescher, N. (1998). *Vzlet i padenie analiticheskoy filosofii* [The rise and fall of analytic philosophy]. *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytic philosophy: Formation and development (anthology)]. Moscow: Dom intelektual'noy knigi Publ., pp. 454–466.

Received 25.03.2019

Об авторе

Гусев Максим Александрович

аспирант кафедры онтологии и теории познания
департамента философии

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: chapka1724@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5180-3351>

About the author

Maxim A. Gusev

Ph.D. Student of the Department of Ontology
and Theory of Knowledge,
the Department of Philosophy

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: chapka1724@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5180-3351>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гусев М.А. Пять тезисов Питера ван Инвагена о бытии и его полемика с экзистенциально-феноменологической традицией // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 180–193.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-180-193

For citation:

Gusev M.A. Peter van Inwagen's five theses of being and his controversy with the existential-phenomenological tradition // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 180–193.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-180-193

УДК 101.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-194-203

ХОСЕ ОРТЕГА-И-ГАССЕТ: ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Шумской Андрей Викторович

Уральский государственный университет физической культуры

Статья посвящена реконструкции философско-исторических представлений крупнейшего европейского философа XX в. Хосе Ортеги-и-Гассета. Историческое бытие человека рассматривается Ортегой в контексте различных парадигм: феноменологии, экзистенциализма, философии жизни. Показаны взгляды Ортеги-и-Гассета на содержание и структуру исторического процесса. Подчеркивается фундаментальная роль верований и идей в историческом бытии человека. Верования являются той реальностью, в которой пребывает человек. Они составляют латентный слой «логоса» человека. Идеи же порождаются интеллектуальной деятельностью человека. Подлинная первичная реальность загадочна и проблематична. Человек лишь способен создавать воображаемые миры, конструировать интерпретации, сопоставляя их с загадочной реальностью. Рассмотрены такие модусы исторического бытия человека, как самопогружение и самоотчуждение. Важнейшим структурным элементом исторического процесса является поколение. Поколение Ортега предлагает рассматривать в качестве фундаментальной исторической категории, позволяющей понять динамику и характер исторических перемен. Поколение является той траекторией, по которой движется история. Еще одной важной категорией, относящейся к историческому бытию человека, Ортега считал исторический кризис. Исторический кризис является фундаментальной формой, которую может принимать структура человеческой жизни. История представляет собой линейную систему человеческих опытов, протяженных во времени. Формы человеческой жизни в истории не бесконечны, каждый исторический этап прорастает из предыдущего. Исторический кризис является переходом в новую эпоху, своеобразной точкой бифуркации. Одним из наиболее важных достижений своей философии истории Ортега считал концепцию исторического разума. Жизнь обладает значительно более радикальным характером, чем все миры, сконструированные интеллектом. Исторический кризис современности подвел человечество к той черте, которую можно обозначить как «картезианство жизни», а не «картезианство мысли». В истории наступил момент, когда крах физического разума освобождает путь жизненному и историческому разуму. Исторический разум обнаруживает себя в истории как диалектический опыт человека.

Ключевые слова: Хосе Ортега-и-Гассет, история, исторический кризис, верования, идеи, исторический разум, жизнь, поколение, самопогружение, самоотчуждение, экзистенция, эпоха.

JOSE ORTEGA Y GASSET: PHILOSOPHY OF HISTORICAL BEING OF MAN

Andrey V. Shumskoy

Ural State University of Physical Culture

The article provides reconstruction of philosophical and historical ideas of Jose Ortega y Gasset, the greatest European philosopher of the 20th century. Ortega considers the historical existence of man in the context of different paradigms: phenomenology, existentialism, philosophy of life. The philosopher's views on the content and structure of the historical process are shown. The fundamental role of beliefs and ideas in the historical existence of man is emphasized. Beliefs are the reality a person lives in. They

constitute the latent layer of the man's «logos». Ideas are generated by human intellectual activity. The true primary reality is mysterious and problematic. Man is only able to create imaginary worlds, construct interpretations, comparing them with the mysterious reality. Such modes of historical human existence as self-immersion and self-alienation are considered. The most important structural element of the historical process is generation. Ortega proposes to regard generation as a fundamental historical category that allows one to understand the dynamics and nature of historical changes. The generation is the trajectory history moves along. Ortega considered historical crisis to be another important category related to the historical existence of man. The historical crisis is a fundamental form that the structure of human life can take. History is a linear system of human experiences extended in time. Forms of human life in history are not infinite, each historical stage «sprouts» from the previous one. The historical crisis is a transition to a new era, a kind of bifurcation point. Ortega considered the concept of historical reason to be one of the important achievements in his philosophy of history. Life has a much more radical nature than all the worlds constructed by intelligence. The historical crisis of modernity led humanity to the point which can be defined as «cartesianism of life», not «cartesianism of thought». There is a moment in history when collapse of the physical reason frees the way for the vital and historical reason. The historical reason finds itself in history as a dialectical experience of man.

Keywords: Jose Ortega y Gasset, history, historical crisis, beliefs, ideas, historical reason, life, generation, self-immersion, self-alienation, existence, epoch.

Введение

Ортега-и-Гассет принадлежит к числу крупнейших европейских мыслителей XX в., в творчестве которого философско-историческая проблематика была одной из ведущих тем. Большинство его философских идей можно рассматривать в рамках таких направлений, как философия жизни, феноменология и экзистенциализм. Некоторые зарубежные исследователи творчества Ортеги определяют его философию как «прагматическую философию жизни» [Graham J., 1994, с. 11]. Тема бытия человека в истории не сходит со страниц многих его философских сочинений и эссе. Проблемы философии истории для Ортеги всегда были неразрывно связаны с антропологической проблематикой, которая, в свою очередь, имплицитно содержала проблематику философии истории [Портнов А., 2007, с. 87]. К наиболее существенным чертам историософской концепции Ортеги-и-Гассета следует отнести: отказ от субъект-объектной оппозиции в описании истории и жизни, трактовка прошлого как «жизненного опыта», изоморфизм индивидуального и социального прошлого, преодоление абстрактной противоположности между эмпирическим историописанием и философским осмыслением истории [Демин И., 2017, с. 34].

История рассматривалась Ортегой как глубинная реальность человеческой жизни, судьба и драма человека. Ортега был убежден в

неотвратимости и драматизме исторического процесса для человека. История является уникальным способом его присутствия в мире. Человек разворачивает и реализует себя в духовном смысле только раскрывая себя как историческое существо.

Ортега принадлежал к «классикам» историзма, главным постулатом которого было утверждение изменчивости человека, отрицание раз и навсегда данной природы. Историзм Ортеги прошел следующие ступени развития: от немецких феноменологии и «философии жизни» к «экзистенциальной аналитике», к онтологии и герменевтике, в некоторых моментах сходных с концепциями М. Хайдеггера [Руткевич А., 2016, с. 124].

Обращение к философско-историческим идеям Хосе Ортеги-и-Гассета представляется актуальным в свете поисков человечеством путей выхода из кризиса современной цивилизации. Многие его философско-исторические идеи не утратили своей значимости по сей день и могут быть использованы в качестве методологического инструмента осмысления содержания современного исторического процесса и места в нем человека. В творчестве Ортеги проявились элементы философской футурологии, чьи социальные прогнозы и философские экстраполяции спустя десятилетия получают все большее подтверждение [Титов В., 1998, с. 211]. Ортега в первую очередь был озабочен будущим

Европы и теми процессами, которые захлестнули современное общество: восстание масс в истории, дегуманизация искусства и культуры, феномен варварства, кризис рационализма.

Содержание и структура исторического процесса

Жизнь, по мнению Ортеги, представляет собой динамичную и неотвратимую драму человеческой судьбы, развертывающуюся в истории [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 249]. История человечества есть драма, сакраментальный акт, трансцендентное событие [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 325]. Отсюда следовало, что историческое знание есть высший род знания, наука о фундаментальной реальности, в которой заключена человеческая жизнь. Фундаментальная задача исторического познания — объяснить причины изменения жизненной структуры человеческого бытия. Историческая реальность соткана из относительных и абсолютных констант. Их постижение есть первостепенная тема историологии [Ортега-и-Гассет Х., 1997с, с. 269]. Ортега верно подмечает, что причина исторических перемен заключается в том, что человеческая жизнь всегда протекает в определенном возрасте. Историческое время конечно и включает в себя три пласта — начало, середину и конец жизненного пути человека [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 260]. В едином историческом времени сосуществуют три разных жизненных возраста. Это обстоятельство задает истории напряжение и импульс. История человеческой жизни — это прежде всего изменение коллективных верований эпохи. Они составляют главный элемент обстоятельств человеческой жизни. Их изменение приводит к тому, что радикально трансформируется структура жизненной драмы человека.

Человек глубоко историчен по самой своей сути и принадлежит тому или иному поколению. Поколение является своеобразной единицей исторической жизни, выступает субъектом изменений коллективных верований. Оно представляет собой общность сосуществующих в одном кругу сверстников и включает в себя два главных признака:

единство возраста и наличие жизненных контактов [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 261]. Идею поколений Ортега рассматривает в качестве ключевого метода исторического познания.

Возраст есть важнейшая характеристика поколения, состояние и этап жизни человека, отражающие структуру его жизненных забот. Наиважнейшую роль в истории играет возраст от тридцати до шестидесяти. Это период развитой исторической активности человека. Историческую реальность во всей ее полноте создают люди, находящиеся на двух разных жизненных этапах, каждый из которых длится пятнадцать лет. Поколение от тридцати до сорока пяти лет только начинает создавать свой мир — это возраст вступления в творческую жизнь. Поколение от сорока пяти до шестидесяти осуществляет правление в мире, является «хозяином» социальной жизни. Взаимодействие между поколениями носит сложный и противоречивый характер.

Жизнь поколения протекает в двух измерениях: в одном оно осваивает культурный опыт предшествующих поколений; в другом отдается спонтанному потоку собственной жизни. Уравнение, образуемое этими двумя составными частями, формирует дух поколения, его жизненное мироощущение. Жизненное мироощущение Ортега рассматривает как первичный исторический феномен. Кумулятивными эпохами Ортега называет такие эпохи, в которых поколения ощущают однородность полученного в наследство и собственного культурного опыта. Напротив, эпохами отрицания являются те, в которых поколения чувствуют глубокую разнородность этих элементов. В первом случае молодые солидаризируются со старыми, подчиняются им — это эпохи старчества; во втором старики вытесняются молодыми — это времена юности, эпохи обновления и созидательной воинственности [Ортега-и-Гассет Х., 1991b, с. 6]. Изучением закономерностей исторических ритмов призвана заниматься метаистория, которую еще только следует создать [Ортега-и-Гассет Х., 1991b, с. 7].

Каждое поколение реализует в истории свое призвание, свою историческую миссию. Ее суть состоит в преобразовании окружающего мира в

соответствии с характером своей спонтанности. Если поколение уклоняется от собственного призвания в истории, довольствуется исключительно теми идеями и институтами, которые были созданы предшествовавшими поколениями с иным темпераментом, то оно неизбежно обречено на жизненное крушение [Ортега-и-Гассет Х., 1991b, с. 7].

Исторические перемены в первую очередь вызваны метаморфозами, происходящими в человеческом духе. Так думал не только Ортега, но и многие его современники по цеху. Например, выдающийся русский философ Николай Бердяев, современник знаменитого испанца, полагал, что поверхностные изменения исторической жизни являются следствием глубинных духовных перемен. В «историческом» раскрывается сущность бытия, внутренняя духовная сущность мира и человека [Бердяев Н., 2002, с. 21].

Ортега писал о современной эпохе как о времени жесточайшего кризиса, когда человеку предстоит еще раз пережить глубокий переворот, подобный великому повороту 1600-х гг., положивших начало человеку Нового времени, «современному» человеку [Ортега-и-Гассет Х., 1991a, с. 282]. Период между 1350 и 1550 г. был подготовительным этапом формирования нового человека, вступившего на арену истории на рубеже XVI–XVII вв. Уклад Нового времени, сложившийся в начале XVII в., к началу XX в. исчерпал свои возможности и выявил собственную ограниченность, вступил в полосу кризиса.

Исторический кризис понимается им как точка перехода в новый этап исторического существования. Переход предполагает отрыв от привычного уклада жизни, выработку иной жизненной перспективы. Так называемое Возрождение, по мнению Ортеги, было прежде всего разрывом с традиционной культурой Средневековья, парализовавшей стихийную мощь человека [Ортега-и-Гассет Х., 1991a, с. 285].

Исторический кризис — категория, относящаяся к историческому бытию человека, фундаментальная форма, которую может принимать структура человеческой жизни. Кризис как особая историческая перемена мира может выражаться в двух формах: в нормальной и радикальной. В первом случае образ мира,

значимый для одного поколения, сменяется другим, слегка модифицированным. Во втором случае система убеждений предшествующего поколения сменяется таким жизненным состоянием, когда человек оказывается в состоянии полной растерянности. Радикальная перемена мира обретает катастрофический характер; жизненный мир человека рушится. На руинах старого мира вызревают первые ростки новых идеалов, ценностей и идей [Ортега-и-Гассет Х., 1991a, с. 297].

Таким образом, кризис как важнейшая историческая категория связан с радикальным сдвигом в человеческой экзистенции [Ортега-и-Гассет Х., 1991a, с. 307]. Весь драматизм европейской истории Ортега связывает с переходом от христианского мирозерцания к гуманистическому рационализму Нового времени. Жизненное самоощущение человека, живущего в эпоху исторического кризиса, — полная потерянности, дезориентация относительно самого себя [Ортега-и-Гассет Х., 1991a, с. 322]. Такова, например, была жизненная ситуация в I в. до Рождества Христова и в эпоху Возрождения.

История представляет собой линейную систему человеческих опытов, протяженную в историческом времени. Формы человеческой жизни в истории следуют друг за другом, каждый исторический этап прорастает из предыдущего.

Современная кризисная ситуация — результат всего предыдущего развития человека. Своеобразие жизненной ситуации современного человека заключается в том, что он утратил способность различать собственное подлинное знание от мыслей, которыми живет его эпоха. Современный человек живет псевдоверованиями, которые искажают его экзистенцию [Ортега-и-Гассет Х., 1991a, с. 314].

В истории с неумолимой логикой одна эпоха циклически сменяется другой, а именно: вслед за эпохой культурной благочестивости наступает эпоха антикультурного хамства как реакция на предыдущую культурную ситуацию. Благочестивость и хамство, по мнению Ортеги, есть два ошибочных ирреальных модуса существования человека в истории.

Оказавшись в условиях исторического кризиса и лишившись надежных ориентиров, человек обращается к простоте и опрощению как средству спасения. Гением воплощения простоты в начале Нового времени был, по мнению Ортеги, Декарт, завершивший процесс выстраивания нового мира — простого, ясного и надежного. Жажда простоты, как реакция на сложность предшествовавшей культурной ситуации, побуждает человека искать возврата к первоистокам жизни. Реверсивное движение в истории может приобретать радикальный характер — от «культуры» к первобытному природному состоянию. Эпоха Возрождения была движима устремленностью «назад» [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 342]. С 1400 по 1600 г. шел существенный процесс опрощения жизни. Человек эпохи кризиса удаляется с центра на периферию жизни, замыкаясь в определенной области бытия. Интегративность культуры сменяется импульсом дезинтеграции, отказом от идеи целостности. Таким образом, отчаяние неизбежно приводит к экстремизму.

Экстремизм Ортега определяет как образ жизни, при котором индивид стремится жить исключительно в экстремуме жизненного пространства и иметь дело только с периферийными житейскими проблемами. Экстремизм — безумная апология угла и отрицание всего остального [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 343]. Находясь в таком состоянии, человек склонен впасть в крайность, он перестает воспринимать жизнь аутентично, все больше движим разочарованием, отрицает мир человеческой культуры. Эпохи отчаяния порождают историческое лицедейство, им свойственна театральность. Ортега называет их эпохами исторического шантажа, поскольку люди, живущие в них, откликаются на любые призывы и самозабвенно идут за теми, кто их ведет [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 345].

Экстремальная ситуация жизни состоит в том, что человек находит выход в бегстве от реальности, утверждает себя сугубо отрицательно. В экстремизме существенна именно внерациональность. Разочаровавшийся в культуре индивид восстает против нее и объявляет законы и культурные нормы устаревшими. В такие эпохи человек-масса становится у кормила жизни. Экстремальная

ситуация лишает человека равновесия и может иметь разный вектор развития: как в сторону улучшения, так и ухудшения. Сама жизнь становится неуравновешенной, наступают смутные времена, время неподлинности. Кризисные эпохи изобилуют шутами, комедантами, лицедеями [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 347].

Приписывая истории некую внутреннюю диалектическую логику, Ортега в то же время отрицает в ней действие абсолютной неумолимой предопределенности, детерминации. Каждый момент исторического процесса уникален и содержит в себе множество возможностей. В истории все осуществимо — и непрерывный подъем, и постоянные откаты [Ортега-и-Гассет Х., 2002, с. 73]. Историческая жизнь драматична и складывается из превратностей и колебаний.

Идеи и верования, их роль в исторической жизни человека

Важнейшую роль в исторической жизни человека играет мир коллективных верований эпохи. Ортега именуется его «идеями эпохи», «духом времени»; данный мир значим сам по себе, объективен и обладает силой принуждения по отношению к индивиду [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 258]. Человек вынужден считаться с верованиями своего времени. Верования лежат в основании исторической жизни человека и конституируют его как историческое существо. Человек никогда не есть «первочеловек», он всегда последователь, наследник и дитя прошлого [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 357]. Более того, человек всегда пребывает в определенном социокультурном контексте, «Я есть я и мое обстоятельство» [Ортега-и-Гассет Х., 1997б, с. 28].

Как формируются идеи в каждой эпохе? Суть этого процесса состоит в том, что человек обнаруживает себя в определенных обстоятельствах мира, пытается выйти за их пределы. Жизнь не дается человеку в готовом виде, она есть задание, которое необходимо реализовать. Именно поэтому человек обречен на выработку идей и принятие решений относительно своих жизненных обстоятельств. Первой непосредственной реакцией человека, помещенного в определенные обстоятельства,

является попытка согласовать с ними свое верование. Человек всегда пребывает в состоянии верования. В этом смысле современная эпоха глубоко заблуждается, полагая, что первичный импульс человеческого бытия — мыслительная деятельность, а первичное отношение человека к вещам — интеллектуальное отношение. Подобную ошибку Ортега называет «идеализмом» [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 357]. Переживаемый человеком современный кризис есть расплата за подобную ошибку. Человека нельзя свести только к мышлению, его бытие многопланово и мышление выступает лишь одним из инструментов его деятельности.

Ортега проводит различие между верованиями и идеями. Верования являются реальностью, в которой пребывает человек. Они являются латентным слоем наших размышлений о мире, образуют ядро «логоса» человека. Понять дух эпохи можно только проникнув в глубинный слой человеческой жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 409]. Противоположностью верований являются идеи, которые являются результатом нашей интеллектуальной деятельности. Различение понятий «мыслить о чем-то» и «считаться с чем-то» для Ортеги было принципиально важно в свете понимания структуры человеческой жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 407]. Вся наша интеллектуальная жизнь вторична по отношению к нашей подлинной реальной жизни и представляет в ней лишь воображаемое значимое. Наша идея о реальности не есть наша реальность. Последняя включает в себя все то, с чем мы действительно считаемся в жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 409].

Почему изменяются верования людей в истории? Механизмом, порождающим новые верования, являются сомнения, которые закрадываются в глубинный слой верований. Ортега рассматривает их как способ и разновидность верования [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 415]. Различие между верой и сомнением состоит в самом содержании верования. В акте веры человеку открывается трансцендентная реальность, которая признается им в качестве истинно сущего. Сомнение сталкивает нас с реальностью двусмысленной и неустойчивой [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 416]. Сущность сомнения

заключается в том, что человек пребывает в двух антагонистических верованиях относительно реальности. Потеря устойчивости и раздвоение побуждают его к интеллектуальной деятельности, нацеленной на разрешение «ментального» конфликта. Пустоты, образовавшиеся в верованиях, заполняются новыми идеями. Ортега приводит убедительный пример того, как в Средние века живая христианская вера стала постепенно угасать и с середины XV в. полностью исчезла из человеческой души. Человек того времени стал ощущать, что одного откровения недостаточно, он вновь почувствовал себя затерянным во Вселенной. XV и XVI вв. — период сильнейшего кризиса. С конца XVI — начала XVII в. европеец обретает новую спасительную веру — веру в разум. Структура мира стала представляться рациональной, сходной по своей организации с физико-математическим разумом, который стал новым посредником между человеком и миром [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 442]. В кризисные эпохи значительные метаморфозы претерпевает душа человека. Ортега фиксирует определенную последовательность экзистенциальных состояний человека: от традиционной души к рационалистической, от рационалистической к разочарованной [Ортега-и-Гассет Х., 2016, с. 145]

Откуда берутся идеи? По мнению Ортеги, идеи порождаются фантазией, воображением. Среди множества воображаемых миров человек выбирает наиболее устойчивый, который он называет миром истины [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 417]. Ортега трактует истину как частный случай фантастического [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 418]. Идеи возникают и действуют там, где разрушилось или ослабло верование. Подлинная первичная реальность сама по себе не имеет образа, она проблематична в принципе. Поэтому не следует называть ее «миром». Человеческие представления и интерпретации не совпадают с первичной реальностью. С точки зрения Ортеги, жить — значит быть полностью погруженным в загадочное. Воображение человека как раз и реагирует на непроницаемость и загадочность бытия созданием «миров». Приемлемым становится тот мир, который кажется человеку максимально приближенным к реальности. Поскольку воображаемые миры существуют

благодаря творчеству и воле, они являются «внутренними мирами» человека [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 426].

Важнейшим феноменом сугубо человеческой жизни Ортега считал «самопогружение», обращение человека к самому себе. Данное экзистенциальное состояние он рассматривал как особого рода творческую активность человека, направленную на создание идей. Однажды возникнув, идеи впоследствии переходят в разряд верований. Таким образом, человек существует одновременно и в загадочной реальности, и в ясном мире своих идей. Так называемый внешний мир есть всего лишь интерпретация реальности, идея, порожденная интеллектом и воображением человека. В этом смысле мир познания — это лишь один из многих внутренних миров, порождаемых воображением. Наряду с ним существуют мир религии, поэзии, «жизненного опыта» и т.д.

Творчество человека в истории.

Самоуглубление и самоотчуждение

У жизни два основных модуса: с одной стороны одиночество, образующее основу подлинной жизни человека, с другой — общество, люди, масса. Наша жизнь — постоянный переход от одного полюса к другому. Жизнь обретает реальность только в той мере, в какой она подлинна. Подлинность жизни Ортега определяет как радикальное одиночество. Данное понятие он применяет исключительно к человеческой жизни. Необходимость встречи с миром переживается только в опыте радикального одиночества [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 509]. Только наедине с собой мы познаем истину своей жизни. В отличие от животного человек не обречен на вечное нахождение вне самого себя в мире; ему дано «укрываться от мира», самоуглубляться. Человек — самоуглубленное животное, которое ищет прежде всего согласия с самим собой, поэтому он вынужден уходить в себя. Самоуглубленность — полная противоположность стадности. Адекватный человек — человек самоуглубленный, не допускающий превращения своего бытия в чужое. Противоположностью самоуглубления и подлинного существования в себе самом является бытие вне себя, то есть самоотчуждение. Человек, не соответствующий

самому себе, лишается своей подлинности. Неподлинность существования — неизбежный спутник человека в его социальной жизни. Общество, как реальность коллективного социального «Я», подавляет и нивелирует человека, превращает его в «стандартного обывателя», живущего мнимой жизнью. Здесь напрашивается явная параллель с концепцией М. Хайдеггера о *Das Man*, т.е. обезличенном человеке.

Таким образом, жизнь человека утрачивает собственное лицо и все в большей мере становится коллективной. Индивидуальное и неповторимое «Я» подменяется и обобществляется условным социальным «Я». Процесс этот неизбежен. В самых сокровенных глубинах конкретного человека заложена информационная модель общества [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 457]. Любая культура заканчивается, по терминологии Ортеги, «социализацией», которая вырывает человека из его подлинной жизни в одиночестве. Социализация и обобществление человека повторяются всякий раз, когда история переживает очередной кризис [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 305]. «Культурный» человек столь же задавлен и угнетен своей культурной средой, как и человек докультурный — своим космическим окружением. Разница заключается лишь в том, что первобытный человек, самоуглубляясь и решая свои проблемы, создает культуру, возвышается над природой, «окультуривается». Человек же излишне «окультуренный», запутавшийся в тонкостях и сложностях культуры, жаждет подлинной культуры. Отсюда в истории наблюдается постоянный возврат к природе: Возрождение, Руссо, романтизм и вся современная эпоха.

Глубокий социокультурный кризис — реальность, в которой живет современный европеец. Трудно не согласиться с Ортегой в том, что современный человек пребывает в состоянии глубокого самоотчуждения, стремительно вырождаясь в нового варвара [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 302]. Наглядное тому свидетельство сегодня — острая проблема экстремизма и терроризма, дегуманизация культуры, господство потребительского и гедонистического образа жизни, релятивизация морали и истины.

Концепция исторического разума

Несколько веков европеец жил под знаменем рационализма — мировоззрения Нового времени, у истоков которого стояли Галилей и Декарт. Рационализм пришел на смену христианскому откровению как новое коллективное верование. Сущность его состояла в том, что мышление, интеллект стали рассматривать в отрыве от самой жизни. Более того, начиная с Возрождения и Нового времени возобладала культуралистская тенденция абсолютизации культуры. Культура возвысилась над жизнью, превратившись в самодовлеющее царство, стала новым фетишем для человека. Ортега писал: «Мы помещали культуру до и сверх жизни, в то время как она должна находиться за и под ней» [Ортега-и-Гассет Х., 2006, с. 89]. Именно тогда был создан новый коллективный миф — вера в культуру как нечто отличное и обособленное от самой жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 24]. Новое состояние, которое переживает Европа, Ортега именуется «крахом культуры». Европейцы утратили не только веру в культуру, но и перестали быть верными самим себе; крах потерпела их жизненность.

Каково же истинное соотношение между культурой и жизнью? Культура как духовная жизнь человека есть одна из функций жизни. Фундаментальное заблуждение рационализма заключается в том, что феномен духовного был вытеснен за скобки самой жизни. Нарушение органической связи иерархической соподчиненности между культурой и жизнью привело к масштабному кризису и катастрофе. Любой перевес в сторону одного из полюсов неизбежно приводит к вырождению: бескультурная жизнь — варварство, безжизненная культура — византизм [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 22].

Культура вырастает из глубины самой жизни субъекта, его спонтанности. Все века новоевропейской истории духовная жизнь субъекта постепенно дифференцировалась и обособлялась на отдельные сегменты. Результатом данного процесса становится объективация культуры, утрата ею жизненной связи с субъектом. Как только культура утрачивает живую связь с субъектом, она превращается в священнодействие, становится

мертвым ритуалом. Такова внутренняя логика жизни культуры.

Ортега считал, что в европейской истории пробил час, когда необходимо пересмотреть старые культурные догмы и предрассудки, повернуться лицом к новым жизненным императивам. Весь драматизм европейской истории связан с вопросом соотношения культуры и разума. Драма европейской истории началась с открытия Сократом разума, который он противопоставил спонтанной жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 27]. С того момента борьба между разумом и жизнью не прекращалась. Острого накала борьба достигает в Новое время, которое провозгласило победу и торжество чистого разума. Если с Сократа началось всевластие разума, то современная эпоха, по мнению Ортеги, является этапом окончания торжества рационализма. Что впереди? По мнению Ортеги, за рациональностью следует открытие спонтанности. Главный результат интеллектуального развития всех предшествующих столетий — осознание того, что разум является всего лишь одной из форм и функций жизни. Вся культура как таковая есть лишь биологический инструмент. Физический разум, ставший когда-то для человека новым откровением, пришел к краху.

Наука перестала быть живой социальной верой. И связано это в первую очередь с тем, что физический разум не может сказать ничего определенного о человеке. Физический разум стремится познать человека как вещь, тело, организм. В этом состояла его фундаментальная методологическая ошибка. Науки о духе в противовес естественным наукам пытаются познать человека с другого ракурса — как духовную реальность. Но от этого лучше не становится, человеческий феномен продолжает упорствовать, писал Ортега [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 450].

Ортега был уверен, что человеку начинает постепенно раскрываться новая истина о жизни — как всеобъемлющей реальности, для которой интеллект не более чем простая функция. Жизнь обладает значительно более радикальным характером, чем все миры, сконструированные интеллектом. Новую культурную ситуацию Ортега предлагает обозначить как «картезианство жизни», а не «картезианство мысли». Так называемые

«просвещенные эпохи», воспевающие оду разуму, абсолютизирующие его, представляют собой «светлые, но скучные, худосочные времена», довольствующиеся провинциальным прозябанием [Ортега-и-Гассет Х., 2000, с. 106]. Эпоха доминанции физического разума уходит в прошлое и освобождает путь жизненному и историческому разуму [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 447]. Исторический разум обнаруживает себя в истории как диалектический опыт человека.

Человек нуждается в новом откровении [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 206]. Где его искать? В самом человеке, полагал Ортега. Реальность человека — это его жизнь, то, что с ним происходит. Человек — это прежде всего история [Ортега-и-Гассет Х., 1991а, с. 209]. У человека нет неизменной сущности и природы. Его сущность может заключаться только в одном: в бесконечном драматизме его судьбы. Судьбу нельзя определить, ее можно только рассказать. Это и есть новый вид разума: «повествовательный» или исторический разум, и именно он вновь свяжет человека с огромной трансцендентной реальностью — реальностью его судьбы. В науке о человеке зреет новое откровение — разум, наука, культура имеют только одно предназначение — быть орудиями и подспорьем для жизни [Ортега-и-Гассет Х., 1997а, с. 315].

Заключение

Итак, подведем итоги. Философско-историческую концепцию Ортега-и-Гассета преимущественно следует рассматривать на стыке таких направлений, как философия жизни, феноменология и экзистенциализм, которые ему удалось достаточно убедительно синтезировать в целостную систему взглядов. Трактовка исторического процесса была им осуществлена в рамках неклассического типа философии. Ортега был чужд точки зрения на историю как на объективный процесс, направляемый провиденциально к заданной цели, либо имеющий строго прогрессивный линейный характер. В этом смысле философия истории Ортеги противоположна гегелевской и марксистской моделям истории. Если гегельно-марксистская парадигма пытается объяснить историческую действительность, то феноменологическая интерпретация истории стремится понять человека в прошлом и через

него окружающий его мир [Медушевская О., 1997, с. 20]. Философию истории Ортеги, безусловно, следует рассматривать в рамках антропологической философии истории и исторической феноменологии. История по существу своему драматична, диалектична и парадоксальна. Радикальной реальностью истории выступает именно человек, представляющий собой исторический разум, диалектически развивающийся в историческом времени. История существует и развивается именно потому, что человек является свободным субъектом и творцом, а не средством мирового духа либо Абсолюта.

Представляется, что философско-исторические построения Ортеги достаточно органично вписываются в современные интерпретации исторического процесса, в которых история предстает как жизненный мир человека, социокультурный опыт его бытия.

Список литературы

- Бердяев Н.А.* Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. 448 с.
- Демин И.В.* Учение о жизненном разуме Хосе Ортега-и-Гассета в контексте неклассической философии истории XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 3. С. 23–36.
- Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории. М.: РГГУ, 1997. 72 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс: сб./ пер. с исп. М.: АСТ, 2002. 509 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: сб./ пер. с исп. М.: Радуга, 1991. 639 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Закат революций // История философии. 2016. Т. 21, № 2. С. 132–146.
- Ортега-и-Гассет Х.* Запах культуры. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. 384 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь мир, 1997. 704 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Камень и небо: пер. с исп. М.: Грант, 2000. 288 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Размышления о Дон Кихоте. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. 332 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* «Философия истории» Гегеля и историология // Метафизические исследования: альманах. Вып. 2: История. СПб.: Лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ, 1997. С. 250–

281.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 408 с.

Портнов А.Н. Хосе Ортега-и-Гассет: от философии жизни к философии истории // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2007. № 2. С. 86–104.

Руткевич А.М. Философия истории Х. Ортеги-и-Гассета // История философии. 2016. Т. 21, № 2. С. 119–131.

Титов В.Ф. Футурологические идеи Хосе Ортеги-и-Гассета // Философия и общество. 1998. № 5. С. 211–219.

Graham J.T. A pragmatist philosophy of life in Ortega y Gasset. Columbia: University of Missouri Press, 1994. 421 p.

Получено 27.04.2019

References

Berdyayev, N. (2002). *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [The meaning of history. The new middle ages]. Moscow: Kanon+ Publ., 448 p.

Demin, I.V. (2017). *Uchenie o zhiznennom razume Hose Ortegi-i-Gasseta v kontekste neklassicheskoy filosofii istorii XX veka* [The concept of Ortega-y-Gasset's vital reason in the context of non-classical philosophy of history in the 20th century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy]. No. 3, pp. 23–36.

Graham, J.T. (1994). *A pragmatist philosophy of life in Ortega y Gasset*. Columbia: University of Missouri Press, 421 p.

Medushevskaya, O.M. and Rumyantseva, M.F. (1997). *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Moscow: RSUH Publ., 72 p.

Ortega y Gasset, J. (1991). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Nauka Publ., 408 p.

Ortega y Gasset, J. (1991). «*Degumanizatsiya iskusstva*» i drugie raboty. *Esse o literature i iskusstve* [The dehumanization of art and other essays. Essay on literature and art]. Moscow: Raduga Publ., 639 p.

Ortega y Gasset, J. (1997). «*Filosofiya istorii*» *Gegelya i istoriologiya* [«Philosophy of history» by Hegel and historiology]. *Metafizicheskie issledovaniya. Vyp. 2: Istoriya* [Metaphysical studies. Iss. 2: History]. Saint-Petersburg: Laboratory of metaphysical research at the faculty of philosophy of St. Petersburg state University Publ., pp. 250–281.

Ortega y Gasset, J. (1997). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Ves' mir Publ., 704 p.

Ortega y Gasset, J. (2000). *Kamen' i nebo* [Stone and sky]. Moscow: Grant Publ., 288 p.

Ortega y Gasset, J. (1997). *Razmyshleniya o Don Kihote* [Meditations on Don Quixote]. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Publ., 332 p.

Ortega y Gasset, J. (2002). *Vosstanie mass* [The revolt of the masses]. Moscow: AST Publ., 509 p.

Ortega y Gasset, J. (2016). *Zakat revolyutsyy* [The sunset of revolution]. *Istoriya filosofii* [History of philosophy]. Vol. 21, no. 2, pp. 132–146.

Ortega y Gasset, J. (2006). *Zapakh kul'tury* [The Smell of culture]. Moscow: Algoritm, Eksmo Publ., 384 p.

Portnov, A.N. (2007). *Hose Ortega i Gasset: ot filosofii zhizni k filosofii istorii* [Jose Ortega y Gasset: from philosophy of life to philosophy of history]. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo himiko-tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Faculty of Humanities of Ivanovo State University of Chemical Technology]. No. 2, pp. 86–104.

Rutkevich, A.M. (2016). *Filosofiya istorii H. Ortegi-i-Gasseta* [Philosophy of history J. Ortega y Gasset]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy]. Vol. 21, no. 2, pp. 119–131.

Titov, V.F. (1998). *Futurologicheskie idei Hose Ortegi-i-Gasseta* [Futurological ideas of Jose Ortega y Gasset]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 5, pp. 211–219.

Received 27.04.2019

Об авторе

Шумской Андрей Викторович

About the author

Andrey V. Shumskoy

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук

Уральский государственный университет
физической культуры,
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 1;
e-mail: shav.82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>

Ph.D. in History, Associate Professor
of the Department of Social Sciences and Humanities

Ural State University of Physical Culture,
1, Ordzhonikidze str., Chelyabinsk, 454091, Russia;
e-mail: shav.82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шумской А.В. Хосе Ортега-и-Гассет: философия исторического бытия человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 194–203. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-194-203

For citation:

Shumskoy A. V. Jose Ortega y Gasset: philosophy of historical being of man // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 194–203. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-194-203

УДК 111.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-204-218

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА НОВЫХ МЕДИА В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ

Устюжанина Дарья Александровна

Сибирский федеральный университет

Статья посвящена осмыслению феномена новых медиа и их двойственной природы. Автор ставит цель — выделить ряд существенных признаков этих средств коммуникации и представить их в виде набора бинарных оппозиций: реальное – виртуальное, приватное – публичное, интерперсональное – массовое, трансляция – интеракция. Новые медиа рассматриваются как пространство виртуального социального бытия современного человека, которое ставит перед ним вопросы самоидентификации, адаптации, ответственности, разграничения истинного и ложного, частного и общественного. Диффузия реального и виртуального пространств, с одной стороны, превращает онлайн-среду в источник значимых социальных контактов и связей, с другой — придает сетевой личности пользователя игровой, изменчивый характер. Одновременное сосуществование трансляционной и интерактивной моделей распространения массовой информации погружает пользователя в потоки коммуникации «всех со всеми», где он может стать как влиятельным создателем и распространителем контента, так и участником бесконечных разговоров ради самих разговоров. Смещение границ между интерперсональной и массовой коммуникацией порождает множественность и зыбкость контекстов, к которым причастен пользователь. Через оппозицию приватного и публичного рассмотрен конфликтный потенциал онлайн-активности: утрата подлинно публичного пространства, смешение разнородных социальных сред, куда включен индивид, явление гиперпубличности. В заключении актуализирована проблема творческой активности пользователя новых медиа: среда новых медиа открывает перед пользователем возможности конструирования нарратива о собственном Я, включения в глобальный процесс обмена идеями, смыслами, цифровыми артефактами. Результатом этого могут быть расширение границ собственного мира, автономизация и самоактуализация.

Ключевые слова: новые медиа, коммуникация, виртуальность, публичная сфера, массовая информация, массмедиа, опосредованная компьютером коммуникация, гиперпубличность, нарратив.

THE DUAL NATURE OF THE NEW MEDIA IN ONLINE SPHERE

Darya A. Ustyuzhanina

Siberian Federal University

The article aims to explore the phenomenon of the new media and their dual nature. The objective of the study is to investigate the essential attributes of the new media and present them as a set of binary oppositions: real – virtual, private – public, interpersonal – mass, broadcast – interaction. The author analyzes the new media as a sphere of virtual social being of the modern people, where they are faced with such issues as self-identification, adaptation, responsibility, distinction between true and false or private and public. On the one hand, the diffusion of real and virtual spheres turns online environment into a source of significant social connections. On the other hand, this gives the network identity a playful and changeable nature. Due to broadcasting and interactional models of mass communication coexisting simultaneously, a user immerses into the communication flows of everyone with everyone, where they could be both an influential creator and distributor of content, or a participant of endless chats for the sake of chats

themselves. The diffusion between the interpersonal and mass communication leads to plurality and instability of the contexts to which a user belongs. The article examines the conflict potential of online activity through the opposition between the private and public spheres. It describes such effects as erosion of a genuinely public sphere, blending of the opposite social contexts, the phenomenon of hyperpublicity. In conclusion the author discusses a question about the creative activity of the Internet users and emphasizes that the new media environment provides them with opportunities for constructing self-narrative and joining into the global process of sharing ideas, meanings and digital artefacts. As a result, the users expand the borders of their own world, become more autonomous and self-actualizing.

Keywords: new media, communication, virtuality, public sphere, mass media, computer-mediated communication, hyperpublicity, narrative.

Введение

Глобальные онлайн-коммуникации охватывают практически весь мир. Аудитория сети Интернет все еще продолжает увеличиваться, в том числе за счет присоединения новых пользователей в развивающихся странах и труднодоступных регионах, проникновения мобильных технологий, увеличения доли более зрелой аудитории. Об этом свидетельствуют исследования международных и национальных организаций (Pew Research Center, Nielsen Online, ФОМ, ВЦИОМ) [Internet World Stats, 2019; Jonson C., Silver L., 2018]. Новые медиа не просто становятся средством межличностного общения или каналом распространения массовой информации, но и выступают факторами значимых трансформаций в социокультурных процессах, поэтому представляется актуальной задача — определить, за счет каких своих свойств новые медиа смогли столь глубоко укорениться в пространстве глобальных коммуникаций и как эти свойства могут быть актуализированы на разных уровнях управления онлайн-пространством.

Осмыслению феномена новых медиа посвящено значительное количество работ в области социальных и гуманитарных наук. Глубокий анализ на социетальном уровне содержится в исследованиях М. Кастельса, Я. Ван Дейка; активную роль пользователей, одновременно являющихся потребителями и производителями контента, рассматривают Й. Бенклер, Д. Полфри и У. Гассер; отдельные социальные практики саморепрезентации, коммуникации изучают Д. Бойд, Ш. Теркл, З. Папахарисси и др. Однако часто исследовательский фокус

смещается к вопросам о том, что новые медиа делают с нами, с обществом, с коммуникациями, а не к тому, за счет каких их имманентных свойств это становится возможным. Мы рискуем впасть в то заблуждение, о котором предупреждает М. Хайдеггер: вместо того чтобы «разглядеть существо техники», представлять ее лишь как инструмент и орудие [Хайдеггер М., 1993, с. 236], отдаляясь тем самым от «осуществления истины». Настоящая статья предлагает один из возможных ответов на этот вопрос, мы ставим перед собой цель — представить сущностные признаки новых медиа в виде набора бинарных оппозиций. Мы не претендуем на исчерпывающую модель, однако именно пограничное положение новых медиа между реальным и виртуальным пространством, публичной и частной сферами, массовым и интерсубъективным взаимодействиями, трансляционным и интерактивным способами распространения контента делает их особым видом средств коммуникации и превращает в ту самую цифровую стихию, в которую погружен современный человек. Понимание ее природы может быть важно не только для индивида, действующего и «живущего» внутри этой стихии, но и для проектирования или трансформации культурных и образовательных сред, организации сообществ, функционирования систем социального управления.

Новые медиа: определение

В случае с новыми медиа проблема определения ключевого понятия оказывается довольно сложной. Говоря о сетевой коммуникации, мы используем широкий ряд терминов: «Интернет», «виртуальное

пространство», «киберпространство», «новые медиа», «интерактивные медиа», «интернет-технологии», «веб». Некоторые из них оказываются взаимозаменяемыми.

Так, Интернет может быть осмыслен как информационно-коммуникационная технология, в основе которой находится Глобальная сеть узлов, шлюзов, устройств передачи данных. В то же время он может рассматриваться как информационно-коммуникационное пространство, в котором благодаря аппаратным средствам и программной инфраструктуре происходят социальные взаимодействия пользователей. В этом случае уместны термины «киберпространство» или «виртуальное пространство». Однако стоит помнить, что они относятся к любой среде, созданной при помощи ИКТ, в том числе к игровым, к программным средам или к виртуальной реальности. Интернет и вместе с ним новые медиа выступают лишь частным случаем виртуального пространства.

Новые медиа включают в себя персональные или корпоративные сайты, социальные сети, блоги, игры, образовательные среды, поисковые системы, мессенджеры и т.п. Номинально они противопоставляются традиционному медиа, возникшим до появления Интернета. С одной стороны, такое противопоставление нельзя считать вполне корректным, так как из этого следует, что даже механический перенос традиционного медиа в виртуальное пространство сразу превращает его в новое: например, подготовка цифровой версии книги и размещение ее в Сети или создание онлайн-ресурса для газеты, радио- или телепрограммы. Кроме того, для так называемого поколения Y, родившегося после 1980 г. и выросшего в окружении информационных технологий, ничего нового в подобных медиа нет. С другой стороны, стоит согласиться с теми авторами, которые видят в понятии «новые медиа» меньше ограничений, чем, например, «интерактивные медиа» или «опосредованная компьютером коммуникация (computer-mediated communication, СМС)» [Lister M. et al., 2009, p. 12]. Первое ограничивает их специфику только одним свойством, второе — каналом связи.

Я. Ван Дейк предлагает относить к новым медиа конвергентные и интерактивные цифровые средства коммуникации, возникшие на рубеже XX–XXI вв. [Van Dijk J., 2006, p. 9]. Конвергенцией или интеграцией он называет сочетание различных способов передачи информации на уровнях инфраструктуры, каналов, менеджмента, типов данных и сервисов. Одним из важнейших, фактически революционных, последствий их распространения, по мысли Ван Дейка, станет то, что «впервые в истории новые медиа дадут нам право делать осознанный выбор между медиатизированной и непосредственной коммуникацией» [Van Dijk J., 2006, p. 12].

Часто общими свойствами новых медиа называют использование цифрового кода, интерактивность, мультимедийность и гипертекстуальность [Lister M. et al., 2009; Фомичева И.Д., 2005; Manovich L., 2001; Viseu A., 1999]. Сами по себе эти характеристики не уникальны для средств коммуникации, однако только новым медиа они присущи одновременно. Так, примеры гипертекстуальности мы находим в любом словаре или справочнике, снабженном перекрестными ссылками. Интерактивность в массмедиа появляется тогда, как становятся возможны звонки в студию во время прямого радио- или телеэфира. Мультимедийными, т.е. включающими в себя разные форматы представления информации (текст, видео, аудио, изображение, анимацию), являются даже телевизионные сообщения, хотя этот вид медиа относят к традиционным.

Глубокий анализ свойств новых медиа сделал Л. Манович [Manovich L., 2001]. Он выделяет следующие их черты:

- 1) цифровая репрезентация данных;
- 2) модульность организации (новые медиа состоят из множества элементов, образующих единое целое, но при этом независимых друг от друга. Так, веб состоит из страниц, каждая из которых включает в себя код, тексты, изображения, ссылки и т.п.);
- 3) автоматизация процессов создания, обработки, поиска, хранения контента;
- 4) изменчивость, вариативность контента (возможность изменять его после публикации, разнообразие форм, в которых он может быть

представлен, масштабируемость, гипертекстуальность, позволяющая связывать множество объектов в один по желанию пользователя или автора, в результате чего любой может конструировать собственное сетевое пространство).

Таким образом, с точки зрения формы мы можем отнести к новым медиа все средства передачи информации, работающие на основе цифровых интернет-технологий. Далее, чтобы в терминах М. Маклюэна увидеть «сообщение» новых медиа, от формального определения перейдем к описанию тех имманентных свойств новых медиа, которые определяют их пограничное положение в пространстве всеобщей коммуникации.

На наш взгляд, одним из важнейших свойств новых медиа является их способность разрушать границы между средами, которые в пространстве традиционных средств коммуникации были достаточно четко разделены. Это приводит к изменениям в способах и содержании коммуникации, в социальных взаимодействиях, в ощущении индивидом пределов собственного мира. Предлагаемый ниже анализ представляет собой попытку описать признаки новых медиа как систему бинарных оппозиций, посредством метафоры проницаемых границ: между реальным и виртуальным (Чудова, Висо, Асмолов), между информацией и коммуникацией (Соколова, Шилина, Кастельс, Бенклер), между интерперсональным и массовым (Пул), между личным и публичным (Бойд).

Реальное–виртуальное

Проблема онтологии виртуальной реальности, с одной стороны, не является новой для философского знания, поскольку обсуждается еще со времен Средневековья; с другой стороны, информационная революция второй половины XX в., в том числе и развитие новых медиа актуализировали ее. Если виртуальная реальность схоластов представляет собой антитезу субстанциальности и потенциальности, то в современной интерпретации этот конструкт порождается технической средой, является плодом деятельности человека, частью его культуры.

В ранних работах, посвященных онлайн-среде, можно выделить, по меньшей мере, две позиции в отношении сетевого виртуального пространства. С одной стороны, в русле технологического утопизма оно противопоставляется реальному как пространство свободы, фантазии, творчества, новых возможностей. Так, Дж.П. Барлоу в знаменитой декларации независимости киберпространства провозгласил его новой обителью мышления, где не будет места экономическим и социальным привилегиям, расовым предубеждениям, ограничениям в праве на высказывание и т.п. [Барлоу Дж.П., 1996]. С другой стороны, исследователи поднимают проблему диффузии новых технологий в повседневную жизнь, предупреждая о таких последствиях, как подмена реальной действительности виртуальной, эскапизм пользователя вплоть до полного растворения в мире игры, превращений и трансформаций. Так, в 1997 г. С. Жижек предупреждает об утрате нашего контакта с реальностью по мере погружения в киберсреду, что в конце концов приведет к тому, что индивид «потеряет связь с системой координат, определяющих его опыт» [Жижек С., 2012, с. 232].

Однако на современном этапе эти позиции подвергаются коррекции. В последние годы все большее количество исследований свидетельствуют о том, что пользователи видят в сетевой коммуникации источник реальных социальных связей и капитала [Орех Е.А., Сергеева О.В., 2015; Heer J., Boyd D., 2006; Vergeer M., Pelzer B., 2009; Фомичева И.Д., 2015]. По всей видимости, причиной тому — ключевая роль, которую онлайн-активность уже играет в рутинных практиках человека. Развитие мобильных технологий, распространение смартфонов и планшетов, носимых устройств, так называемого «интернета вещей» (подключенных к Глобальной сети приборов повседневного пользования — от электрочайников до автомобилей) привело к тому, что пользователь все больше времени остается подключенным к Сети, одновременно находясь в реальном и в виртуальном пространстве. Если еще 5–10 лет назад доступ в Интернет требовал

стационарного компьютера, подготовленного рабочего места, специально организованного входа, то сейчас нужно лишь достать из кармана телефон или посмотреть на часы. Практически любая сфера социальной жизни современного человека получает свое виртуальное отражение: в онлайн-пространстве возможны знакомства, покупки, образование, работа, получение государственных услуг и т.п. В результате сетевая среда становится не подменой реального мира, а его продолжением, где человеку приходится вести привычную деятельность и решать задачи социализации и где обретают свою виртуальную репрезентацию социальные институты и организации.

Иными словами, граница между реальным и виртуальным *не исчезает*, но становится *легко преодолимой*, проницаемой, что, в свою очередь, как показывают Л.Е. Моторина и В.М. Сытник, «обостряет и актуализирует проблему адаптационных возможностей» человека [Моторина Л.Е., Сытник В.М., 2017]. Согласно М. Маклюэну, средства коммуникации есть внешние расширения человека, замещающие физические функции. В этой логике можно рассматривать гаджеты и новые медиа: с одной стороны, как расширение памяти, одновременно всеобщей и личной, ведь внутри современных устройств и онлайн-площадок хранится огромное количество персональных следов в виде фотографий, видеозаписей, постов в социальных сетях, переписки, голосовых сообщений; с другой стороны, некоторые виды онлайн-средств коммуникации, в первую очередь, социальные сети, такие как Facebook, Instagram, Twitter, «ВКонтакте», «Одноклассники», фактически выступают в роли цифрового тела, продолжая его в виртуальном пространстве. Создание в таком ресурсе аккаунта требует самопрезентации, конструирования цифровой личности, от имени которой пользователь не только делится информацией о себе, но и вступает в коммуникацию с другими участниками виртуального пространства. Аккаунт социальной Сети можно использовать и за ее пределами: с помощью авторизации на сторонних ресурсах пользователь может

аккумулировать всю свою сетевую активность в одной или нескольких цифровых репрезентациях. Функции этих репрезентаций, в случае необходимости, могут быть разделены. Так, аккаунт в одной социальной сети может отражать профессиональную жизнь индивида, а аккаунт в другой — личную. Воспроизводя реальное пространство, виртуальная среда заставляет человека снова и снова возвращаться к проблеме самоидентификации, конструировать свое цифровое Я в зависимости от внешних обстоятельств и контекстов.

В результате для активных пользователей новых медиа социальные действия и взаимодействия в онлайн-среде могут приобретать не меньшую значимость, чем офлайн-активность. Говоря о психологии представителей «цифрового поколения», Д. Полфри и У. Гассер отмечают: «С точки зрения цифрового поколения (digitalnatives) идентичность не распадается на онлайн- и офлайн-версии, персональную и социальную. Поскольку эти формы идентичности существуют одновременно и тесно связаны друг с другом, представители цифрового поколения никогда не разделяют реальную и виртуальную версию самих себя» [Palfrey J., Gasser U., 2008, p. 20].

Действия в виртуальной среде могут иметь вполне осязаемые последствия — совершаясь в условно несуществующей, порожденной цифровыми технологиями среде, где действие кажется ненастоящим, они продолжают в реальном пространстве. Онлайн-травля (кибербуллинг) способна нанести жертве такую же травму, как и преследования в реальности. За размещением противоправного контента может последовать уголовное или административное наказание. Публикация безобидных, на взгляд пользователя, материалов по поводу работы нередко оценивается руководством как нарушение корпоративных норм. Появилось даже понятие «цифрового активизма», которое включает в себя социальные и политические кампании, организованные внутри сетевой среды [Shah V. et al., 2013].

Одну из причин того, почему проницаемость границ между реальным и виртуальным

усиливается, можно обнаружить в том, что онлайн-пространство становится для пользователя источником социального капитала, который П. Бурдье определяет как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с устойчивым обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания — с членством в группе» [Бурдье П., 2002]. Фомичева отмечает, что социальный капитал имеет коммуникативную природу, поскольку «образуется и умножается через прямые социальные контакты», «складывается из формальных и неформальных отношений», «его объем зависит от размера сетей связи», и «чем больше он используется, тем быстрее растет» [Фомичева И.Д., 2015]. Р. Патнэм, рассматривая влияние медиа на формирование социального капитала, выделяет два вида связей между людьми: сильные (*bonding social capital*) и слабые (*bridging social capital*) [Putnam R.D., 1995]. Сильные связи возникают между близкими друзьями и членами семьи, они являются источником социальной поддержки, тогда как слабые связи относятся к знакомым, бывшим коллегам или одноклассникам. Именно слабые связи могут давать индивиду большой приток разнообразной информации или открывать перед ним новые возможности, например в случае поиска работы.

Новые медиа, в первую очередь сервисы социальных сетей, превращаются для пользователя в инструмент создания и поддержания слабых связей. Чем шире круг его подписок и сообществ, тем больше у него возможностей для коммуникации и взаимодействий, из которых он может черпать различные ресурсы: информация, социализация, общественное признание, подтверждение социальной идентичности [Орех Е.А., Сергеева О.В., 2015], интеграция, общественная поддержка и т.п. Простейшие формы онлайн-взаимодействий (добавление в друзья, «лайк», комментарий, перепост) могут стать тем, что, по словам И.Д. Фомичевой, «склеивает» социальные связи. Таким образом, виртуальное пространство становится не только формой существования технологии, но и местом социального бытия человека, который

представлен распределенными, множественными Я.

Это приводит нас к другому последствию размывания границ между реальным и виртуальным, оно связано с конструированием сетевой или электронной идентичности. Чтобы действовать в пространстве новых медиа, особенно внутри сервисов социальных сетей, пользователю необходима цифровая репрезентация, которая включает в себя не только имя, реальное или вымышленное, но и аватар, персональные характеристики, речевые особенности, коммуникативную стратегию и др. Эта репрезентация выполняет различные функции: от сугубо утилитарных, лишь обозначая присутствие пользователя онлайн, до игровых или экзистенциальных, выстраивая особую сетевую Я-концепцию индивида [Фленина Т.А., 2014].

Наиболее продуктивной концепцией, позволяющей понять, что из себя представляет Я индивида в Сети, нам представляется концепция Я как нарратива — истории, которую индивид рассказывает Другим о себе. Как отмечает Е.О. Труфанова, Я как нарратив дает возможность индивиду «постоянно его реконструировать, рассказывать свою жизненную историю или ее фрагменты каждый раз по-новому, в зависимости от данного контекста разговора, от собеседника, от этапа развития личности». Он сочетает в себе реальность и фантазию, причем «человек сам определяет значимость каждого из событий для внедрения его в конструкцию собственного Я» [Труфанова Е.О., 2010, с. 185–188]. Это мы и видим в сетевой среде, где онлайн-образ пользователя многовариантен, нестабилен, переменчив и всегда является результатом отбора той информации о себе, которая будет доступна в Сети. Пользователь Сети создает как текстовый (через посты, сообщения, комментарии), так и визуальный (через фото и видео) нарратив о себе и о своей биографии, выступая творцом, автором своего Я.

Однако сложность состоит в том, что он одновременно, в том числе и помимо своей воли, оказывается вовлеченным в нарративы других пользователей, которыми он не может управлять. По этой причине Д. Полфри и У. Гассер обращают внимание на

небезопасность конструирования сетевой идентичности [Palfrey J., Gasser U., 2004, p. 31]. Однажды рассказанная в Сети, история может появиться в другом контексте спустя продолжительное время. Например, сегодняшние двух-трехлетние дети в будущем столкнутся с тем, что тысячи фотографий, видео, постов, показывающих их жизнь с самого рождения, уже представляют собой сконструированный родителями образ и доступны людям и организациям, с которыми они не имеют ничего общего.

Таким образом, оппозиция реального — виртуального позволяет увидеть, что новые медиа актуализируют вопросы социального бытия человека, которое продолжается и в виртуальном пространстве, иногда становясь более сложным, чем в реальном. Включение индивида в социальные практики и освоение им общественных норм, иными словами процесс социализации, происходит в том числе и через онлайн-среду, а это, в свою очередь, не может не отразиться на деятельности институтов, участвующих в воспитании и образовании личности. Кроме того, процесс создания сетевого Я, рассматриваемого в рамках концепции Я как нарратива, позволяет увидеть в пользователе активного субъекта, творца, что разворачивается и в других имманентных свойствах новых медиа.

Трансляция–интеракция

Пространство Интернета часто характеризуется как информационно-коммуникационная среда, где субъект-объектные отношения между отправителем и получателем сигнала могут трансформироваться в субъект-субъектные. В этом состоит интерактивность новых медиа, которая отличает их от традиционных каналов распространения информации: вместо трансляции — однонаправленного распространения информации от источника к аудитории, исключаяющего взаимодействие между ними, имеет место коммуникация — обмен смыслами между отправителем и получателем и последовательная смена ролей.

Попытки представить модель интернет-коммуникации предпринимались неоднократно. Так, М.Г. Шилина определяет Интернет как информационно-

коммуникативное пространство, которое формируется на «основе аппаратной и программной инфраструктур в результате совокупности процессов коммуникации всех субъектов» [Шилина М.Г., 2014]. Она выделяет три уровня коммуникации: технический (компьютеры, средства доступа), технологический (веб в различных итерациях), антропоцентрический (реальные пользователи, вне зависимости от выбранного ими формата представления себя в Сети). П. Бредшоу предлагает три информационно-коммуникационные модели поведения пользователей: «Взять» (Pull), «Подключиться» (Push), «Передать» (Pass). Первая описывает ситуацию трансляции, когда источник передает сообщение, а пользователь его принимает, скачивает файл, подписывается на рассылку; вторая показывает, как аудитория выступает инициатором обращения к источнику, получая контент по запросу; третья модель демонстрирует, как пользователь не только получает, но и распространяет сообщение по своей Сети. Все модели существуют одновременно и актуализируются в зависимости от задач и потребностей индивида [Bradshaw P., 2007].

Онлайн-среда дает возможность пользователю стать создателем или распространителем публичного, широко доступного контента, который до появления интернет-технологий был прерогативой средств массовой информации, издательств, кинопроизводственных компаний и т.п. Более того, делясь в Сети интересными и важными для них материалами, пользователи помещают их в новый контекст, комментируют, дополняют, порождая тем самым новые смыслы. Такой тип участия в массово-информационных потоках может быть назван «непрямым участием» [Splendore S., 2013], и это позволяет аудитории влиять на новостные тренды общим числом ретвитов, перепостов и лайков [Hernández-Serrano M.-J. et al., 2017]. Вовлечение в производство новых культурных продуктов, как пишет Й. Бенклер, ведет к усилению автономии личности [Benkler Y., 2016], к ее утверждению как свободной, самостоятельной и независимой.

Однако критическая позиция по поводу интерактивной природы новых медиа не должна исключаться из нашего анализа. Широкие коммуникативные возможности, которые благодаря Глобальной сети открываются перед пользователем, далеко не всегда становятся поводом для многообразного творчества или рефлексии. Публичный обмен сообщениями часто существует ради самого себя, превращаясь в то, что М. Хайдеггер называет «говорением», а Н. Больц — «коммуникацией ради коммуникации». Результатом становится не приращение смыслов, а приращение участников коммуникаций и объема высказываний. Н. Больц подчеркивает гедонистическую природу массмедийной коммуникации: участие в ней доставляет удовольствие, оно становится важнее, чем передающаяся в процессе информация, и даже превращается в культ. Кроме того, коммуникация ради коммуникации безопасна: воспроизводя понятный, стереотипный дискурс, ее участники сигнализируют о «наличии у них гражданского чувства» [Больц Н., 2011, с. 95]. В этом смысле вовлеченность пользователей Глобальной сети в коммуникационные потоки оказывается не путем к автономии, о которой говорит Й. Бенклер, а путем к растворению личности в бесконечном и бессодержательном разговоре.

Впрочем, истина может находиться где-то посередине. Практики аудитории Интернета обусловлены широким спектром факторов: технологических, экономических, культурных, демографических, и в разных группах они могут быть весьма вариативны. В связи с этим интересной для анализа представляется модель, предложенная группой испано-британских исследователей [Hernández-Serrano M.-J. et al., 2017], согласно которой выделяются три уровня активности аудитории новых медиа. На первом уровне находится потребитель (consumer), который принимает лишь непрямо участие в отборе контента. На втором уровне — prod-user (активный, производящий пользователь), включенный в отбор, производство, распространение контента, но не проявляющий инициативы, делающий это только, если для этого созданы условия. Например, такой пользователь публикует

ссылку на новость какого-то СМИ в своем аккаунте в социальной Сети или комментирует чью-то публикацию. Наконец, третий уровень — продизайнер (prodesigner), который проявляет активность по своей инициативе, создает собственный контент и вовлекает других во взаимодействие.

То, как работает эта модель, можно рассмотреть на примере мессенджера Telegram. Одна из его функций — создание каналов, предназначенных для рассылки сообщений большим группам аудитории. Это одностороннее вещание, трансляция, поскольку отреагировать на сообщение подписчик может только фактом его просмотра или «лайком». Популярность telegram-каналов, сопоставимая с популярностью институциональных СМИ (например, политический канал «Незыгарь» — 218,5 тысячи подписчиков, канал онлайн-издания Meduza — 162,5 тысячи подписчиков, новостной канал Mash — 524,1 тысячи подписчиков в марте 2019 г.) [Telegram, 2019]), свидетельствует о том, что аудитория новых медиа готова оставаться и неактивным медиапотребителем, поглощающим множество разрозненных сообщений из источников, чьи достоверность и авторитетность не могут быть оценены. Однако мессенджер позволяет любому пользователю стать «продизайнером», создав собственный канал.

Рассмотренные модели сетевой коммуникации (М.Г. Шилова, П. Бредшоу, М.-Х. Эрнандес-Серрано с соавторами) показывают, что пространство новых медиа может выступать одновременно и средой, где сохраняются традиционные массмедийные способы одностороннего распространения и потребления контента (от ограниченного количества источников к неограниченной, рассредоточенной в пространстве и времени аудитории), а также формируется среда новой интерактивной, неиерархичной коммуникации, в которой каждый может стать создателем и распространителем контента. Условий, ограничивающих эти возможности, становится все меньше, а инструментов и платформ для коммуникации все больше. Последствия же могут оцениваться двояко: разнообразие может

вести как к автономии творческой и рефлексивной личности, так и к погружению в «сетевой лабиринт» (У. Эко) бессмысленного говорения всех со всеми. Это снова возвращает нас к проблеме адаптации и самоопределения личности в сетевом пространстве: она оказывается перед задачей поиска сознательной стратегии своего пребывания здесь.

Интерперсональное–массовое

Еще один признак двойственной природы новых медиа — это соединение в одном пространстве межперсональной и массовой коммуникации. Если сферы использования традиционных каналов в этом отношении всегда были жестко разграничены, то в интернет-среде личное сообщение в любой момент может оказаться общедоступным, а приватная беседа — публичной, иногда и независимо от воли ее участников. Американский исследователь И. де Сола Пул называл это конвергенцией, под которой понимал «стирание границ между медиа как средствами обоюдной коммуникации, такими как телефон, почта, телеграф, и медиа как средствами массовой коммуникации, такими как пресса, радио и телевидение» [de Sola Pool I., 1987, p. 19; цит. по: Журналистика и конвергенция, 2010, с. 15].

Глобальное пространство Интернета усиливает и расширяет горизонтальные связи между пользователями за счет того, что они могут создавать собственные сети коммуникации или вступать в сообщества по интересам. В таких условиях личное взаимодействие часто происходит в публичном поле: например, когда пользователи комментируют опубликованные на любых платформах материалы. Диалог легко переходит в полилог, дискуссия по поводу публикации меняет свое содержание, а неопределенное и неограниченное количество зрителей наблюдает за происходящим со стороны, никак себя не проявляя. Я. Ван Дейк предлагает считать это новым, промежуточным типом коммуникации между интерперсональной и массовой [Van Dijk J., 2006, p. 170]. Следствием ее распространения становится множественность и при этом

зыбкость контекстов, в которую оказывается вовлечен участник или наблюдатель.

Оригинальную модель предлагает М. Кастельс, показывая, что в онлайн-медиа возникает массовая самокоммуникация. Потенциально она охватывает глобальную аудиторию, однако обходится без институционализированных отправителей сообщения, таких как СМИ. Вместо этого пользователь самостоятельно может отбирать, интерпретировать, распространять и создавать контент, о чем мы уже говорили выше. Такой тип коммуникации существует в сетевом пространстве одновременно с интерперсональной и массовой, дополняя их и превращая онлайн-среду в «многокомпонентный, интерактивный, цифровой гипертекст, который включает, смешивает и перераспределяет в их разнообразии всю сферу культурных представлений, передаваемых в ходе человеческого взаимодействия» [Кастельс М., 2016, с. 74].

Рассмотрим, как эта модель реализуется в практике использования мессенджеров. Во-первых, они выступают в качестве каналов межличностного частного общения и используются для повседневной коммуникации между членами семьи, коллегами, друзьями и т.д. Во-вторых, они могут быть каналами групповой коммуникации, например, внутри организации или среди родителей учеников школы. В таком случае создается чат, в котором участвуют до нескольких десятков человек. Однако есть случаи, когда такая групповая коммуникация приобретает довольно большой масштаб, охватывая значительную долю локального сообщества. Подобные практики есть в ряде российских удаленных регионов (Дальний Восток, Якутия), где доступ к Интернету затруднен или ограничен в силу технических причин, в Бразилии, в Индии. Местные жители создают в мессенджерах группы по интересам или по месту жительства, в которых обсуждают новости, события, продают и покупают товары, ищут работу, организуют совместную деятельность, обращаются к представителям власти [Бородулина А.С., 2018]. Каждый пользователь может быть одновременно

включен в несколько подобных групп, метафорически оказываясь в подобии Борхесова «сада расходящихся тропок», и таким образом массовые чаты становятся пространством коммуникации на уровне всего сообщества.

Мессенджеры обеспечивают существование горизонтально организованных сообществ, о которых много говорят теоретики сетевого общества. Эти комьюнити отличаются не только высокой ценностью связей, но и высоким уровнем доверия к распространяемой информации. Практика распространения слухов и так называемых «фейковых новостей» через мессенджеры продемонстрировала обратную силу связей между участниками групповых чатов. Сообщение, отправленное пусть даже виртуальным знакомым, может показаться более достоверным, чем информация от институализированных источников. Таким образом, с одной стороны, мессенджеры могут выступать средством социализации одновременно в онлайн- и в офлайн-среде; с другой стороны, они оказываются и одним из источников дезориентации в информационном пространстве.

В то же время природа Глобальной сети такова, что автору контента не всегда подвластны границы распространения сообщения. В силу того что новые медиа одновременно являются каналом межличностной, межгрупповой и массовой коммуникации, созданный пользователем контент может выйти за пределы запланированной аудитории (стать вирусным) или, наоборот, не достичь ее. Безусловно, такое возможно и вне Интернета. Однако современные масштабы распространения и производства контента пользователями не знают аналогов на предыдущих этапах развития средств массовой коммуникации.

Таким образом, размывание границ между интерперсональной и массовой коммуникацией в сетевом пространстве обуславливает рождение новых норм общения и дискуссии, приводит к возникновению новых способов социальной организации и социального взаимодействия, дает возможность создателю творческого продукта выйти за пределы

близкого круга и сообщества. Оно трансформирует структуру общества, делая более сильными и заметными горизонтальные связи между людьми и сообществами. Одновременно с этим создается ситуация неопределенности, непредсказуемости распространения контента, смешения культурных текстов и контекстов, что тоже влияет на ощущение себя в Сети.

Приватное–публичное

Рассматриваемая нами оппозиция, через которую проявляются свойства новых медиа, — это оппозиция между приватной и публичной сферами. Х. Арендт определяла публичное, во-первых, как все, что является «перед всеобщностью для всякого видно и гласно» и максимально открыто, во-вторых, как «самый мир, насколько он у нас общий и как таковой отличается от всего, что приватно нам принадлежит» [Арендт Х., 2017, с. 69]. Публичное проявляется в действии и в слове, направленных на Других, и «удостоверяет нам реальность мира и нас самих» [Арендт Х., 2017, с. 66]. Рефлексия Х. Арендт и вслед за ней Ю. Хабермаса по поводу современного состояния приватной и публичной сфер приводят к выводу о размывании четкой границы между ними, деприватизации частного и интимизации публичного дискурса. В исследованиях, посвященных сетевой коммуникации, эти идеи находят свое продолжение. Так, Я. Ван Дейк говорит об «эрозии публичной сферы» [Van Dijk J., 2006, p. 161], Д. Бойд — о смешении социальных контекстов [Boyd D., Ellison N.B., 2007], З. Папахарисси проблематизирует сокращение публичной сферы как политического пространства в понимании Ю. Хабермаса и показывает, как полем политических действий становится приватное [Papacharissi Z., 2010].

Как мы отметили выше, являясь одновременно каналом межличностной и массовой коммуникации, новые медиа обладают потенциалом придавать информации, относящейся к сфере приватного, публичное значение. Причем одинаково вероятны два сценария: «демонстративный», когда пользователь целенаправленно делает свою частную жизнь предметом публичного

интереса, и «наивный», когда пользователь не осознает, что размещенный им контент сугубо частного содержания открыт для большой аудитории. Это ставит перед нами вопросы о ценности такой информации для пользователя и о доступной ему степени контроля. Иными словами: что происходит, когда частное становится публичным, и способен ли пользователь управлять этим?

На первый вопрос можно ответить, обратившись к идеям Х. Арендт, согласно которым мир становится действительным только через публичное: «действительность публичного пространства возникает из одновременного присутствия бесчисленных аспектов и перспектив». Это же делает его общим в том смысле, что мы делим его и опыт пребывания в нем «с теми, кто с нами живет, и с теми, кто был до нас, и с теми, кто придет после» [Арендт Х., 2017, с. 72–75]. Публичность, которую приобретает человек в виртуальном пространстве, становится способом сообщить о своем существовании, закрепить себя в действительности рядом с другими, что становится особенно важным, если публичная сфера за пределами Сети не дает подобной возможности. С другой стороны, Х. Арендт предупреждает о том, в массовом обществе величии публичности противостоит очарование частности, упоение повседневностью, которое многократно умножает субъективность и нивелирует многомерность общего мира. Возможно, пользователи социальных сетей, увлеченные фиксацией своей каждодневной рутины при помощи одних и тех же шаблонов (селфи, места, еда, встречи, детали интерьеров), не воссоздают, а утрачивают действительность. Таким образом, в пространстве новых медиа одновременно есть потенция и утверждения публичного мира, и его приватизации.

Вопрос о контроле за степенью своей публичности в сетевом социальном пространстве можно рассмотреть через призму работ Д. Бойд [Boyd D., Ellison N.B., 2007]. Она говорит о смещении социальных контекстов, которое становится результатом активности пользователя в новых медиа. За пределами Сети разные сферы жизни индивида разделены между собой четкими границами, что дает ему

возможность проявлять себя, взаимодействовать с другими согласно окружению и своей роли в нем. При этом то, что дозволено в одной среде, может быть чужеродно и осуждаемо в другой. Аккаунт в социальной Сети стягивает все сферы жизни вместе. Он может быть доступен и членам семьи, и коллегам, и друзьям пользователя. Как отмечает Д. Бойд, «пользователь вынужден одновременно обращаться к разнородным и не связанным между собой аудиториям» [Boyd D., Ellison N.B., 2007] и, добавим, справляться с непредсказуемой реакцией аудитории. Так, в средствах массовой информации часто публикуются новости, например, о том, как фотографии из отпуска, опубликованные в Сети, становятся предметом осуждения со стороны коллег, если речь идет о профессиях, к которым предъявляются строгие моральные требования. Пользователь неожиданно для себя оказывается внутри конфликта: контент, предназначенный для друзей и родственников, расценивается как нарушение корпоративных норм в профессиональной среде.

Другое последствие диффузии частного в публичную сферу — так называемый феномен гиперпубличности, когда информации о пользователе в Сети размещено настолько много, что он не может ею управлять. Фотографии с ним, размещенные на разных ресурсах в разное время, данные приложений об активности, геоданные в социальных медиа о его местоположении, его коллекции музыки на стриминговых сервисах, сообщения на форумах, упоминания в социальных сетях, данные о долгах, о судебных процессах, в некоторых странах даже сведения об уплаченных налогах и о месте жительства — все это может находиться в открытом доступе долгие годы.

Наконец, третье последствие связано с циркуляцией метаданных — информации о местоположении пользователя, о посещенных сайтах и о действиях на этих сайтах, о поисковых запросах, об используемых устройствах, об открытых приложениях, о контактах, о частоте взаимодействий с другими пользователями и т.п. На их основе онлайн-сервисы размещают рекламные предложения, рекомендуют новые продукты, дают советы,

как спланировать маршрут, или напоминают, что пора принять лекарства. С одной стороны, все эти данные о пользовательской активности изучаются, чтобы сделать его взаимодействие с Интернетом более удобным и полезным, с другой стороны, сведения о повседневных практиках индивида, о его запросах и действиях отчуждаются от него. Ставшая доступной широкой общественности в 2017–2018 гг. информация о том, что социальная сеть Facebook предоставляла сторонним организациям данные о пользователях без их ведома, показала, насколько незащищенной оказывается персональная информация. Однако этот вид последствий стирающейся грани между личным и публичным в сетевом пространстве лежит, скорее, в области юридических наук, чем философских.

Перечисленные последствия размывания границ между личным и публичным пространствами заставляют институты и пользователей искать новые стратегии поведения. Эти изменения происходят на нескольких уровнях. На уровне действий *индивида* можно наблюдать, как появляются разные способы контроля приватной информации: закрытие профиля, дифференциация функций разных аккаунтов, удаление комментариев, смена имени и др. На уровне общественных *групп и движений* появляются сообщества активистов, которые занимаются гражданскими расследованиями на основе открытых данных. На уровне *государства* принимаются нормы, помогающие пользователю защищать свою приватность или, наоборот, использующие возможность собирать и хранить данные о действиях граждан в Интернете, для обеспечения национальной безопасности.

Делая проницаемой границу между приватной и публичной сферами, новые медиа интенсифицируют процесс, начавшийся задолго до их появления. Если рассматривать публичность как способ утверждения себя в мире, то сеть дает возможность каждому использовать его. Однако это, в свою очередь, ставит перед личностью вопрос о смыслах, которыми она наполняет свое публичное пространство, о границах и об ответственности за их нарушение.

Заключение

Глобальная сеть создала свой инструмент коммуникации и распространения информации — новые медиа. Их технологические и культурные особенности таковы, что, заняв существенное место в повседневной жизни современного человека, они привели к конвергенции разделенных прежде пространств реального и виртуального, частного и публичного, межличностного и массового. На уровне индивида все это создает новые условия социального бытия, которому должен адаптироваться человек. Он учится по-новому конструировать свое публичное Я, участвовать в множестве сменяющих друг друга коммуникационных потоков, искать критерии истинности поступающей к нему информации. Перед ним открываются возможности для творчества, созидательной активности, расширения границ собственного мира, автономизации и самоактуализации. Но в то же время его настигают и новые противоречия, связанные с неопределенностью, переменчивостью и нестабильностью сетевого пространства.

На социетальном уровне можно наблюдать изменения в процессах социальных коммуникаций, которые становятся более разнообразными, разнонаправленными, полидискурсивными; в усилении горизонтальных общественных структур; в появлении новых норм поведения и форм контроля. Понимание свойств сетевых медиа и их роли на разных уровнях организации общества необходимо для системного решения широкого круга проблем, в том числе связанных с воспитанием и социализацией молодого человека или с сохранением информационной безопасности личности и общества.

Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
- Барлоу Дж.П.* Декларация независимости киберпространства. 1996. URL: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html> (дата обращения: 10.04.2019).
- Больш Н.* Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.

Бородулина А.С. «Поворот к мессенджерам»: кейс Сахалинской области // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1(143). С. 156–172. DOI:

<https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.09>.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. DOI:

<https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74>.

Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. 388 с.

Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М., 2010. 200 с.

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

Моторина Л.Е., Сытник В.М. Фундаментальные отношения человека к миру // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 69–80.

Орех Е.А., Сергеева О.В. Визуальная самопрезентация личности в сети интернет (о некоторых гипотезах в развитии темы) // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сборник статей международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета, 2015. С. 250–260.

Труфанова Е.О. Я-нарратив и его автор // Философия науки. 2010. № 15. С. 183–193.

Фленина Т.А. Семантическое пространство понятия «сетевая идентичность» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 171. С. 310–314.

Фомичева И.Д. Социальный капитал в поле СМИ // Медиаскоп. 2015. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/1685> (дата обращения: 10.04.2019).

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие (статьи и выступления). М.: Республика, 1993. С. 221–238.

Шилина М.Г. Коммуникация в интернете: методологические основания исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 4. С. 127–130.

Benkler Y. The Wealth of Networks. New Haven; London: Yale University Press, 2006. 515 p.

Boyd D., Ellison N.B. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. No. 13(1). P. 210–230. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>.

Bradshaw P. A model for the 21st century newsroom / Online Journalism blog. 2007. URL: <https://onlinejournalismblog.com/2007/09/17/a-model-for-the-21st-century-newsroom-pt1-the-news-diamond/> (accessed: 10.04.2019).

Dijk J. Van. The Network Society: Social Aspects of New Media. London, UK: Sage Publications, 2006. 304 p.

Heer J., Boyd D. Vizster: Visualizing Online Social Networks // IEEE Symposium on Information Visualization, 2005. INFOVIS 2005. Minneapolis, MN: IEEE, 2005. P. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.1109/INFVIS.2005.1532126>.

Hernández-Serrano M.-J., Renés-Arellano P., Graham G., Greenhill A. From Prosumer to Prodesigner: Participatory News Consumption // Comunicar. 2017. No. 25(50). P. 77–88. DOI: <https://doi.org/10.3916/C50-2017-07>.

Internet World Stats. 2019. URL:

<https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (assessed: 10.04.2019).

Jonson C., Silver L. Internet Connectivity Seen as Having Positive Impact on Life in Sub-Saharan Africa // Pew Research Centre. 2018. Oct. 9. URL: <https://www.pewglobal.org/2018/10/09/internet-connectivity-seen-as-having-positive-impact-on-life-in-sub-saharan-africa/#table> (assessed: 10.04.2019).

Lister M., Dovey J., Giddings S., Kelly K., Grant I. New Media: a critical introduction. N.Y.: Routledge, 2009. 446 p.

Manovich L. The Language of New Media. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 355 p.

Palfrey J., Gasser U. Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives. N.Y.: Basic-Books, 2008. 384 p.

Papacharissi Z. A private sphere: democracy in a digital age. Cambridge: Polity Press, 2010. 200 p.

Putnam R.D. Bowling alone: America's declining social capital // Journal of democracy. 1995. Vol. 6(1). P. 65–78.

Shah V., Sivitanides M., Mehta M. The era of digital activism // International Journal of Information Technology, Communications and Convergence. 2013. No. 2(4). P. 295–307. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJITCC.2013.059409>.

Splendore S. The online news. Production and the Use of implicit Participation // Comunicazione Politica. 2013. No. 13(3). P. 341–360. DOI: <https://doi.org/10.3270/75017>.

Telegram. Официальный сайт. Каналы. URL: <https://tigrm.ru/channels> (дата обращения: 10.04.2019).

Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. N.Y.: Simon & Shuster, 1995. 352 p.

Vergeer M., Pelzer B. Consequences of media and Internet use for offline and online network capital and well-being. A causal model approach // Journal of Computer-Mediated Communication. 2009. No. 15(1). P. 189–210. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01499.x>.

Viseu A. A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities. 1999. URL: https://static1.squarespace.com/static/5241d50be4b0609bedb26b7c/t/524609cce4b05a24380afe95/1380321740767/Viseu_cybid+we+shape+tools+they+shape+us_1999.pdf (assessed: 10.04.2019).

Получено 11.04.2019

References

Arendt, H. (2017). *Vita activa, ili o deyatel'noy zhizni* [The human condition]. Moscow: Ad Marginem Publ., 416 p.

Barlow, J.P. (1996). *Deklaratsiya nezavisimosti kiberprostranstva* [A Declaration of the Independence of Cyberspace]. Available at: <http://www.telecomlaw.ru/articles/declaration.html> (assessed 10.04.2019).

Benkler, Y. (2006). *The Wealth of Networks*. New Haven, London, Yale University Press., 515 p.

Bol'ts, N. (2011). *Azbuka media* [The ABC of media]. Moscow: Evropa Publ., 136 p.

Borodulina, A.S. (2018). «Povorot k messendzheram»: keys Sakhalinskoy oblasti [Messenger turn: A Sakhalin oblast case study]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremenny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1(143), pp. 156–172. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.09>.

Bourdieu, P. (2002) *Formy kapitala* [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 3, no. 5, pp. 60–74. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74>.

Boyd, D. and Ellison, N.B. (2007). Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. No. 13(1), pp. 210–230. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>.

Bradshaw, P. (2007). *A model for the 21st century newsroom*. Online Journalism blog. Available at: <https://onlinejournalismblog.com/2007/09/17/a-model-for-the-21st-century-newsroom-pt1-the-news-diamond/> (accessed 10.04.2019).

Castells, M. (2016). *Vlast' kommunikatsii* [Communication power]. Moscow: HSE Publ., 564 p.

Dijk, J. Van. (2006). *The Network Society: Social Aspects of New Media*. London, Sage Publ., 304 p.

Flenina, T.A. (2014) *Semanticheskoe prostranstvo ponyatiya «setevaya identichnost'»* [Semantic content of the term «online identity»]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 171, pp. 310–314.

Fomicheva, I.D. (2015). *Sotsial'niy kapital v pole SMI* [Social capital in the mass media field]. *Mediaskop* [Mediascope]. No. 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/1685> (assessed: 10.04.2019).

Heer, J. and Boyd, D. (2005). Vizster: Visualizing Online Social Networks. *IEEE Symposium on Information Visualization, 2005. INFOVIS 2005*. Minne-

- apolis, MN: IEEE Publ., pp. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.1109/INVIS.2005.1532126>.
- Heidegger, M. (1993). *Vopros o tekhnike* [The question concerning technology]. *Vremya i bytie (stat' i i vystupleniya)* [Time and being (articles and speeches)]. Moscow: Respublika Publ., pp. 221–238.
- Hernández-Serrano, M.-J., Renés-Arellano, P., Graham, G. and Greenhill, A. (2017). From Prosumer to Prodesigner. Participatory News Consumption. *Comunicar*. No. 25(50), pp. 77–88. DOI: <https://doi.org/10.3916/C50-2017-07>.
- Internet World Stats* (2019). Available at: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (assessed 10.04.2019).
- Jonson, C. and Silver, L. (2018). *Internet Connectivity Seen as Having Positive Impact on Life in Sub-Saharan Africa*. Pew Research Centre. Oct. 9. Available at: <https://www.pewglobal.org/2018/10/09/internet-connectivity-seen-as-having-positive-impact-on-life-in-sub-saharan-africa/#table> (assessed 10.04.2019).
- Lister, M., Dovey, J., Giddings, S., Kelly, K. and Grant, I. (2009). *New Media: a critical introduction*. New York: Routledge Publ., 446 p.
- Manovich, L. (2001). *The Language of New Media*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 355 p.
- Motorina, L.E. and Sytnik, V.M. (2017). *Fundamental'nye otnosheniya cheloveka k miru* [The fundamental attitude of a man to the world]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. No. 8, pp. 69–80.
- Orekh, E.A. and Sergeeva, O.V. (2015). *Vizual'naya samoprezentatsiya lichnosti v seti internet (o nekotorykh gipotezakh v razvitii temy)* [Visual self-presentation of the personality on the Internet (some hypothesis about the issue)]. *Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Visual communication in the socio-cultural dynamics: the proceedings of the international conference]. Kazan: KFU Publ., pp. 250–260.
- Palfrey, J. and Gasser, U. (2008). *Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books, 384 p.
- Papacharissi, Z. (2010). *A private sphere: democracy in a digital age*. Cambridge, Polity Press., 200 p.
- Putnam, R.D. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of democracy*. Vol. 6(1), pp. 65–78.
- Shah, V., Sivitanides, M. and Mehta, M. (2013). The era of digital activism. *International Journal of Information Technology, Communications and Convergence*. No. 2(4), pp. 295–307. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJITCC.2013.059409>.
- Shilina, M.G. (2014). *Kommunikatsiya v internete: metodologicheskie osnovaniya issledovaniya* [Internet communication: methodological research basis]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Southwest State University]. No. 4, pp. 127–130.
- Splendore, S. (2013). The online news. Production and the Use of implicit Participation. *Comunicazione Politica*. No. 13(3), pp. 341–360. DOI: <https://doi.org/10.3270/75017>.
- Telegram. Ofitsial'nyy sait. Kanaly* [Telegram. Official web site. Channels]. Available at: <https://tigrm.ru/channels> (assessed 10.04.2019).
- Trufanova, E.O. (2010). *Ya-narrativ i ego avtor* [Self-narrative and its author]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Sciences]. No. 15, pp. 183–193.
- Turkle, S. (1995). *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Shuster, 352 p.
- Vergeer, M. and Pelzer, B. (2009). Consequences of media and Internet use for offline and online network capital and well-being. A causal model approach. *Journal of Computer-Mediated Communication*. No. 15(1), pp. 189–210. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2009.01499.x>.
- Viseu, A. (1999). A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5241d50be4b0609bedb26b7c/t/524609cce4b05a24380afe95/1380321740767/Viseu_cybid+we+shape+tool+s+they+shape+us_1999.pdf (assessed 10.04.2019).
- Zhurnalistika i konvergentsiya: pochemu i kak traditsionnye SMI prevrashchayutsya v mul'timediynye* (2010) [Journalism and convergence: why and how traditional media turn into multimedia]. Moscow, 200 p.
- Zizek, S. (2012). *Chuma fantaziy* [The plague of fantasies]. Kharkov: Humanitarian Center Publ., 388 p.

Received 11.04.2019

Об авторе

Устюжанина Дарья Александровна
соискатель, старший преподаватель кафедры
журналистики и литературоведения

Сибирский федеральный университет,
660041, Красноярск, пр. Свободный, 79;
e-mail: darja_u@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0299-198X>

About the author

Darya A. Ustyuzhanina
Ph.D. Student, Senior Lecturer of the Department
of Journalism and Literary Studies

Siberian Federal University,
79, Svobodny av., Krasnoyarsk, 660041, Russia;
e-mail: darja_u@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0299-198X>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Устюжанина Д.А. Двойственная природа новых медиа в онлайн-пространстве // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып.2. С. 204–218. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-204-218

For citation:

Ustyuzhanina D.A. The dual nature of the new media in online sphere // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 204–218. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-204-218

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-219-229

**СТИЛИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ КАК МОДЕЛЬ:
ФЕНОМЕН СТИЛЯ, ПОДХОДЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ. ЧАСТЬ 1****Толочек Владимир Алексеевич**Институт психологии Российской академии наук*

Исследования стилей в психологии (с 1950-х по 2000-е гг.) прошли своеобразный жизненный цикл — от широкого изучения до фактически забвения этой темы. Продолжение конструктивного изучения этой проблемы требует построения новых программ НИР, обобщения накопленного в разных научных школах опыта.

Цель статьи — историко-теоретический анализ результатов исследований феномена «стиль» в отечественной психологии; предмет исследования — феномен стиля (индивидуальный стиль деятельности, стили деятельности, стили делового общения). Гипотезы: 1. Регулярное воспроизведение в НИР одних и тех же стандартных подходов не способствует конструктивному продвижению в изучении научной проблемы. 2. Изучение феномена «стиль» на модели стилей делового общения позволяет акцентировать ряд аспектов эволюции и функционирования стиля, не выделявшихся при изучении стилей на других моделях (учебной, спортивной, трудовой деятельности).

В статье критически анализируются история и результаты изучения проблемы стиля (индивидуального стиля деятельности, стилей деятельности) в отечественной психологии (в пермской школе прежде всего), использования понятия «система» в отечественной психологии, отношение к научным оппонентам, тенденции НИР в границах одной научной школы и др. Обсуждаются условия дальнейших конструктивных исследований феномена стиля (привлечение новых моделей, способствующих раскрытию новых свойств стиля, позволяющих не приписывать, а именно изучать его системные свойства как уникальной психологической системы; постановка вопросов о месте и роли разных стилей в процессах становления–развития–функционирования–распада феномена, о единстве и различии стилей в «цепочке» их проявлений; об их структурно-функциональном единстве, о самоподобии их организации и т.п.). Полагается, что обращение к модели стилей делового общения (СДО) будет способствовать решению актуальных научных задач.

Ключевые слова: стили делового общения, стили деятельности, интегральная индивидуальность, модель, феномен, подходы, система, парадигмы.

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-013-00550: «Стили делового общения: пространство и стратегии взаимодействия, ресурсы успешности субъектов»).

STYLES OF BUSINESS COMMUNICATION AS A MODEL:
THE PHENOMENON OF STYLE, APPROACHES, RESEARCH,
OPEN QUESTIONS. PART 1

Vladimir A. Tolochek

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

Research into styles in psychology (from the 1950s to the 2000s) has undergone a kind of life cycle – from styles being widely studied to those falling into oblivion. Further constructive study of this problem requires creation of new R&D (research and development) programs, generalization of the experience gained in various schools of thought.

The paper aims to provide a historical and theoretical analysis concerning the results of research on the phenomenon of «style» in Russian psychology; the research subject is the phenomenon of style (individual style of activity, styles of activity, styles of business communication). Hypotheses: 1. Regular reproduction of the same standard approaches in research and development does not promote constructive progress in the study of a scientific problem. 2. The study of the phenomenon of «style» based on the model of business communication styles allows us to emphasize several aspects in the evolution and functioning of style that were not distinguished when studying styles on other models (educational, sports, work).

The article critically analyzes the history and results of studying the problem of style (individual style of activity, styles of activity) in Russian psychology (particularly within the Perm school), the use of the concept of «system» in Russian psychology, attitudes towards scientific opponents, trends in R & D within one school of thought, etc. The conditions for further constructive studies of the phenomenon of style are discussed (using new models that contribute to the discovery of new properties of style, making it possible not to attribute but to study its systemic properties as a unique psychological system; raising questions about the place and role of different styles in the processes of a phenomenon's formation–development–functioning–disintegration, about the unity and difference of styles in the «chain» of their manifestations, about their structural and functional unity, about the self-similarity of their organization, etc.). Use of the model of business communication styles is believed to contribute to solving relevant scientific problems.

Keywords: business communication styles, activity styles, integral individuality, model, phenomenon, approaches, system, paradigms.

Введение

Актуальность обсуждаемых в статье вопросов в следующем. Исследования стилей в отечественной психологии (с 1950-х по 2000-е гг.) имеют своеобразный жизненный цикл — от живого интереса к проблеме и широкого изучения в разных научных центрах до фактически забвения этой темы как научной проблемы, от веры в феномен как универсального средства решения множества социальных задач до использования понятия лишь как удобной темы написания квалификационных работ. И сейчас, спустя более чем полу столетие после начала широкого изучения проблемы стиля в зарубежной и в отечественной психологии, можно ставить вопрос в том, что же мы вынесли и вынесем из результатов труда десятков ученых на протяжении нескольких десятилетий. Будет ли это глубокий анализ истории и результатов

исследований, выявление позитивных итогов, способствующих построению *новых программ НИР*, или же мы будем продолжать реализовывать (а вернее, повторять) стандартные подходы, будем ли продолжать замалчивать и игнорировать альтернативные научные позиции?..

Обращаясь к широко известным изречениям, можно сказать, что это вопросы в том, умеем ли мы «учиться на ошибках других» (а вернее на опыте своих коллег), способны ли мы «изучая историю ... делать выводы» или же должны признать, что мы «изучая историю, не делаем никаких выводов». Если прямо и без метафор: вопрос о том, насколько мы способны рационально распоряжаться своими человеческими ресурсами, интеллектуальными в том числе. Способны ли мы интегрировать богатый опыт исследований предшественников в той или иной области, или же предпочитаем замыкаться в рамках одной научной школы,

предпочитаем ограничиваться тем «видением» проблемы, которое нам передали наши наставники и учителя?

В плане историко-теоретического анализа изучения стиля в отечественной психологии¹ «состояние вопроса» в следующем. Конструктивная разработка проблемы авторитетными учеными (В.С. Мерлиным и Е.А. Климовым) имела как свои позитивные результаты (выявление ярких научных фактов, описание стиля как своеобразной психологической системы, анализ роли стиля в становлении других психологических систем и самого человека как субъекта деятельности и как личности), так и негативные (закрепление как «канонов» первоначальных представлений о стиле, понятийного аппарата, актуализированного при первых исследованиях стиля, первоначальных техник анализа эмпирических данных и пр.). Если первые способствовали поддержанию интереса к проблеме, то вторые со временем стали препятствовать ее критическому осмыслению, разработке новых подходов, интеграции альтернативных научных позиций. *Цель* настоящего исследования — историко-теоретический анализ результатов исследований феномена «стиль» в отечественной психологии; *предмет* — феномен стиля (индивидуальный стиль деятельности, стили деятельности, стили делового общения).

Гипотезы. 1. Регулярное воспроизведение в НИР одних и тех же стандартных подходов не способствует конструктивному продвижению в изучении научной проблемы. 2. Изучение феномена «стиль» на модели стилей делового общения позволяет акцентировать ряд аспектов эволюции и функционирования стиля, не выделявшихся при изучении стилей на других

моделях (учебной, спортивной, трудовой деятельности). *Метод:* анализ литературных источников.

1. Проблема стиля в отечественной психологии: история, инициации, флуктуации

Активное и широкое изучение проблемы стилей с середины 1950-х гг. и такое же резкое снижение интереса к ним к 1990-м гг., увы, может и должно быть принято как данность. Но более чем за полувековой период учеными накоплен колоссальный эмпирический материал; ими были обоснованы и подтверждены важные методологические и мировоззренческие основания; выработаны и прошли огранку критикой методы исследования; осмыслен опыт практического применения научных знаний в социальной практике, составивших конструктивную в научном плане и выраженно гуманистическую оппозицию исторически первому подходу к оценке возможностей человека как субъекта деятельности (поддерживающих философию профессионального отбора, односторонних прагматичных оценок «человеческого капитала» и т.п.).

Историческую эволюцию в интерпретации проблемы стиля можно проследить на примере пермской научной школы. Первоначально именно вопросы «воплощения» в поведении и деятельности человека его психофизиологической и психологической организации привели к циклу интересных работ сначала в Казани, затем в Перми; одним из самых ярких научных фактов стало «открытие» феномена стиля, психофизиологически (типологически) обусловленного «индивидуального стиля деятельности» (ИСД)² [Климов Е.А., 1969; Мерлин В.С., Климов Е.А., 1967; Мерлин В.С., 1986]. Вторым ярким научным фактом стало описание феномена

¹ В настоящей работе мы ограничиваемся результатами исследований феномена «стиль» в отечественной психологии, точнее — исследований стилей деятельности (у разных авторов обозначаемых понятиями «индивидуальные стили деятельности», «стили активности», «стили деятельности», «стили саморегуляции» и т.п.). Этот класс стилей, как правило, изучался в русле подходов, сформулированных в работах В.С. Мерлина и Е.А. Климова, в последующем получивших продолжение в исследованиях Б.А. Вяткина, М.Р. Щукина и др. Особенности изучения феномена «стиль» в разных научных традициях рассматривался нами ранее [Толочек В.А., 1992, 2000, 2015, и др.].

² Строго говоря, собственно «индивидуальный стиль деятельности» ни в Казани, ни в Перми никогда не изучали. Единственным исключением было исследование Б.И. Якубчика — тренера, описавшего персональные стили своих воспитанников — юношей-акробатов. Изучались лишь типовые стили. Именно поэтому нами и предлагалось использование понятия «стили деятельности» как концептуально более конструктивного, как более адекватного предмету исследований, как имеющего более широкие возможности экстраполяции [Толочек В.А., 1992, 2015, 2016].

«интегральной индивидуальности» (ИИ) [Мерлин В.С., 1986]. Первоначально постулировалось, что именно ИСД становится ведущим фактором становления ИИ; позже эти два феномена стали рассматриваться как взаимно детерминирующие друг друга [Вяткин Б.А., 2000; Вяткин Б.А. и др., 2018; Дорфман Л.Я., 1994; Люкин В.В., 1981; Щукин М.Р., 1994; др.].

В продолжении нескольких десятилетий разработки тем ИСД и ИИ, как связанных и объясняющих одна другую, как описания двух феноменов с их сопряженной эволюцией, проводились параллельно [Вихман А.А., 2016; Волочков А.А. и др., 2015; Вяткин Б.А., 2000; Вяткин Б.А., Волочков А.А., 1999; Интегральная..., 1999; Исмагилова А.Г., 2002; Жданова С.Ю., 2005а, 2005б; Калугин А.Ю., 2018а, 2018б; Щукин М.Р., 1994; др.]. Но на рубеже 2000-х гг. происходит «решительное забвение» проблемы стилиа и де-факто отделение исследований стилиа от исследований ИИ. Проблему ИИ теперь уже стали рассматривать в связи с другими проблемами психологии [Вихман А.А., 2016: Вихман А.А. и др., 2017; Волочков А.А. и др., 2015; Вяткин Б.А. и др., 2018; Жданова С.Ю., 2005б; Калугин А.Ю., 2018б, 2018б]. Если еще в 2000-х тема стилиа занимала «почетное 2-е место» в работах пермских ученых, то в настоящее время о проблеме стилиа говорят как о чем-то само собою разумеющемся, уже давно разрешенном, не оставляющем вопросов. Показательно, что даже те ученые, которые и начинали свою научную карьеру именно с изучения стилиа, в последующем ушли в сторону от этой проблемы [Вяткин Б.А., 1978; Вяткин Б.А., Волочков А.А., 1999; Дорфман Л.Я., 1989, 1994; Жданова С.Ю., 2005а; др.]. Использования новых подходов, новых методологических положений для исследования стилией не последовало, как и интеграции подходов других независимых исследователей [Ильин Е.П., 1979, 1983, 1988, 2008; Толочек В.А., 1992, 2015, 2016; др.].

Едва ли «стандарт» изучения ИСД, принятый, освоенный и разносторонне разработанный в пермской школе, можно считать единственно возможным научным подходом, исторически вневременным. Скорее, в гуманитарных дисциплинах вообще нет

исчерпанных проблем, а есть ограничения исторически доминирующей методологии. В частности, в отношении таких важных для психологии заимствований, как понятие «система», должно заметить, что действительно для психологии это заимствование (Б.Г. Ананьевым, Б.Ф. Ломовым, В.С. Мерлиным и др.) было чрезвычайно ценным и плодотворным на рубеже 1960–1970 гг. Но *системный подход* как методология исторически развивается; в настоящее время, например, более оправданно обращение к методологии и понятийному аппарату синергетики. Принципиально важно и то, что разные варианты *системного подхода* разрабатывались П.К. Анохиным, Л. фон Бергаланфи, Н. Винером, У.Р. Эшби и другими ориентированно к специфической изучаемой ими предметной действительности с ее четкой содержательной определенностью, ориентированно к конкретным научным и научно-практическим задачам. В отечественной психологии саму методологию *системного подхода* чаще трактуют как единую и универсальную либо как универсальную и персонально представленную (в одних научных школах Б.Ф. Ломовым, в других — В.С. Мерлиным, в третьих — Б.Г. Ананьевым и В.А. Ганзеным, в четвертых — В.Д. Шадриковым и А.В. Карповым, в пятых — А.Г. Асмоловым и т.д.).

Итак, интерпретация методологии *системного подхода* отечественными учеными в 1960–1970 гг. не является единственно возможной, а может считаться универсальной, завершенной. Через полвека после этих продуктивных заимствований, на наш взгляд, следует переходить от интерпретации тех или иных психологических явлений как «системы» к познанию и описанию этих явлений как уникальных сложных образований, раскрывая новые свойства этих фрагментов действительности, развивая представления о сущности психологических систем как своеобразных (скорее, более сложных, чем те фрагменты действительности, которые около столетия назад и побудили ученых обратиться к такому обобщающему концепту, как «система»).

Еще одним серьезным препятствием нам видится последовательное регулярное смещение НИР в детализацию описываемых явлений, в последовательное расширение операциональных средств и способов представления результатов отдельных исследований. «По умолчанию» принимая, что феномен «стиля» уже предельно изучен³, в последние годы внимание ученых явно сместилось в планы изучения детерминации и эволюции ИИ в связи с разными фрагментами психофизиологической и психологической организации человека — ценностным ориентациям, Я-концепции и др.

Вероятно, почти три десятилетия де-факто оторванности отечественной психологической науки от реальной широкой социальной практики сыграли плохую роль. Это привело к тому, что исследования стали проводиться преимущественно на выборках школьников и студентов, а предметом их стали ценностные ориентации, активность, саморегуляция (психомоторная, интеллектуальная, эмоциональная, пр.), т.е. лишь частные и эпизодические моменты самоопределения молодых людей в социальном и психологическом пространстве. Не систематическая и ответственная «реальная» повседневная социальная активность (профессиональная деятельность прежде всего) физически и социально зрелых людей, не их реальные акты решения сложных социальных задач в сложных ситуациях социальных взаимодействий, не профессиональная, психологическая, социальная эволюция

человека в продолжении его активной трудовой жизни стали основным предметом изучения ученых, а лишь *представления молодых людей* (о том или ином фрагменте социальной действительности), лишь *эпизодические акты их рефлексии* (тех или иных аспектов их психической и социальной жизни), инициируемые психологами-исследователями; предметом изучения становятся «*концепты в квадрате*» и «*концепты в кубе*» (например, «личность»: «Я»-концепция: «Я»-истинное, «Я»-ложное и т.п.).

При последовательном наращивании наборов психодиагностических методик, при виртуозном использовании учеными новых методов статистического анализа предмет научных изысканий стал заметно «мельчать». Основным итогом масштабных исследований нередко становились констатации того, что «интегральная индивидуальность» (ИИ), стили, ценностные ориентации (ЦО) и др. мужчин отличаются от таковых у женщин, что ИИ, ЦО и др. отличны у представителей разных этнических групп, что стили более успешных учащихся отличны от стилей менее успешных и т.д. Следование принципам активности субъекта, развития, единства субъекта и деятельности де-факто сводится к оценкам эпизодических актов рефлексии или воображения молодых людей о себе, о других. Не вопросы о том, как достигается и как обеспечивается стабильное социальное функционирование человека, не вопросы о механизмах и процессах реального роста и развития людей в сложных и неоднозначных условиях социальной действительности, профессионально состоявшихся⁴ — при противодействии также реальных обстоятельств и конкретных людей — стали

³ В отношении «предельной изученности» феномена «стиль» кратко сделаем несколько замечаний: 1. В исследованиях стиля используется лишь один типичный алгоритм набора эмпирических данных и методов их статистического анализа. 2. Исследования проводились и проводятся преимущественно на выборках школьников, студентов и преподавателей (т.е. на выборках субъектов, эффективность деятельности которых неоднозначна, сами возможности оценки социальной успешности которых этически ограничены). 3. Исследования проводились и проводятся преимущественно на выборках представителей массовых профессий (т.е. таких, в которых низка «планка» эффективности и ограничен диапазон успешности субъекта). 4. В исследованиях стиля воспроизводится опыт преимущественно представителей пермской школы, но игнорируются и замалчиваются другие возможные подходы и другие научные позиции (в частности, результаты исследований Е.П. Ильина, В.А. Сальникова, В.А. Толочка, Н.П. Фетискина и др.).

⁴ В отношении изучения взаимодействий и связей в системе «Человек – Мир» пермские ученые вполне удовлетворены лишь разработками своих земляков. Но почему-то игнорируются серьезные концепции А.В. Карпова, В.И. Панова; в последние годы опубликованы интересные и содержательные работы А.В. Капцова, также остающиеся вне зоны внимания представителей пермской школы. В рассуждениях о много-многозначных связях, изомерии, структурах почему-то игнорируются результаты фундаментальных исследований Е.В. Волковой; представленная нами фактография о самоподобии структур и подструктур стилей также не удостоивается вниманием пермских ученых.

устойчивой темой научных изысканий, а исследуются почему-то лишь представления молодых людей, представления эпизодически оцениваемые (а чаще — даже единожды), не отслеживаемые в их жизненной эволюции⁵. Должно ли такие дизайны исследований считать реализацией деятельностного подхода, субъектно-деятельностного, системно-субъектного, субъектно-деятельностного подходов не очевидно...

2. Феномен стиля как научная проблема: предмет, задачи, возможные перспективы исследования

Одной из ключевых причин, сковывающих «видение» проблем учеными, ограничивающих возможности интерпретации ими эмпирических данных, выступают сами модели исследования, наряду с методологией и тезаурусом, методическим инструментарием, особенностями выборок обследуемых, возможностями математического аппарата.

Наша концепция стилей (определяемых и понимаемых как *стили деятельности*, а не *индивидуальные стили деятельности* [Толочек В.А., 1992, 2015, 2016 и др.]) стала логическим развитием концепции, представленной Е.А. Климовым – В.С. Мерлиным, добавлен ряд важных «моментов» и обозначены отличия. Принципиальные особенности нашего подхода в следующем: 1. Исходной для нас выступает деятельность совместная, а не индивидуальная. 2. В качестве «единиц» анализа совместной деятельности субъектов рассматриваются не отдельные субъекты, а профессионально-психологические группы — «триады» и «диады». 3. Стили в видах деятельности с вариативно-изменчивыми условиями (в

спортивных единоборствах, в управленческой деятельности и др.) понимаются как вариативно-изменчивые системы. 4. В разных стилях выделяются их структурно-функциональная организация, обсуждаются вопросы генезиса стилей, разделяются феномены типовых и индивидуальных стилей. 5. Феномен стиля рассматривается на примерах не массовых профессий, а видов деятельности с высокой и дифференцированной «шкалой» профессионализма. 6. Стили понимаются как множество включенных друг в друга психологических систем, актуализируемых в зависимости от ситуации (поэтому используется понятие «стили», т.е. множественное число, а не традиционное «стиль» как единичное явление). 7. Множество стилей рассматриваются в «цепочке» отношений «человек – среда (окружение)» как формы адаптации человека к среде и в среде: «индивидуальные стили деятельности < стили профессиональной деятельности < стили деятельности < стили жизни < стили человека», или: *ИСД < СПД < СД < СЖ < СЧ*. 8. Взаимосвязи компонентов разных «единиц» анализа совместной деятельности субъектов раскрываются посредством понятий «структуры», «пространство», «психологические ниши», «среда» и др. Ключевыми темами наших эмпирических исследований были аспекты динамичности условий совместной деятельности субъектов, изменчивости проявлений их стилей, активность субъектов как фактор организация (коррекции, реорганизации) ими «пространства деятельности», ресурсы эффективности деятельности и успешности субъектов, закономерности становления «психологических ниш» и др. [Толочек В.А., 1992, 2015].

В плане возможных перспектив исследований приоритетными нам представлялись вопросы единства, целостности феномена «стиль» (при многообразии его проявлений); общность структурно-функциональной организации разных стилей; психологические механизмы становления, развития и функционирования стилей; механизмы актуализации ресурсов разной природы и др. Ключевыми условиями реализации таких перспективных задач мы считали обращение к новым методологическим

⁵ Значительная часть научных квалификационных работ, выполненных в Перми, проводилась с привлечением представительных выборок учащихся средних школ, студентов вузов, учителей. Но я не припоминаю работ, в которых была бы отслежена последующая жизненная траектория тех, кто прилежно и многогранно обследовался... Что вообще происходит с людьми за пределами стен школы, вуза (т.е. организаций с жестко регламентированными условиями среды, процессов, отношений субъектов)? Разве процессы динамики изменений, процессы эволюции человека уже не являются достойной темой научного изучения? Что мешает обращению к моделям действительности с большими «степенями свободы»?

подходам, новым объяснениям феномена «стиль», использование более дифференцированного понятийного аппарата [Толочек В.А., 2000, 2015].

Часть из обсуждаемых возможных перспектив исследований стиля [Толочек В.А., 1992, 2015] может быть успешно «просканирована» на примере исследований *стилей делового общения (СДО)*. В цепочке взаимосвязанных проявлений феномена (*ИСД < СПД < СД < СЖ < СЧ*) СДО можно рассматривать как разновидность СПД (стилей профессиональной деятельности): 1) едва ли не во всех профессиях типа «человек – человек» деловое общение выступает ключевой функцией субъекта; 2) во многих профессиях других типов («человек – техника», «человек – образ» и пр.) качество делового общения субъектов выступает важнейшей функцией, во многом определяющей качество конечного продукта (услуги); 3) исторически возрастает доля разных видов совместной деятельности; 4) исторически расширяется практика использования *проектных форм работы, гибкой интеграции задач и исполнителей* (а следовательно, и форм их делового общения); 5) актуальными остаются и вопросы *интерсубъектных ресурсов*, порождаемых в процессах взаимодействия людей.

Итак, можно констатировать, что едва ли во всех видах совместной деятельности ее социально значимые продукты определяются качеством коммуникации ее субъектов, что успешные взаимодействия людей в процессах труда — это не только их «совместимость» и «сработанность», взаимная «удовлетворенность». Проблема глубже. Есть достаточно оснований говорить об *уникальных комбинациях взаимной дополнительности свойств людей* — их личностных особенностей, меры развития их профессионально важных качеств, в которых проявляется эффект *«целое больше его составляющих частей»*.

И если в отношении других видов стилей — когнитивных, эмоциональных, саморегуляции, руководства, воспитания, индивидуальных стилей деятельности и пр. — мы имеем дело либо преимущественно с собственно *индивидуальной деятельностью* (сравнительно автономной, мало зависимой от социальной среды), либо, напротив, с совместной в жестко

организованной социальной среде, определяющей неравные иерархические позиции субъектов. Вопросы порождения и/или разрушения ресурсов, порождаемых во взаимодействиях людей, вопросы динамичных процессов согласования ими своей активности, вопросы согласования и интеграции их индивидуальностей остаются закрытыми уже вследствие избранной модели деятельности.

Собственно деловое общение уже не раз становилось темой НИР [Жданова С.Ю., 2005б; Ильин Е.П., 2010; Исмаилова А.Г., 2002; др.], но такие исследования проводились в русле ранее сформированных подходов изучения стилей, в пределах «рамки» базовых парадигм. Но признаем, что в отношении же *стилей делового общения (СДО)* мы имеем много большее «открытых контекстов»: активность субъектов целенаправленна, но жестко не регламентирована; их социальные статусы определены, но жестко не фиксируются и не ограничивают процессы взаимодействия; активность каждого субъекта изначально структурирована (и может назваться «стилем»), но она регулируется активностью обеих сторон, взаимодействиями обоих партнеров, имеющих как собственные цели, так и общую цель. Добавим также, что, в отличие от других видов стилей, СДО в большей степени зависят от функционального состояния субъекта, индивидуальных особенностей обоих субъектов, значимости их целей, истории их отношений и перспектив их последующих взаимодействий и пр.

Другими словами, в отношении *стилей делового общения (СДО)* мы имеем модель, не ограничивающую нас как исследователей, а модель, в изучении которой мы можем выбирать то, что подлежит изучению, и то, от чего мы пока абстрагируемся, что является задачей, «зависимой переменной» или «независимой переменной» и т.д. Сделаем важное допущение: дальнейшее конструктивное изучение феномена «стиль» целесообразно проводить на моделях, позволяющих включать и учитывать большее число условий, чем это делалась на протяжении почти столетия, начиная от работ А. Адлера. Другими словами, уже сам переход к другой модели *стилей* может способствовать снятию ряда прежних парадигмальных ограничений.

Заключение

В эмпирических исследованиях феномена стилей на протяжении почти семи десятилетий накоплен огромный материал. Но этот массив данных плохо структурирован в плане интеграции в систему актуальных научных знаний. Недостаточная методологическая интеграция научных подходов, используемых, поддерживаемых, развиваемых в русле разных научных школ, порождает негативные эффекты — даже на уровне использования результатов исследований коллег, даже в границах одной национальной культуры.

Одной из очевидных причин сложившейся ситуации выделим следующую: феномен стиля по-разному проявлялся (*про-являлся*) в процессах решения учеными разных задач, учеными, работавшими в разных научных традициях. Стиль часто изучали посредством методического инструментария, далеко не соответствующего должным требованиям. Стиль часто описывали поспешно, в рамках и в неразрывных связях с «контекстами» — с условиями среды (с «онтологическими контекстами»). Определения феномену «стиль» чаще давали энтузиасты, пионеры — ученые-экспериментаторы, полевые исследователи, а не методологи. Интерпретация феномена чаще проводилась в границах первоначальных научных задач, не выходящих за пределы той или иной научной парадигмы. Задачи обобщения и введения феномена в общий научный тезаурус, как правило, не ставились. Попытки отдельных ученых обобщить разные проявления стиля, разработать их общую классификацию не имели строгих методологических оснований и оставались лишь «авторскими подходами», не получавших статус «общепризнанных».

Ключевыми условиями, способствующими дальнейшему конструктивному продвижению в изучении феномена стиля, можно считать проведение методологической рефлексии всего накопленного опыта, критического анализа всех составляющих научной работы — методологии и понятийного аппарата, методик, моделей, структуры концепций («теорий стиля»). В отечественной психологии созданы «достаточные и необходимые» методологические предпосылки для

переформулирования проблемы стилей в психологии, для рассмотрения ее в более широком масштабе, чем она была поставлена в свое время (точнее — в середине 1950-х гг.) в разных научных школах.

Одним из путей конструктивного продвижения в дальнейшем изучении феномена может быть привлечение новых моделей, способствующих раскрытию новых свойств стиля, позволяющих не приписывать (следуя той или иной парадигме), а именно изучать его системные свойства как сложной и уникальной психологической системы. В качестве такой модели можно назвать *стили делового общения*. Посредством новой модели можно как уточнять то, что было установлено ранее, так и ставить новые, более масштабные вопросы. К числу таких перспективных задач можно отнести вопросы о месте и роли разных стилей в *процессах становления–развития–функционирования–распада* феномена, о единстве и различии их проявлений; об их структурно-функциональном единстве, самоподобии их организации и т.п. Посредством изучения феномена на новой модели можно также подготовить дизайн исследования и концептуализировать эмпирические основания для постановки более широкой проблемы *адаптации человека в среде* (не к среде, а именно *в среде*, т.е. как перманентного процесса) — как отражающей реальные отношения *в системе «человек – мир» в реальном пространстве-времени*, как проблемы *актуализации условий среды как ресурсов* и др.

Признаем, что мода «на стиль» прошла, но проблема осталась. Исчерпана прежняя методология, но стиль как предмет исследования еще сохраняет свои тайны и притягательность.

Список литературы

- Вихман А.А. Метаэффект стиля педагогического общения учителя начальных классов на полисистему «ученик»–«родитель»: первые результаты // XXXI Мерлинские чтения: Теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (06–08 окт. 2016, г. Пермь, Россия) / ред. кол. А.А. Волочков, А.А. Вихман, Б.А. Вяткин,

О.С. Самбикина; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2016. С. 98–103.

Вихман А.А., Смирнов Д.О., Шведчикова Ю.С. Образовательная навигация как технология системной организации образовательной среды // XXXII Мерлинские чтения: Способности.

Одаренность. Индивидуальность: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (20–21 окт. 2017, г. Пермь, Россия) / ред. кол. А.А. Вихман, А.Ю. Калугин, А.А. Скорынин; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2017. С. 54–57.

Волочков А.А., Коптева Н.В., Попов А.Ю., Калугин А.Ю., Митрофанова Е.Е. Активность, ценностная направленность и психологическое здоровье студенчества / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2015. 200 с.

Вяткин Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь: Изд-во ПГУ, 2000. 179 с.

Вяткин Б.А. Роль темперамента в спортивной деятельности. М.: Физкультура и спорт, 1978. 134 с.

Вяткин Б.А., Волочков А.А. Индивидуальный стиль учебной активности в младшем школьном возрасте // Вопросы психологии. 1999. № 4(6). С. 97–114.

Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Общее и различия в ценностных ориентациях и психодинамике студентов: интегративная модель. Сообщение 1. Предпосылки исследования // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 28, № 1. С. 42–50.

Дорфман Л.Я. Индивидуальный эмоциональный стиль // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 88–95.

Дорфман Л.Я. Эмоциональные стили (на материале художественно-творческой деятельности): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994. 45 с.

Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 190 с.

Жданова С.Ю. Стиль учебной деятельности студентов в зависимости от специфических условий и требований деятельности // Полисистемное исследование индивидуальности человека / под ред. Б.А. Вяткина. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 259–283.

Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология физического воспитания и спорта. Л., 1979. 84 с.

Ильин Е.П. Психология индивидуальных

различий. СПб.: Питер, 2008. 701 с.

Ильин Е.П. Психофизиология физического воспитания: факторы, влияющие на эффективность спортивной деятельности: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1983. 223 с.

Ильин Е.П. Стиль деятельности: Новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 85–93.

Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2010. 576 с.

Интегральная индивидуальность человека и ее развитие / под ред. Б.А. Вяткина. М.: Институт психологии РАН, 1999. 328 с.

Исмагилова А.Г. Стиль педагогического общения в исследовании индивидуальности: полисистемный подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Пермь, 2002. 44 с.

Калугин А.Ю. Вклад разноуровневых свойств индивидуальности в направленность личности на сферы жизнедеятельности человека // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 4. С. 49–55.

Калугин А.Ю. История и перспективы исследования интегральной индивидуальности в рамках системного подхода // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 252–263. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-252-263>.

Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. 278 с.

Люкин В.В. Психологическое содержание, происхождение и эффективность индивидуального стиля руководства: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1981. 15 с.

Мерлин В.С., Климов Е.А. Формирование ИСД в процессе обучения // Советская педагогика. 1967. № 4. С. 110–118.

Мерлин В.С. Очерки интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

Толочек В.А. Стили деятельности: модель стилей с изменчивыми условиями деятельности. М.: Измайлово, 1992. 77 с.

Толочек В.А. Стили профессиональной деятельности. М.: Смысл, 2000. 199 с.

Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Институт психологии РАН, 2015. 366 с.

Толочек В.А. Типовые стили спортивной деятельности как психологический феномен: ресурсы эффективности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 6. С. 70–82.

Щукин М.Р. Особенности усвоения начальных трудовых навыков в зависимости от типологических свойств нервной системы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1966. 15 с.

Щукин М.Р. Структура индивидуального стиля деятельности и условия формирования: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 1994. 44 с.

Получено 03.04.2019

References

Dorfman, L.Ya. (1989). *Individual'nyy emotsional'nyy stil'* [Individual emotional style]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii]. No. 5, pp. 88–95.

Dorfman, L.Ya. (1994). *Emotsional'nye stili (na materiale khudozhestvenno-tvorcheskoy deyatel'nosti): avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Emotional styles (on the material of artistic and creative activity): Abstract of D.Sc. dissertation]. Moscow, 45 p.

Il'in, E.P. (1979). *Differentsial'naya psikhofiziologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Differential psychophysiology of physical education and sport]. Leningrad, 84 p.

Il'in, E.P. (1983). *Psikhofiziologiya fizicheskogo vospitaniya: Faktory, vliyayuschiye na effektivnost' sportivnoy deyatel'nosti* [Psychophysiology of physical education: Factors affecting the effectiveness of sports activities]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 223 p.

Il'in, E.P. (1998). *Stil' deyatel'nosti: Novye podkhody i aspekty* [Activity style: new approaches and aspects]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii].

No. 6, pp. 85–93.

Il'in, E.P. (2008). *Psikhologiya individual'nykh razlichiy* [Psychology of individual differences]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 701 p.

Il'in, E.P. (2010). *Psikhologiya obscheniya i mezhluchnostnykh otnosheniy* [Psychology of communication and interpersonal relations]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 576 p.

Ismagilova, A.G. (2002). *Stil' pedagogicheskogo obscheniya v issledovanii individual'nosti: polisistemnyy podkhod: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Style of pedagogical communication in the study of individuality: polysystemic approach: Abstract of D.Sc. dissertation]. Perm, 44 p.

Kalugin, A.Yu. (2018). *Istoriya i perspektivy issledovaniya integral'noy individual'nosti v ramkakh sistemnogo podkhoda* [History and prospects of studying integral individuality within the systems approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Vol. 2, pp. 252–263. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-252-263>.

Kalugin, A.Yu. (2018). *Vklad raznourovnevnykh svoystv individual'nosti v napravlennost' lichnosti na sfery zhiznedeyatel'nosti cheloveka* [The contribution of multi-level properties of individuality in the orientation of personality on the spheres of human activity]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. No. 4, pp. 49–55.

Klimov, E.A. (1969). *Individual'nyy stil' deyatel'nosti v zavisimosti ot tipologicheskikh svoystv nervnoy sistemy* [Individual style of activity depending on the typological properties of the nervous system]. Kazan: KFU Publ., 278 p.

Lyukin, V.V. (1981). *Psikhologicheskoe soderzhaniye, proiskhozhdenie i effektivnost' individual'nogo stilya rukovodstva: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological content, origin and effectiveness of individual leadership style: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 15 p.

Merlin, V.S. and Klimov, E.A. (1967). *Formirovaniye ISD v protsesse obucheniya* [Formation of ISA in the learning process]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet Pedagogy]. No. 4, pp. 110–118.

Merlin, V.S. (1986). *Ocherki integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essays of the integral study of individuality]. Moscow: Pedagogika Publ., 256 p.

Schyukin, M.R. (1966). *Osobennosti usvoeniya nachal'nykh trudovykh navykov v zavisimosti ot tipo-*

logicheskikh svoystv nervnoy sistemy: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk [Features of mastering the initial labor skills, depending on the typological properties of the nervous system: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 15 p.

Schyukin, M.R. (1994). *Struktura individual'nogo stilya deyatel'nosti i usloviya formirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [The structure of the individual style of activity and the conditions of formation: Abstract of D.Sc. dissertation]. Novosibirsk, 44 p.

Tolochek, V.A. (1992). *Stili deyatel'nosti: model' stiley s izmenchivymi usloviyami deyatel'nosti* [Activity styles: style model with changeable conditions of activity]. Moscow: Izmaylovo Publ., 77 p.

Tolochek, V.A. (2000). *Stili professional'noy deyatel'nosti* [Styles of professional activity]. Moscow: Smysl Publ., 199 p.

Tolochek, V.A. (2015). *Stili deyatel'nosti: resursnyy podkhod* [Styles of activity: resource approach]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ., 366 p.

Tolochek, V.A. (2016). *Tipovye stili sportivnoy deyatel'nosti kak psikhologicheskyy fenomen: resursy effektivnosti* [Typical styles of sports activities as a psychological phenomenon: efficiency resources]. *Psikhologicheskyy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 37, no. 6, pp. 70–82.

Vikhman, A.A. (2016). *Metaeffekt stilya pedagogicheskogo obscheniya uchitelya nachal'nykh klassov na polisistemu «uchenik»–«roditel'»: pervyye rezul'taty* [The metaeffect of the pedagogical communication style of a primary school teacher to the “student” polysystem is “parent”: first results]. *XXXI Merlinskiye chteniya: Teoriya, metodologiya i praktika integral'nogo issledovaniya individual'nosti v sovremennom chelovekoznanii: Mater. Vseros.nauch.-prakt. konf. (06–08 okt. 2016, g. Perm', Rossiya)* [31st Merlin Readings: Theory, methodology and practice of integral studies of individuals in modern personality: proceedings all-Russia scientific-practical conference (October 06–08, 2016, Perm, Russia)]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., pp. 98–103.

Vikhman, A.A., Smirnov, D.O. and Shvedchikova, Yu.S. (2017). *Obrazovatel'naya navigatsiya kak tekhnologiya sistemnoy organizatsii obrazovatel'noy sredy* [Educational navigation as a technology of the system organization of the educational environment]. *XXXII Merlinskiye chteniya: Sposobnosti. Odarennost'. Individual'nost': Mater. Vseros.nauch.-prakt. konf. (20–21 okt. 2017, g. Perm', Rossiya)* [32nd Merlin readings: Abilities. Giftedness. Individuality:

proceedings all-Russia scientific-practical conference (October 20–21, 2017, Perm, Russia)]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., pp. 54–57.

Volochkov, A.A., Kopteva, N.V., Popov, A.Yu. et al. (2015). *Aktivnost', tsennostnaya napravlennost' i psikhologicheskoe zdorov'ye studenchestva* [Activity, value orientation and psychological health of students]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 200 p.

Vyatkin, B.A. (1978). *Rol' temperamenta v sportivnoy deyatel'nosti* [The role of temperament in sports activities]. Moscow: Fizkultura i sport Publ., 134 p.

Vyatkin, B.A. and Volochkov, A.A. (1999). *Individual'nyy stil' uchebnoy aktivnosti v mladshem shkol'nom vozraste* [Individual style of educational activity in primary school age]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii]. No. 4(6), pp. 97–114.

Vyatkin, B.A. (ed.) (1999). *Integral'naya individual'nost' cheloveka i ee razvitiye* [Integral individuality of a person and its development]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ., 328 p.

Vyatkin, B.A. (2000). *Lektsii po psikhologii integral'noy individual'nosti cheloveka* [Lectures on the psychology of the integral individuality of man]. Perm: Perm State University Publ., 179 p.

Vyatkin, B.A., Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2018). *Obschee i razlichie v tsennostnykh oriyentatsiyakh i psikhodinamike studentov: integrativnaya model'. Soobsheniye 1. Predposylki issledovaniya* [Commonality and discrepancy among value orientations and the psychodynamics of students: an integrative. Part 1: a theoretical background of the study]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 28, no. 1, pp. 42–50.

Zhdanova, S.Yu. (2005). *Psikhologiya poznaniya individual'nosti cheloveka* [Psychology of knowledge of human individuality]. Perm: Perm State University Publ., 190 p.

Zhdanova, S.Yu. (2005). *Stil' uchebnoy deyatel'nosti studentov v zavisimosti ot spetsificheskikh usloviy i trebovaniy deyatel'nosti* [Style of students learning activities depending on specific conditions and requirements of the activity]. *Polisistemnoye issledovaniye individual'nosti cheloveka* [Polysystem study of human individuality]. Moscow: PER SE Publ., pp. 259–283.

Received 03.04.2019

Об авторе

Толочек Владимир Алексеевич

доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: tolochekva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

About the author

Vladimir A. Tolochek

Doctor of Psychology, Professor,
Leading Researcher

Institute of Psychology of Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaia str., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: tolochekva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Толочек В.А. Стили делового общения как модель: феномен стиля, подходы, исследования, открытые вопросы. Часть 1 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 219–229.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-219-229

For citation:

Tolochek V.A. Styles of business communication as a model: the phenomenon of style, approaches, research, open questions. Part 1 // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 219–229.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-219-229

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 364.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-230-240

**МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: МЕХАНИЗМЫ И БАРЬЕРЫ***Петровская Юлия Александровна**Петрозаводский государственный университет*

Важнейшим условием успешного инновационного развития в России является принятие населением вводимых преобразований, понимание того, что эти преобразования влекут за собой улучшение качества жизни, рост уровня социального благополучия. Качество и доступность социальных услуг — важные составляющие социального благополучия. Существующая в нашей стране система социального обслуживания нуждается в модернизации, основными направлениями которой должны стать повышение доступности социальных услуг, развитие конкуренции за качество их оказания и расширение спектра социальных услуг, предоставляемых гражданам. Предметом исследования являются механизмы и барьеры модернизации системы социального обслуживания населения в контексте основных направлений инновационного развития России. Основными механизмами модернизации становятся включение в систему социального обслуживания таких субъектов, как социально ориентированные некоммерческие организации, а также развитие социального предпринимательства, способного расширить спектр доступных населению социальных услуг и составить конкуренцию за качество их оказания. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия государственных и негосударственных субъектов социального обслуживания. В рамках эмпирического исследования сочетаются количественная и качественная методология, поскольку ряд феноменов (например социальное предпринимательство) представляют собой скорее исключение, чем правило, а потому вызывают особый интерес. Среди основных барьеров модернизации системы социального обслуживания — как административные преграды, так и сложившиеся представления и убеждения среди населения (недоверие к НКО; низкий уровень осведомленности о социальном предпринимательстве; нежелание руководителей организаций регистрировать организацию в качестве поставщика социальных услуг; низкая гражданская активность населения в районах республики, сосредоточение негосударственных субъектов социального обслуживания на территории г. Петрозаводска, хотя проблема доступности социальных услуг наиболее остро стоит в сельской местности).

Ключевые слова: инновационное развитие, модернизация, социальное обслуживание, инновационные компетенции, социальное предпринимательство, межсекторное взаимодействие, поставщик социальных услуг.

MODERNIZATION OF THE SOCIAL SERVICE SYSTEM
IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION: MECHANISMS AND BARRIERS

Yuliya A. Petrovskaya

Petrozavodsk State University

The most important condition for the successful innovative development in Russia is acceptance of the introduced reforms by the population and their understanding that these transformations entail improvement of the quality of life and growth in the level of social well-being. The quality and accessibility of social services are important components of social welfare. The system of social services currently existing in our country needs modernization which would include increasing the availability of social services, development of competition for the quality of their provision and extension of the range of services rendered to citizens. The subject matter under research in this paper is mechanisms and barriers of the social service system modernization in the context of the principal directions of Russia's innovative development. There appear to be two main mechanisms of modernization: inclusion in the social services system of such entities as socially oriented non-profit organizations and development of social entrepreneurship that could extend the range of social services available to the population and compete for the quality of their provision. Special attention is paid to the analysis of interaction between governmental and non-governmental social service entities. The empirical research combines quantitative and qualitative methodology, since a number of phenomena (e.g. social entrepreneurship) represent an exception rather than a rule, and therefore they are of particular interest. Among the main barriers to the modernization of the social service system, there are both administrative barriers and the ideas and beliefs prevailing among the population (distrust of NGOs; low level of awareness of social entrepreneurship; reluctance of managers to register their organizations as providers of social services; low civil activity of the population in the regions of the Republic; concentration of non-governmental social service entities in the territory of the Petrozavodsk city, with the problem of access to social services being most acute in rural areas).

Keywords: innovative development, modernization, social service, innovative competence, social entrepreneurship, intersectoral interaction, social service provider.

Введение. Понятие и механизмы модернизации системы социального обслуживания

Современный российский социум и все сферы его жизнедеятельности существенно трансформируются в связи с необходимостью перехода на инновационный путь развития. Реализация Стратегии инновационного развития РФ до 2020 года [О стратегии инновационного..., 2011] потребовала мощных ресурсов для формирования инновационной среды, что не гарантировало достижения поставленных целей. Важным условием успешного инновационного развития страны является принятие населением вводимых преобразований и понимание того, что они влекут за собой улучшение качества жизни и повышение уровня социального благополучия. Курс на модернизацию, провозглашенный еще Президентом РФ Д.А. Медведевым, был ориентирован на создание

информационной экономики. Однако модернизация имеет и социальное измерение. От того, какую позицию в отношении инноваций занимает население, зависит успех преобразований. Социальное обслуживание, качество и доступность социальных услуг — важные составляющие социального благополучия, позволяющие гражданам чувствовать социальную защищенность, снижающие социальную напряженность и настороженность. По предварительным оценкам результатов реализации Стратегии инновационного развития [Петровская Ю.А., Щекина И.В., 2018] можно сделать вывод о том, что социальное измерение модернизации было учтено в наименьшей степени, хотя еще в Послании Президента Федеральному собранию 2010 г. центральной нитью проходила идея реализации проекта, в центре которого — конкретный человек с его нуждами и потребностями. В условиях, когда стране

требуется технологический рывок для перехода на инновационный путь развития, социальная сфера нуждается в активизации неиспользуемых ресурсов.

Под модернизацией системы социального обслуживания в условиях перехода к инновационному обществу мы понимаем ее усовершенствование в соответствии с требованиями времени и уровнем инновационно-технологического развития общества в таких основных направлениях, как повышение доступности социальных услуг и конкуренции за качество их оказания, расширение спектра социальных услуг, предоставляемых гражданам. В качестве основных механизмов реализации этих направлений рассматриваются включение в систему социального обслуживания таких субъектов, как социально ориентированные некоммерческие организации и развитие социального предпринимательства, способного расширить спектр доступных населению социальных услуг и составить конкуренцию за качество их оказания.

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Об основах социального обслуживания..., 2013], вступивший в силу с января 2015 г., наделяет особым статусом НКО, давая им возможность выступать поставщиками социальных услуг, а также открывает новые возможности для социального предпринимательства. В соответствии с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» одним из приоритетных направлений социальной поддержки граждан является развитие сектора негосударственных НКО в сфере оказания социальных услуг, что повысит конкуренцию на рынке социальных услуг и качество оказания помощи. Предполагается создание условий, обеспечивающих равные возможности для поставщиков социальных услуг в налоговой сфере вне зависимости от организационно-правовой формы, а также снижение эффекта административных барьеров [Концепция долгосрочного социально-экономического развития..., 2008].

Роль некоммерческих организаций в модернизации системы социального обслуживания

Современный этап развития гражданского общества характеризуется увеличением количества негосударственных организаций [Доклад о состоянии гражданского общества..., 2017]. Согласно исследованиям Высшей школы экономики в настоящее время наблюдается повышение информированности граждан об институтах гражданского общества и доверия к ним [Волонтерство и участие..., 2017]. Новые условия деятельности НКО в России в последние несколько лет в немалой степени обусловлены изменениями в законодательной базе [О внесении изменений..., 2012] и в структуре самого третьего сектора. Республика Карелия считается регионом, отличающимся открытостью власти и наличием реально работающих механизмов взаимодействия власти, бизнеса и общественных структур [Никовская Л.И., Якимец В.Н., 2012, с. 123–138]. В Карелии в 2016 г. 63 962 жителям были оказаны социальные услуги, однако из них только 15 362 человек получили социальные услуги у негосударственных поставщиков [Количество человек..., 2017], что отражает отрицательную динамику по сравнению с предыдущими периодами. Таким образом, количество НКО растет, а количество оказанных ими услуг населению сокращается [Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях, 2017]. В Республике Карелия на конец декабря 2018 г. 46 организаций имеют статус поставщиков социальных услуг. Из них 9 организаций являются негосударственными (6 из них — некоммерческие) [Реестр поставщиков услуг социального обслуживания].

В 2018 г. нами (автором статьи и Ю.Н. Провоторовой, заместителем директора Пудожского муниципального бюджетного учреждения «Центр социального обслуживания населения») было проведено эмпирическое исследование, в ходе которого удалось определить роль НКО в системе социального обслуживания, проанализировать основные формы их взаимодействия с государственными учреждениями социального обслуживания, органами государственной и муниципальной

власти, а также основные барьеры межсекторного взаимодействия в системе социального обслуживания населения г. Петрозаводска. Основными *эмпирическими методами исследования* были: полуструктурированное интервью 7 представителей некоммерческих организаций-поставщиков социальных услуг Республики Карелия (генеральная совокупность на момент исследования — 7 организаций); полуструктурированное интервью 7 представителей муниципальных и государственных учреждений социального обслуживания населения г. Петрозаводска (отобраны методом доступного массива; генеральная совокупность — 5 государственных учреждений социального обслуживания, расположенных в г. Петрозаводске; анкетирование 40 представителей социально ориентированных НКО г. Петрозаводска (объем генеральной совокупности — 1361 некоммерческая организация, которые зарегистрированы на территории Республики Карелия, по состоянию на 4 марта 2018 г.). Выборка стратифицирована по месту нахождения организации; кроме того, из объема генеральной совокупности были исключены политические партии, профессиональные союзы, религиозные, спортивные, экологические организации, а также частные учреждения и учреждения образования; экспертное интервью двух представителей органов власти, ответственных за организацию и осуществление социального обслуживания граждан в Республике Карелия (начальник управления социальной защиты комитета социального развития Администрации Петрозаводского городского округа, а также начальник отдела опеки и социального обслуживания Министерства социальной защиты РК).

Полуструктурированное интервью представителей НКО — поставщиков социальных услуг охватило благотворительный фонд «Материнское сердце», КРОО «Служба социальной реабилитации и поддержки “Возрождение”», благотворительные фонды «Мама-дом», «Моя бабуля», АНО «Дом на скале». В реальной практике складываются три модели взаимодействия: «систематическое партнерство», «ситуативное партнерство» и

«потенциальное партнерство». К первой можно отнести случаи, когда у организаций сложились систематические, стабильные партнерские отношения в рамках регулярной, повседневной деятельности. Примерами являются отношения БФ «Моя бабуля» и Петрозаводский дом-интернат, которые объединяет общая цель — сокращение очереди в стационарные учреждения для пожилых людей. Кроме того, существуют соглашения о сотрудничестве фонда «Моя бабуля» с государственными учреждениями социального обслуживания, в рамках которых специалисты учреждений привлекаются к решению особо сложных проблем клиентов. Такая модель взаимодействия, к сожалению, скорее исключение, чем правило. В большинстве случаев на практике реализуется модель ситуативного партнерства, основными формами которого являются обмен опытом, участие в совместных проектах, мероприятиях и акциях, сопровождение отдельных клиентов. Есть и такие случаи, когда НКО-поставщик социальных услуг не взаимодействует с государственными учреждениями социального обслуживания.

Основные барьеры для взаимодействия НКО с учреждениями социального обслуживания можно разделить на две группы. 1. Административные и бюрократические препятствия: низкие тарифы на возмещение затрат за оказание социальных услуг государством, узкий перечень социальных услуг, стоимость которых может быть компенсирована. Для НКО, например, проблематично то, что размер компенсации не позволяет оплачивать труд сотрудников, закупать оборудование для предоставления услуг и ряд других. Руководитель организации, оказывающей срочные социальные услуги лицам без определенного места жительства, указывает на то, что каждый раз, предоставляя услугу, необходимо получить от получателя сначала заявление о предоставлении социальных услуг, а после получения — заявление о том, что услуга предоставлена в полном объеме. Организация проводит еженедельные акции массового кормления бездомных, когда сложно реализовать данное условие, без выполнения которого получить государственную компенсацию невозможно. 2. К барьерам

можно отнести: человеческий фактор, сложившиеся в обществе представления о том, что социальное обслуживание — это сфера деятельности государственных учреждений, малую осведомленность самих организаций друг о друге и общества о них. Необходимо констатировать малое количество НКО, обладающих статусом поставщиков социальных услуг в Республике Карелия. Все они осуществляют свою деятельность на территории г. Петрозаводска в отношении довольно узкого круга целевых групп, зачастую дублируя деятельность государственных учреждений.

Результаты полуструктурированного интервью с представителями государственных и муниципальных учреждений также выявили разную степень активности и регулярности взаимодействия с другими субъектами социального обслуживания. Представители государственных учреждений высоко оценивают важность взаимодействия и большой потенциал НКО, но испытывают трудности и встречают барьеры при реализации межсекторного взаимодействия. Административные и бюрократические барьеры «дополнило» отсутствие нормативно закреплённых механизмов межсекторного взаимодействия в социальной сфере. А среди человеческих и социальных следует назвать: непонимание населением того, что такое некоммерческая организация, недостаток информации о НКО, отсутствие здоровой конкуренции в сфере социального обслуживания, низкая степень доверия к НКО со стороны граждан.

Одним из этапов эмпирического исследования стало анкетирование представителей социально ориентированных НКО г. Петрозаводска, не входящих в реестр поставщиков социальных услуг. Большинство опрошенных (32 человека) знают о возможности вхождения в этот реестр, но только 22 респондента знают, как это сделать. Все организации — участники опроса сотрудничают с другими НКО. 30 респондентов взаимодействуют с государственными и муниципальными учреждениями в сфере социального обслуживания. Только два респондента указали на то, что их организация не взаимодействует с

органами власти. Среди финансовых форм такого сотрудничества самым популярным оказался вариант «предоставление муниципальных грантов», выполнение НКО работ по контрактам с органами власти, не являющимся муниципальным или государственным заказом, а также предоставление имущественной поддержки органами власти. К наиболее популярным нефинансовым формам взаимодействия респонденты отнесли участие НКО в совместных с органами власти общественных советах, рабочих группах, на переговорных площадках, в согласительных и конфликтных комиссиях, получение информации и методической помощи, реализацию совместных проектов, взаимное предоставление информации и аналитики, а также участие НКО в образовательных программах, реализуемых органами власти. Респонденты отмечают, что представители власти систематически оказывают организационную поддержку социально ориентированным НКО. Среди трудностей в осуществлении партнерства большинство респондентов указывали на несформированность механизма межсекторного взаимодействия на территории муниципалитета, а также на низкую заинтересованность властей города в привлечении НКО к решению социальных проблем.

Представитель муниципальной власти констатирует, что Администрация г. Петрозаводска в курсе деятельности социально ориентированных НКО, функционирующих на территории города, и тесно взаимодействует с ними. Общественные организации предоставляют в Администрацию отчеты о своей деятельности, органы власти также предоставляют всю необходимую информацию для организации деятельности третьего сектора. Рассуждая о затруднениях в осуществлении межсекторного взаимодействия в социальной сфере, представитель муниципальной власти отметила разницу в «правилах игры». Существуют требования к муниципальным учреждениям в вопросах соблюдения норм (САНПИН, норм пожарной безопасности и т.д.), к негосударственным поставщикам социальных услуг такие строгие требования в соблюдении норм не

предъявляются. Фиксировались случаи несоответствия требованиям САНПИН. Несмотря на большое количество социально ориентированных НКО, реально функционируют в интересах граждан, нуждающихся в социальном обслуживании, не так много. Многие из них не входят в реестр поставщиков социальных услуг, что ограничивает возможности их поддержки со стороны государства. Традиционными стали совместные мероприятия, приуроченные к знаменательным датам, акции, проекты и т.д. Нетрадиционно пока расширение спектра оказываемых населению социальных услуг путем привлечения негосударственных субъектов. Все государственные учреждения социального обслуживания в г. Петрозаводске взаимодействуют как с НКО. В каждом учреждении есть свой попечительский совет, в который входят, в частности, представители третьего сектора.

Представитель Министерства социальной защиты РК указывает на то, что в сфере социального обслуживания государственная поддержка и взаимодействие с некоммерческими организациями осуществляется по таким направлениям: информационная, методическая поддержка деятельности НКО, финансовая поддержка (Министерство социальной защиты РК осуществляет выплату компенсаций негосударственным поставщикам за предоставление социальных услуг), конкурсы проектов некоммерческих организаций в сфере социальной защиты, привлечение НКО к проведению независимой оценки качества социальных услуг. Среди основных сложностей во взаимодействии между государственным и некоммерческим секторами в сфере социального обслуживания экспертом были отмечены: невозможность выплаты компенсаций за предоставление срочных социальных услуг; ограниченность деятельности НКО территорией г. Петрозаводска; наличие в городе негосударственных организаций, предоставляющих социальные услуги, но не имеющих статуса поставщиков социальных услуг и не соответствующих требованиям безопасности. В Республике Карелия на сегодняшний день нет негосударственных

поставщиков социальных услуг, предоставляющих надомное социальное обслуживание.

Развитие социального предпринимательства как механизм модернизации системы социального обслуживания населения

Социальное предпринимательство как субъект социального обслуживания — довольно новое явление для России. У исследователей не выработалось единого подхода к пониманию сущности этого социально-экономического явления. Между тем оно постепенно становится неотъемлемым элементом российской социальной сферы с выраженными региональными особенностями. По данным социологического опроса, проводившегося на территории Республики Карелия, была выявлена тенденция расширения набора услуг, потребляемых клиентами центров социального обслуживания за последние 5 лет. Исследователями отмечается, что качество, разнообразие и доступность предоставляемых социальных услуг отстают от существующей в обществе потребности в них. В Карелии отмечается рассогласованность между спросом на социальные услуги и их предложением, что актуализирует потребность в дальнейшем развитии института социальных услуг [Морозова Т.В. и др., 2015, с. 103–116] и изыскание неиспользуемых ресурсов. Одним из таких ресурсов является **социальное предпринимательство**, которое является новым перспективным направлением решения и смягчения острых социальных проблем, предполагающим создание социального блага не через чистую благотворительность, а через прибыльную или частично прибыльную деятельность. В ходе исследования мы (автор статьи и К.А. Ключкова, администратор дирекции программы развития опорного университета ПетрГУ) изучили особенности деятельности социальных предпринимателей как субъектов социального обслуживания в г. Петрозаводске. В рамках реализации этой цели были определены основные формы, направления и масштабы их деятельности; выявлены существующие возможности и барьеры на рынке социальных услуг; проанализирована нормативно-правовая база социального предпринимательства; изучена

мотивация деятельности социальных предпринимателей в г. Петрозаводске.

Генеральная совокупность относительно невелика, точные ее характеристики достоверно неизвестны. Выборка проводилась методом доступного массива на основе использования сведений об участниках конкурса «Лучший предприниматель» по номинации «Социальное предпринимательство», проводимого Министерством экономического развития и промышленности РК, на основе данных «Каталога социальных предпринимателей», сведений из Реестра поставщиков социальных услуг в Республике Карелия, а также информационного поиска. Основными **методами исследования** являлись полустандартизированное и экспертное интервью. В качестве эксперта выступила начальник управления социального развития Министерства социальной защиты РК. Участниками интервью стали руководители пяти частных коммерческих организаций, предоставляющих социальные услуги. ООО «Медсервис Плюс» оказывает услуги по транспортировке маломобильных людей на территории Петрозаводска, Карелии и в соседних с ней регионах. Проект «Планик» (индивидуальный предприниматель) занимается производством карточек для альтернативной коммуникации, коммуникативных книг и обучающих пособий для детей с расстройствами аутистического спектра, ДЦП, синдромом Дауна и другими заболеваниями. ООО «Гармония» — кабинет лечебного массажа, на базе которого созданы рабочие места для людей с нарушениями зрения. ООО «Региональный центр услуг» — частный пансионат для временного пребывания инвалидов и пожилых людей. Образовательный центр «Развитие» (индивидуальный предприниматель) предоставляет дефектологические и логопедические услуги детям и взрослым. Все респонденты осуществляют свою деятельность в статусе общества с ограниченной ответственностью или индивидуального предпринимателя, но две организации часть своей деятельности ведут от лица НКО, учрежденных теми же руководителями. Это связано с тем, что для решения одних задач удобнее иметь статус

коммерческой организации (например, лицензию на оказание медицинских услуг не выдают НКО); а для других — статус НКО, позволяющий привлекать безвозмездные средства (гранты, благотворительные пожертвования). Определение со стороны государства особого организационно-правового статуса социальных предпринимателей может позволить избежать подобных приемов.

При изучении данной темы важным является вопрос о мотивации к социально ориентированной деятельности. Так, руководитель массажного кабинета имеет нарушение зрения. Руководитель проекта по производству карточек для особых детей стал заниматься этим направлением деятельности, имея потребность обеспечить подобными коммуникативными материалами своего собственного ребенка с особенностями в развитии. Пережитая на собственном опыте травма побудила другого респондента организовать сервис по транспортировке маломобильных людей. Исследователи в области социального предпринимательства часто отмечают, что эта сфера деятельности стимулируется попытками справиться со своими личными трудностями [Лайонс Т.]. Проведенные интервью подтвердили данный тезис. Все респонденты отмечали, что мотивом к занятию данной деятельностью стало и личное стремление к изменению социальной реальности, к решению или смягчению определенной социальной проблемы. Одной из особенностей организации бизнеса в сфере социального обслуживания можно назвать любовь к своему делу, интерес к самому процессу создания нового или оказания услуги, сочетание предпринимательского подхода и социальной миссии [Дорохова Ю.В., Коханик М.С., 2017].

Среди основополагающих характеристик социального предпринимательства — устойчивая самоокупаемость деятельности, а также решение общественных проблем за счет доходов от собственной хозяйственной деятельности [Плетень А.С., 2016, с. 94–101; Лапшина А., 2017]. Все респонденты отметили, что на данном этапе их деятельность вышла на устойчивую самоокупаемость. Интересным примером является финансирование пансионата для пожилых людей — на

сегодняшний день единственной частной коммерческой организации, включенной в реестр поставщиков социальных услуг РК. Организация получает от государства денежную компенсацию за обслуживание получателей социальных услуг, предусмотренных индивидуальной программой предоставления социальных услуг. При этом пансионат работает прежде всего на коммерческой основе и может принимать людей в частном порядке на любой срок пребывания и на индивидуальных условиях. Таким образом, основными источниками финансирования пансионата являются одновременно и субсидирование от органов государственной власти, и доходы от оказания услуг частным лицам. По приблизительным оценкам респондентов, услугами транспортной компании для людей с ограниченными возможностями ежегодно пользуются около 2000 человек. В массажном кабинете созданы рабочие места для 6 человек с нарушениями зрения. Кроме того, с помощью специалистов кабинета ежегодно десятки людей проходят курс реабилитации, улучшают качество жизни. С 2015 г. коммуникативные карточки помогли более чем 3500 детей — и это не только на территории Петрозаводска, но и в районах Карелии, регионах России и за рубежом. Через пансионат для пожилых людей за время его работы прошло более 250 постояльцев. На базе пансионата одновременно может разместиться 55 человек. Количество получивших услуги образовательного центра по данным на 2018 г. составляет около 3000 человек. Эти показатели не только примерная оценка руководителей, но они свидетельствуют об определенном уровне смягчения социальных проблем.

Руководитель организации, оказывающей транспортные услуги, отметил, что до момента интервью не относил напрямую свою организацию к социально предпринимательскому проекту. Остальные респонденты ранее идентифицировали себя как социальных предпринимателей. Их самоидентификация происходила извне, в процессе участия в различных государственных и негосударственных программах, конкурсах и т.д. Можно предположить, что в данный момент социальные предприниматели как сообщество, объединенное общими интересами

и целями, только начинает складываться. Подтверждением тому стали ответы на вопрос о потребности в создании некой ассоциации, общественной организации социальных предпринимателей для защиты их интересов. Лишь один руководитель выразил заинтересованность в создании такой организации и участии в ней. Все остальные респонденты скептически отнеслись к такой возможности, ссылаясь прежде всего на нехватку времени, а также на предполагаемую низкую эффективность подобной структуры. На появление закона, регулирующего вопросы социального предпринимательства, респонденты тоже не возлагают больших надежд и даже опасаются, что он создаст больше бюрократических барьеров. Из числа респондентов, не состоящих в реестре поставщиков социальных услуг, лишь один руководитель выразил заинтересованность во вступлении в данный реестр. Остальные респонденты категорически отвергли эту возможность, опасаясь большого объема отчетности, «бумажной работы» и т.д. Среди основных препятствий для развития социального предпринимательства в регионе респонденты назвали: конкуренцию с государственными учреждениями, которую сложно выдержать социальным предпринимателям; низкий спрос на *платные* услуги; сложность сферы деятельности, обусловленная ее спецификой; отсутствие со стороны государства существенных льгот для социальных предпринимателей. Социальные предприниматели Петрозаводска мало информированы о различных программах, действующих на территории всей страны, которые направлены на адресную поддержку социальных предпринимателей.

Начальник управления социального развития Министерства социальной защиты РК в ходе интервью отмечает, что рынок негосударственных социальных услуг весьма небольшой по объемам и представлен лишь на территории города Петрозаводска, но выражает большие надежды относительно перспектив развития этого направления бизнеса. Он подчеркивает, что выход негосударственного сектора на рынок социальных услуг — одна из приоритетных задач социальной политики и может смягчить острые социальные проблемы.

Среди проблем, препятствующих активной интеграции негосударственных организаций в систему социального обслуживания, эксперт называет непроработанность механизмов доступа частных организаций к бюджетным средствам, а также общую неготовность населения к потреблению социальных услуг, предоставляемых негосударственными организациями.

Выводы

Интеграция в систему социального обслуживания негосударственных субъектов — важнейший механизм ее модернизации. Проведенный анализ позволил дополнить научные представления о таком относительно новом для России социальном феномене, как социальное предпринимательство; проанализировать роль некоммерческих организаций, формы и барьеры их взаимодействия в системе социального обслуживания. Эмпирические исследования подтвердили предположение о том, что рынок негосударственных организаций, оказывающих социальные услуги населению, в Республике Карелия развит недостаточно и территориально ограничен лишь городом Петрозаводском. Негосударственные субъекты социального обслуживания работают точно и ориентированы на локальное смягчение острых социальных проблем, ликвидацию дефицита отдельных социальных услуг. О конкуренции на рынке социальных услуг и борьбе за качество их оказания говорить преждевременно, как и о снижении нагрузки на государственные социальные учреждения. Взаимодействие между субъектами социального обслуживания носит чаще ситуативный, нежели систематический характер. Реально сложившаяся модель взаимодействия социальных предпринимателей, НКО и государства в сфере социального обслуживания населения характеризуется высокой степенью государственного контроля.

Административно-бюрократические барьеры модернизации системы социального обслуживания — это отсутствие законодательной регламентации межсекторного взаимодействия в социальной сфере, неодинаковые условия предоставления

социальных услуг государственными учреждениями и некоммерческими организациями, узкий перечень социальных услуг, предполагающий возможность государственного субсидирования, фактическое отсутствие возможности получить компенсацию от государства за предоставление срочных социальных услуг и т.д. Среди человеческих и социальных барьеров — неготовность населения к внедрению инноваций в социальной сфере, несформированность основных компетенций инновационной экономики, недоверие к общественным организациям, сложившиеся убеждения о том, что сфера социального обслуживания — это прерогатива государственных социальных служб. Важными проблемами являются концентрация негосударственных поставщиков социальных услуг на территории г. Петрозаводска, в то время как наиболее остро проблема с доступностью социальных услуг стоит в сельской местности, отсутствие понимания со стороны населения того, какие ниши в системе социальных услуг сейчас свободны, каковы преимущества создания организации — негосударственного поставщика социальных услуг и развития социального предпринимательства.

На сегодняшний день институционально поддержка социальных предпринимателей в Республике Карелия недостаточна. С точки зрения методической и правовой поддержки социальных предпринимателей действенной мерой послужит создание методического центра, на базе которого будут продвигаться социальные проекты малого и среднего предпринимательства, сосредоточены лучшие региональные социально ориентированные практики, акселерация социальных предпринимательских инициатив. Необходима разработка регионального законодательного акта, регламентирующего меры поддержки социальных предпринимателей и отделяющего социальное предпринимательство от традиционного бизнеса и традиционного некоммерческого сектора. Особое внимание следует уделить информационной поддержке социальных предпринимателей в отношении возможностей участия во всероссийских конкурсах как инструменте привлечения

финансовых средств в объекты социального предпринимательства, в образовательных и акселерационных программах для социальных предпринимателей с целью стимулирования развития данного направления, а также для ускорения процесса самоидентификации социальных предпринимателей.

Список литературы

Волонтерство и участие россиян в деятельности НКО и гражданских инициатив // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. 2017. URL: https://grans.hse.ru/06_04_2017 (дата обращения: 05.01.2019).

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2017. 100 с.

Дорохова Ю.В., Коханик М.С. Социальное предпринимательство в регионе: опыт качественного исследования // Среднерусский вестник общественных наук. Серия: Социология. 2017. Т. 12, № 1. С. 46–53. DOI: <https://doi.org/10.12737/24766>.

Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях / Информационный портал Министерства юстиций Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 06.12.2017).

Количество человек, которым оказаны социальные услуги // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43650> (дата обращения: 11.12.2018).

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года от 17.11.2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527 (дата обращения: 27.12.2018).

Лайонс Т. Социальное предпринимательство. Миссия — сделать мир лучше. URL: <https://econ.wikireading.ru/75618> (дата обращения: 27.03.2018).

Лапина А. Подходы к оценке социальных результатов для социального предпринимательства / Фонд социальных инвестиций. 2017. 1 фев. URL: <https://goo.gl/rHYh9m> (дата обращения: 27.03.2018).

Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Белая Р.В. и др. Проблемы формирования современных моделей социального обслуживания (на примере отдаленных территорий Республики Карелия) // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 3. С. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.17076/teg71>.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в современной России: тенденция к имитации // Публичная политика – 2012: сб. статей / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2012. С. 123–138.

Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации. Федеральный закон № 442-ФЗ от 25.12.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/(дата обращения: 05.01.2019).

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. Федеральный закон № 121-ФЗ от 18.07.2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/ (дата обращения: 05.01.2019).

О стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (дата обращения: 05.01.2019).

Петровская Ю.А., Щекина И.В. Результаты стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года в контексте мировых рейтингов // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18, № 3. С. 18–28.

Плетень А.С. Социальное предпринимательство в современной России: законодательное регулирование и основные направления государственной поддержки // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10(71). С. 94–101. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.71.10.094-101>.

Реестр поставщиков услуг социального обслуживания / Министерство социальной защиты Республики Карелия: официальный сайт. URL: <http://minsoc.karelia.ru/serviceproviders/index> (дата обращения: 29.12.2018).

Получено 06.01.2019

References

Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obschestva v

Rossiiskoy Federatsii za 2017 god [Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2017]. Moscow: The Civic Chamber of the Russian Federation, 100 p.

Dorokhova, Yu.V. and Kokhanik, M.S. (2017). *Sotsial'noye predprinimatel'stvo v regione: opyt kachestvennogo issledovaniya* [Social entrepreneurship in the region: experience of qualitative research]. *Srednerusskiy vestnik obschestvennykh nauk. Seriya: Sotsiologiya* [Central Russian Journal of Social Sciences. Series: Sociology]. No. 1, pp. 46–53. DOI: <https://doi.org/10.12737/24766>.

Informatsiya o zaregistrirrovannykh nekommercheskikh organizatsiyakh (2017) [Information on registered non-profit organizations]. Information portal of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Available at: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (accessed 06.12.2017).

Kolichestvo chelovek, kotorym okazany sotsial'nye uslugi [Number of people who received social services]. Unified Interdepartmental Statistical Information System (UISIS). State statistics. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/43650> (accessed 11.12.2018).

Kontsepsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoy Federatsii na period do 2020 goda (2008) [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2020]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527 (accessed 27.12.2018).

Lapshina, A. (2017). *Podkhody k otsenke sotsial'nykh rezul'tatov dlya sotsial'nogo predprinimatel'stva* [Approaches to assessing social outcomes for social entrepreneurship]. Social Investment Fund. Feb. 1. Available at: <https://goo.gl/rHYh9m> (accessed 27.03.2018).

Layons, T. *Sotsial'noye predprinimatel'stvo. Missiya — sdelat' mir luchshe* [Social entrepreneurship. Mission — to make the world a better place]. Available at: <https://econ.wikireading.ru/75618> (accessed 27.03.2018).

Morozova, T.V., Kozyreva, G.B. and Belaya, R.V. (2015). *Problemy formirovaniya sovremennykh modeley sotsial'nogo obsluzhivaniya (na primere otdalennykh territoriy Respubliki Kareliya)* [Problems of modern models of social service formation (example of the remote territories of the Republic of Karelia)]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of Karelian Research Centre of RAS]. No. 3, pp. 103–116. DOI: <https://doi.org/10.17076/reg71>.

Nikovskaya, L.I. and Yakimets, V.N. (2012). *Publichnaya politika v sovremennoy Rossii: tendentsiya k imitatsii* [Public policy in modern Russia: tendency to imitation]. *Publichnaya politika – 2012:*

Sbornik statey [Public policy – 2012. Collected papers]. Saint-Petersburg: Norma Publ., pp. 123–138.

O strategii innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda: Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 08.12.2011g. No. 2227-r [About strategy of innovative development of the Russian Federation for the period till 2020: the Order of the Government of the Russian Federation of December 8, 2011 no. 2227-r]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (accessed 05.01.2019).

O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosu podderzhki sotsial'no orientirovannykh nekommerchekikh organizatsiy. Federal'nyi zakon No. 121-FZ ot 18.07.2012 [Federal law «About modification of separate legal acts of the Russian Federation concerning support of socially oriented non-profit organizations» No. 121-FZ of July 17, 2012]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/ (accessed 05.01.2019).

Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiskoy Federatsii. Federal'nyy zakon No. 442-FZ ot 25.12.2013 [Federal law «About bases of social servicing of citizens in the Russian Federation» No. 442-FZ of December 28, 2013]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558 (accessed: 05.01.2019).

Petrovskaya, Yu.A. and Schekina, I.V. (2018). *Rezul'taty strategii innovatsionnogo razvitiya Rossi-*

iskoy Federatsii do 2020 goda v kontekste mirovykh reitingov [Results of the innovative development strategy of the Russian Federation until 2020 in the context of world rankings]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management]. Vol. 18, no. 3, pp. 18–28.

Pleten', A.S. (2016). *Sotsial'noye predprinimatel'stvo v sovremennoy Rossii: zakonodatel'noe regulirovanie i osnovnye napravleniya gosudarstvennoy podderzhki* [Social entrepreneurship in modern Russia: legislative regulation and mainstay of state support]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of the Russian Law]. No. 10(71), pp. 94–101. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.71.10.094-101>.

Reestr postavschikov uslug sotsial'nogo obsluzhivaniya [Register of social service providers]. The Ministry of Labour and Employment of the Republic of Karelia. Available at: <http://minsoc.karelia.ru/serviceproviders/index> (accessed 29.12.2018).

Volonterstvo i uchastie rossiyan v deyatel'nosti NKO i grazhdanskikh initsiativ (2017) [Volunteering and participation of Russians in NGOs and civic initiatives]. Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector. Available at: https://grans.hse.ru/06_04_2017 (accessed 05.01.2019).

Received 06.01.2019

Об авторе

Петровская Юлия Александровна
кандидат социологических наук, доцент,
и.о. зав. кафедрой социологии и социальной работы

Петрозаводский государственный университет,
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33;
e-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0254-6923>

About the author

Yuliya A. Petrovskaya
Ph.D. in Sociology, Docent,
Head of the Department of Sociology and Social Work

Petrozavodsk State University,
33, Lenin av., Petrozavodsk, 185910, Russia;
e-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0254-6923>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Петровская Ю.А. Модернизация системы социального обслуживания в контексте инновационного развития Российской Федерации: механизмы и барьеры // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 230–240. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-230-240

For citation:

Petrovskaya Yu.A. Modernization of the social service system in the context of innovative development of the Russian Federation: mechanisms and barriers // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 230–240. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-230-240

УДК 316.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-241-258

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ИНДИКАТОР РЫНКА
ГЕРИАТРИЧЕСКИХ УСЛУГ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА**

Горошко Надежда Владимировна

Новосибирский государственный педагогический университет,

Новосибирский государственный медицинский университет

Емельянова Елена Константиновна

Новосибирский государственный медицинский университет

Рассмотрены специфика социально-демографических процессов современной России и развитие рынка гериатрических услуг и социальной поддержки населения. Дан анализ статистических показателей возрастных особенностей населения страны в фокусе характерной тенденции процесса старения на фоне ухудшения качества жизни за счет возраст-ассоциированных болезней. Поднимается вопрос об устойчивой тенденции роста спроса на услуги медицинской, социальной помощи и ухода за пожилыми людьми, о создании инфраструктуры на основе государственно-частного партнерства, благотворительных и коммерческих организаций. Отражены существующие проблемы сегмента гериатрических услуг и социальной поддержки пожилых людей. Обозначена проблема ограниченной доступности услуг государственных учреждений по уходу для лиц пожилого и старческого возрастов в силу высокого спроса среди населения при достаточно низком качестве и недостаточном количестве подобных учреждений. Рассмотрен потенциал частных учреждений для пожилых людей и сдерживающие факторы развития данного сегмента. Приводится аргумент, что формирование рынка гериатрических услуг и социальной поддержки пожилого населения предполагает не только создание сети специализированных учреждений по уходу и лечению, особого внимания требует координация усилий по профилактике преждевременного старения, формированию здорового образа жизни, мотивации сохранения своего здоровья, вовлеченности в информационно-образовательные процессы пожилых людей, предоставление доступной и качественной лечебно-профилактической помощи, учитывающей особенности состояния здоровья пожилых и возраст-специфические заболевания. Представлен обзор некоторых федеральных законов, постановлений, стандартов, направленных на совершенствование системы социальной защиты пожилых граждан.

Ключевые слова: социально-демографические процессы, старение населения, рынок гериатрических услуг и социальной поддержки населения, уход за пожилыми людьми.

**SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN MODERN RUSSIA
AS AN INDICATOR OF THE MARKET OF GERIATRIC SERVICES
AND SOCIAL SUPPORT FOR THE ELDERLY**

Nadezhda V. Goroshko

Novosibirsk State Pedagogical University,

Novosibirsk State Medical University

Elena K. Emelyanova

Novosibirsk State Medical University

The paper considers the particularity of socio-demographic processes in modern Russia and the development of the market of geriatric services and social support. There is provided analysis of statistical indicators

for age characteristics of the country's population in the focus of the distinctive trend of the aging process, against the background of the quality of life deteriorating due to age-associated diseases. The article raises a question about the steady growth of demand for medical, social, and elderly care services, the creation of infrastructure on the basis of public-private partnerships, charities and commercial organizations. The problems existing in the segment of geriatric services and social support for the elderly are reflected. The authors demonstrate the limited availability of services rendered by public care institutions for the elderly and senile age people, this problem being caused by the high demand among the population against the background of a fairly low quality and insufficient number of such institutions. The paper considers the potential of private institutions for the elderly and also the constraints to the development of this segment. It is argued that the formation of the market of geriatric services and social support for the elderly population involves not only the creation of a network of specialized care and treatment institutions but also requires special attention to the coordination of efforts towards prevention of premature aging, formation of a healthy lifestyle, motivation to health maintenance, involvement of older persons in information and educational processes, provision of affordable and high-quality medical care, taking into account the peculiarities of health of the elderly and age-related diseases. The review of some federal laws, regulations, standards aimed at improving the system of social protection of elderly citizens is presented.

Keywords: socio-demographic processes, population aging, market of geriatric services and social support, care for the elderly.

Введение

Старение населения — это глобальное явление, оно является следствием длительных демографических изменений, сдвигов в процессах естественного и в определенной степени механического движения населения. При этом на фоне увеличения продолжительности жизни изменяются представления о наступлении старости, что порождает отсутствие единого ответа на вопрос: какой этап жизни человека назвать старостью? Существуют две точки зрения на механизм старения. По одной старение — это наследственно запрограммированный

генетическим аппаратом процесс, независимый от влияния внешних факторов. Согласно другой, старение — результат негативного воздействия на организм факторов внешней среды, а также накопления токсичных продуктов, молекулярных повреждений. В целом старение зависит от экзогенных и эндогенных факторов и представляет собой многопричинный процесс с общими закономерностями и различными индивидуальными особенностями.

В наши дни согласно критериям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) различают несколько возрастных периодов (табл. 1).

Таблица 1. Возрастная периодизация Всемирной организации здравоохранения

Возраст, лет	Возрастной период	Возраст, лет	Возрастной период
18–44	Молодой возраст	75–90	Старческий возраст
45–59	Средний возраст	90+	Долголетие
60–74	Пожилой возраст		

Предполагается, что население мира старше 60 лет к 2050 г. составит свыше 2 млрд. человек, т.е. по сравнению с 2017 г. вырастет более чем в 2 раза (на 2017 г. — 962 млн. человек). Важным индикатором, характеризующим процесс старения населения, является относительная численность пожилых. На 2017 г. этот мировой показатель равен 12 %, а по прогнозам Всемирной организации здравоохранения к 2050 г. он составит 22 %,

при этом относительная численность населения возраста 80+ вырастет с 2017 к 2050 г. почти в 3,5 раза — с 125 млн. до 434 млн. человек, причем 80 % этой возрастной категории граждан будут проживать в странах со средним и низким уровнем дохода [Всемирный доклад..., 2016].

В докладе ООН о народонаселении мира одним из факторов, определяющих численность и качество жизни населения в

будущем, является продолжительность жизни и, как следствие, увеличение количества людей пожилого и старческого возраста [Народонаселение мира..., 2017]. Ситуация обостряется на фоне сокращения рождаемости в ряде регионов и стран. Россия не стала исключением. Население считается старым, если доля в нем людей в возрасте 65 лет и более превышает 7%. В России на 2017 г. этот показатель составил 14,2% (рис. 1).

Возраст населения является важным индикатором производительной силы

общества. Среди возрастных группировок особое место отводится градации населения относительно трудоспособного возраста. Границы трудового возраста определяются законодательством Российской Федерации [О трудовых пенсиях..., 2015]. Категория старше трудоспособного возраста устанавливается в соответствии с законодательством о пенсиях до 2018 г., позволяя дифференцировать граждан России на три категории (рис. 2).

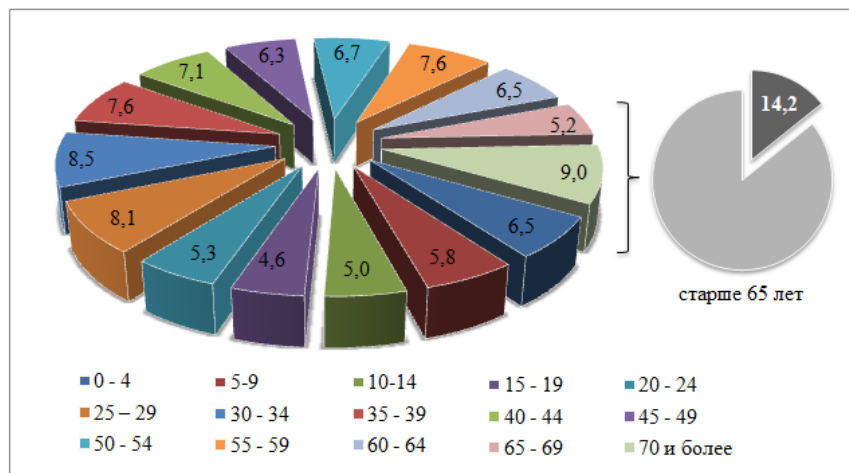

Рис. 1. Распределение населения России по возрастным группам, с долей граждан старше 65 лет, %, 2017 г. [сост. по: Россия и страны..., 2018]

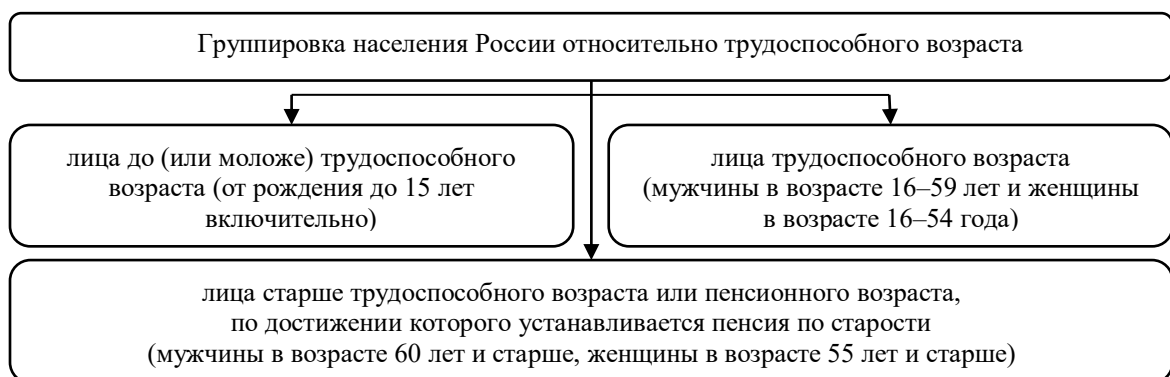

Рис. 2. Группировка населения России относительно трудоспособного возраста (до 2018 г.) [сост. по: О трудовых пенсиях..., 2015]

Результаты исследования

С 2018 г. вступил в силу Закон о повышении пенсионного возраста в России, который определил увеличение возраста выхода на пенсию на 5 лет — с 60 до 65 лет для мужчин и

с 55 до 60 лет для женщин [О внесении изменений..., 2018]. Переход с учетом изменений в законе предлагается осуществлять постепенно, начав с 1 января 2019 г.

На 2017 г. в России население старше трудоспособного возраста составило 25% от

общей численности населения, причем среди женщин этот показатель в два раза выше

(32,9 %) по сравнению с мужчинами (15,8 %) (рис. 3).

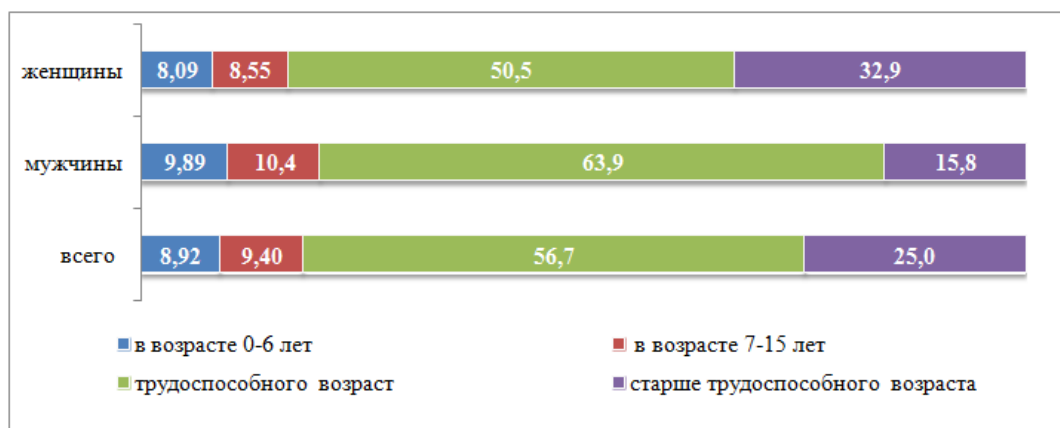

Рис. 3. Население по основным возрастным группам и полу, %, 2017 г.
[сост. по: Социальное положение..., 2017]

Гендерные различия в показателе определяются как большей продолжительностью жизнью женщин по

сравнению с мужчинами (рис. 4), так и более ранним возрастом их выхода на пенсию.

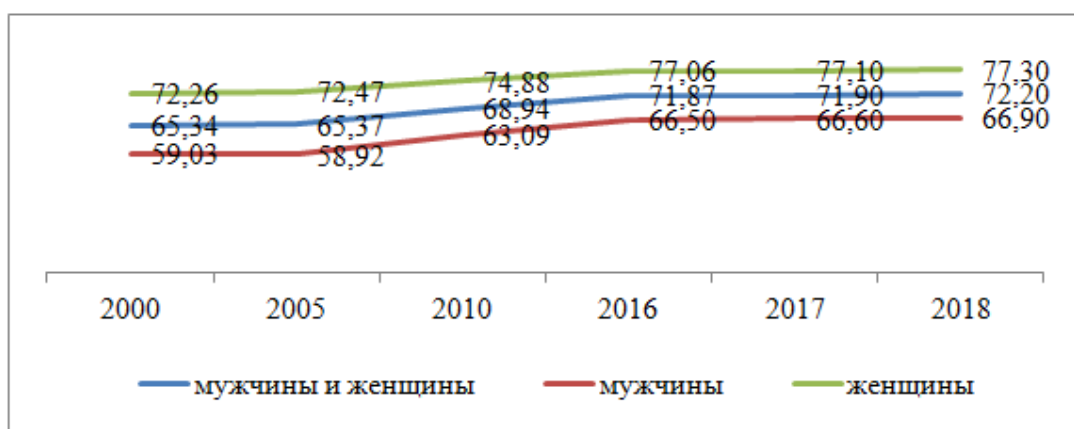

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, лет
[сост. по: Социальное положение..., 2017]

Сопоставляя возрастную периодизацию населения Всемирной организацией здравоохранения и группировку населения России относительно трудоспособного возраста, можно отметить, что группа лиц старше трудоспособного возраста представлена в основном гражданами пожилого, старческого и возраста долголетия.

С начала XXI в. удельный вес численности населения старше трудоспособного возраста в

России неуклонно растет (рис. 5), что в значительной степени определяется увеличением продолжительности жизни, снижением смертности среди лиц старше трудоспособного возраста (табл. 2) на фоне низкой рождаемости в стране. При этом сохраняются и усиливаются гендерные диспропорции пожилого населения [Трубин В.В. и др., 2016, с. 3–32]. Процесс демографического старения населения в

большей степени типичен для женщин
[Гонтмахер Е.Ш., 2012].

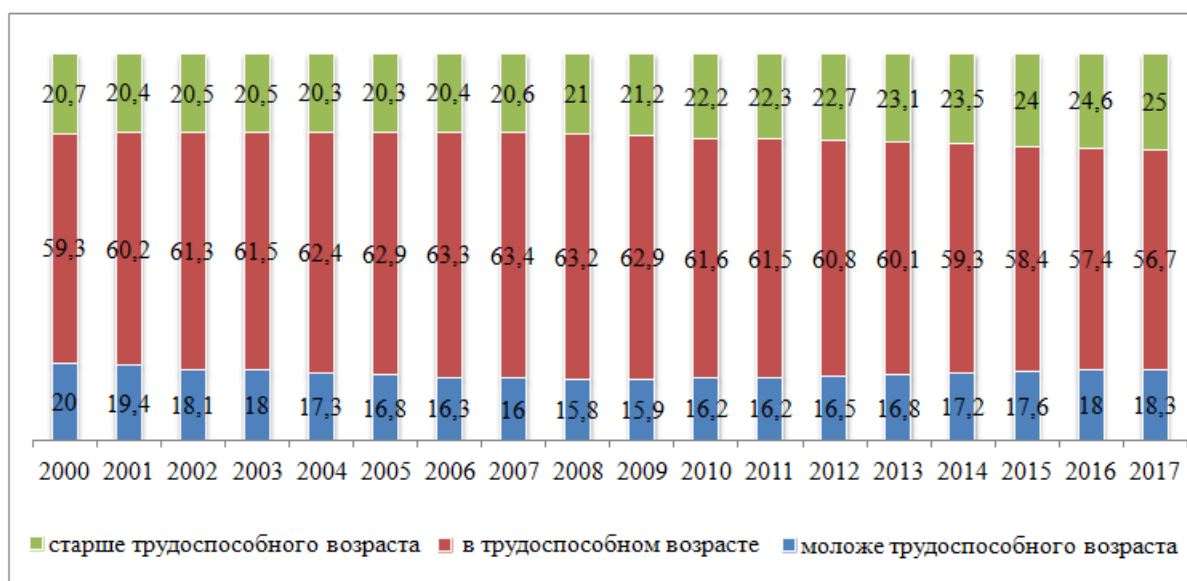

Рис. 5. Распределение численности населения по возрастным группам, %
[сост. по: Россия в цифрах..., 2013]

Таблица 2. Возрастные коэффициенты смертности (умершие на 1000 человек соответствующей возрастной группы)

Умершие	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.
Всего умерших мужчин, из них в возрасте, лет	17,3	15,9	14,2	13,4
55–59	33,4	26,3	21,4	19,4
60–64	44,5	37,1	31,6	29,3
65–69	59,5	49,9	41,5	40,1
70 и более	104,0	95,2	91,9	87,8
Всего умерших женщин, из них в возрасте, лет	13,5	12,7	12,0	11,6
55–59	11,4	9,1	7,4	6,8
60–64	15,8	13,1	11,0	10,1
65–69	25,6	20,1	16,6	15,8
70 и более	79,9	69,8	70,8	69,0

Источник: Российский статистический ежегодник. 2018 [Российский статистический..., 2018].

Распределение населения старше трудоспособного возраста относительно общей численности населения по субъектам Российской Федерации неравномерно (рис. 6).

Более постаревшее население представлено в регионах европейской части страны и юга Западной Сибири. На этом фоне еще более серьезная ситуация в трех регионах, где показатель превышает 30 % от общей численности населения: Тульская область — 30,6 %, Тамбовская область — 30,5 %, Рязанская область — 30,3 %.

Сравнительно невысок показатель населения старше трудоспособного возраста в регионах с

традиционно высокой рождаемостью — республики Северного Кавказа (лидирует Чеченская Республика — 10,4 %), Республика Тыва (11,4 %), а также в регионах, где велика доля лиц трудоспособного возраста, определяемая производственной специализацией региона (Ямало-ненецкий автономный округ — 11,6 %).

Старение населения неизбежно находит отражение в ухудшении качества жизни за счет болезней, сопутствующих старости. Уровень заболеваемости в пожилом возрасте почти в два раза, а в старческом — в шесть раз выше по

сравнению с гражданами молодого возраста [О совершенствовании организации..., 1999].

Старение сопровождаются физиологическая трансформация тела, нарушение психического состояния, снижение уровня работоспособности. Известно более 60 гериатрических синдромов, среди которых старческая астения, когнитивные нарушения, сенсорные дефициты и прочие [Шарашкина Н.В. и др., 2017].

Возраст-ассоциированные заболевания пожилых людей: гипертоническая болезнь,

ишемическая болезнь сердца, сахарный диабет, болезни органов дыхания, заболевания опорно-двигательного аппарата [Шигабутдинов А.Ф., 2013]. Дополнительные трудности в лечении и ухудшение прогноза качества жизни пожилых граждан дает сочетание четырех и более заболеваний [Ткачева О.Н., 2017]. Кроме того, с возрастом увеличивается общая численность инвалидов (рис. 7).

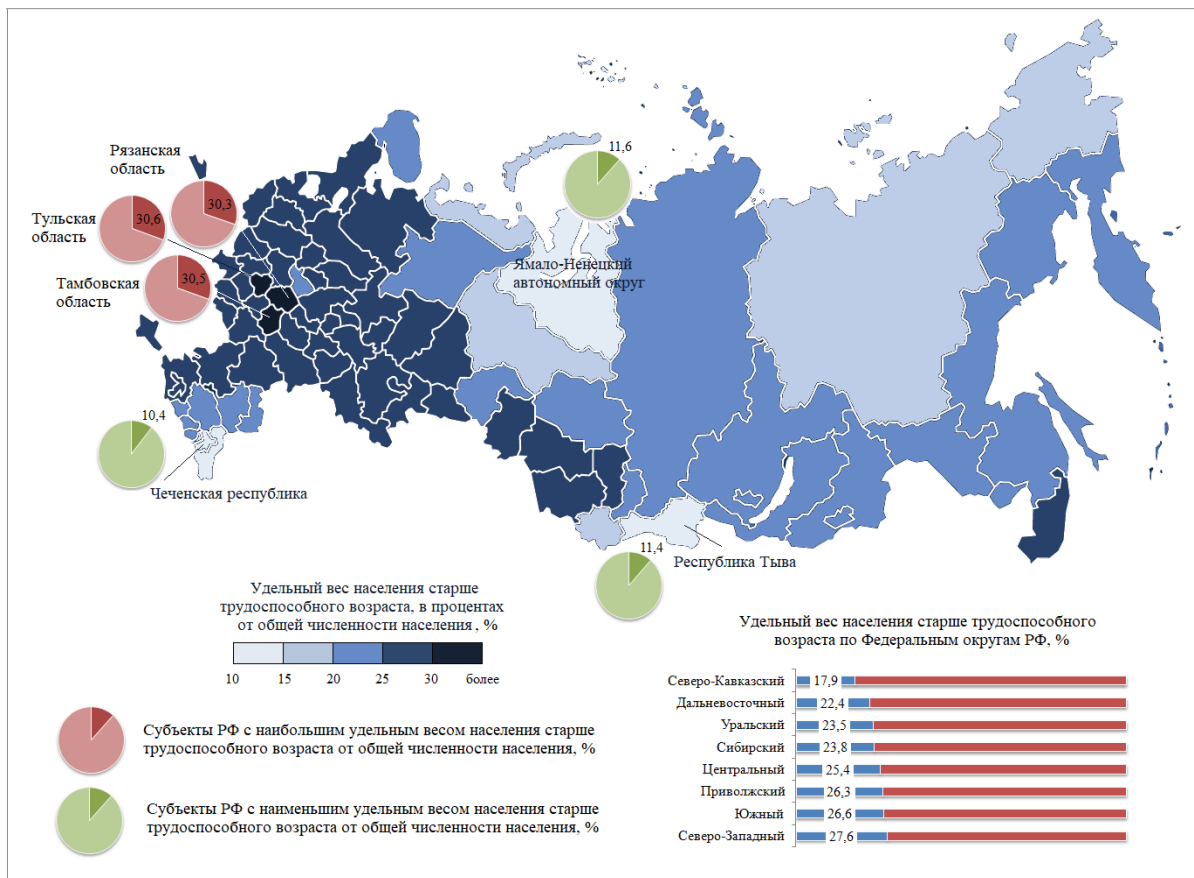

Рис. 6. Распределение населения старше трудоспособного возраста по субъектам Российской Федерации (в процентах от общей численности населения), 2017 г. [сост. по: Российский статистический..., 2018]

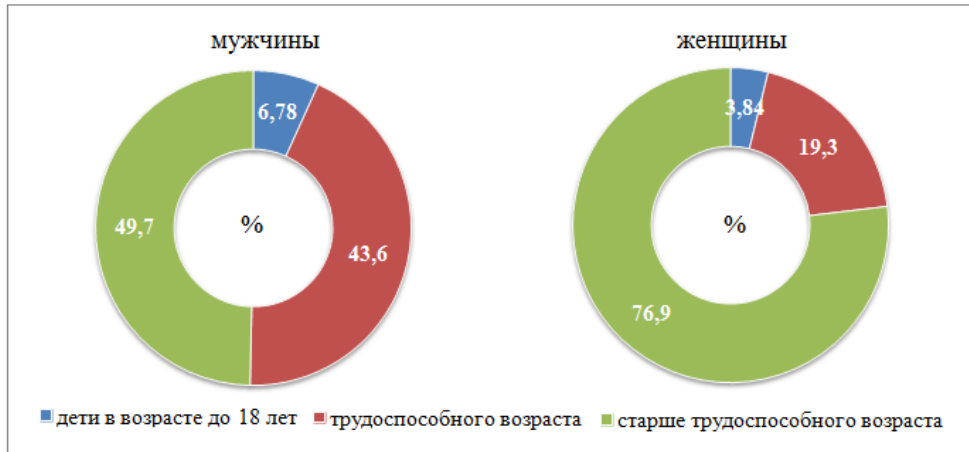

Рис. 7. Распределение общей численности инвалидов по полу и возрасту, тысяч человек, 2017 г. [сост. по: Социальное положение..., 2017]

Положительным фактом является то, что в РФ профессиональными медицинскими некоммерческими организациями будут разработаны и направлены в Минздрав России клинические рекомендации по ведению 6 наиболее распространенных заболеваний, связанных с возрастом [Федеральный проект...]. Старение населения, несомненно, оказывает специфическое влияние на общество, экономику страны и на рынок социально-медицинских услуг, в определенной степени

способствуя его изменению с учетом сложившихся потребностей, а также диктует рост расходов в данном возрастном сегменте. Однако рост может затронуть весь сегмент медико-социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста или его отдельные направления. На сегодня можно представить несколько возможных сценариев развития событий (рис. 8).

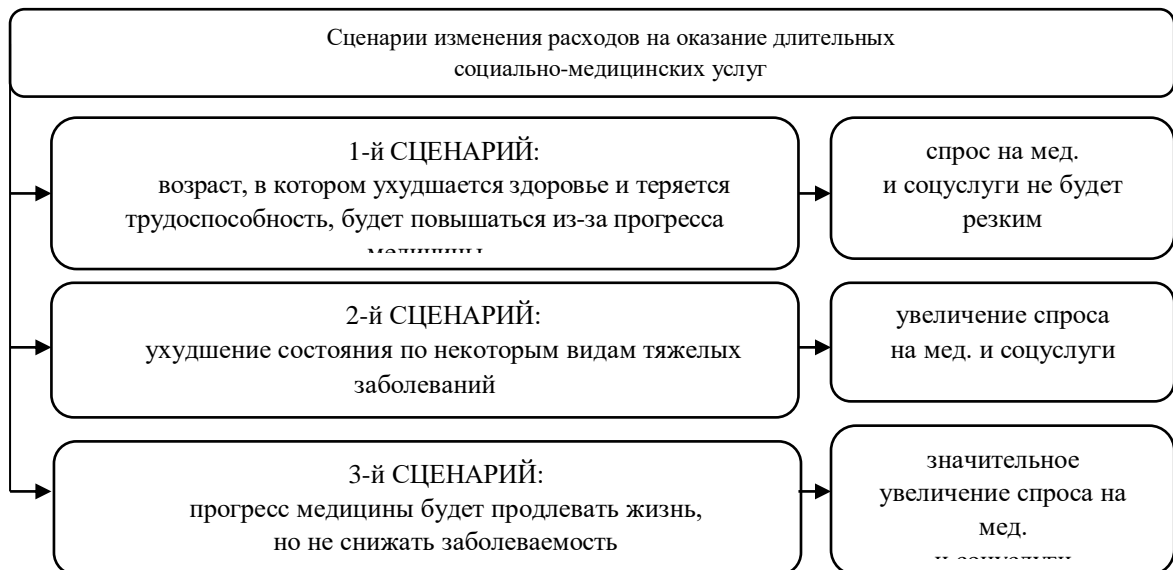

Рис. 8. Сценарии изменения расходов на оказание длительных социально-медицинских услуг [сост. по: Современная концепция..., 2016]

Однако стоит отметить, что вне зависимости от сценария рост расходов и инновационный

подход в обслуживании с учетом специфики потребностей данной возрастной категории граждан неизбежны.

Потребность пожилых в гериатрических услугах и социальном обслуживании обусловлена состоянием здоровья пациентов, снижением мобильности, одиночеством и иными объективными факторами, для предотвращения или смягчения действия которых необходима посторонняя помощь.

Что касается амбулаторно-поликлинической медицинской помощи пожилым пациентам, то часто наблюдается недоукомплектованность участковой службы врачебными кадрами, диспропорции в оказании медицинской помощи, недостаточная доступность помощи по профилю «гериатрия» [Новокрещенова И.Г. и др., 2017].

В Национальном стандарте Российской Федерации социального обслуживания населения предлагается следующая типизация учреждений, предоставляющих социальные услуги населению: стационарные, полустационарные, нестационарные, комплексные, учреждения (отделения) социального обслуживания на дому, срочного социального обслуживания, срочной социально-консультационной помощи [Современная концепция..., 2016].

Также в Стандарте приводятся 22 вида учреждений в зависимости от предназначения, состава и характера предоставляемых услуг. Из них ориентированы на обслуживание пожилых: центры социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов; дома-интернаты (отделения) милосердия для престарелых и инвалидов; психоневрологические интернаты, геронтологические центры, специальные дома-интернаты (специальные отделения) для престарелых и инвалидов; социально-оздоровительные центры граждан пожилого возраста и инвалидов; специальные дома для одиноких престарелых; геронтопсихиатрические центры (отделения); дома-интернаты (пансионаты) для ветеранов войны и труда; дома-интернаты (пансионаты) для престарелых и инвалидов; учреждения социального обслуживания лиц без определенного места жительства и занятий [Современная концепция..., 2016]. Учреждения

установлены на основании федеральных законов «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» [Об основах социального..., 2013; О социальном обслуживании..., 1995], положений постановлений Правительства Российской Федерации и Министерства труда и социальной защиты России по вопросам социального обслуживания населения.

Несмотря на дифференцированный состав и возложенные на эти учреждения функциональные возможности, стоит отметить, что поставленные задачи вся система в целом полноценно реализует. Основные трудности — это недостаточное количество подобных учреждений в стране и дефицит квалифицированного персонала, а также то, что делегирование полномочий между учреждениями не всегда обеспечивает оптимальный результат в силу комплексности проблем пожилых граждан.

К государственным домам престарелых в России относят ряд организаций. Максимальная сумма, которую удерживают организации из пенсии на содержание гражданина, не может превышать 75 % его постоянного дохода, что регламентируется законодательными нормами: Федеральным законом № 422-ФЗ от 28.12.2013 [О гарантировании прав..., 2013] и Постановлением Правительства РФ № 1075 от 18.10.2014 [Об утверждении Правил..., 2014]. Все расходы свыше 75 % финансируются из бюджета. Основными услугами являются; предоставление жилья, пищи, белья, одежды, уход и минимальный набор лекарств. Дом престарелых — учреждение в большей степени социальное и штатный врач может назначать лекарства, а пожилые люди приобретают их из 25 % пенсии, что остается после оплаты содержания в учреждении. Помощь в закупке может быть оказана лишь из благотворительных фондов.

Одной из серьезных проблем государственных домов престарелых является достаточно скудное меню, а у лежачих постояльцев — дополнительные личные траты на дополнительные предметы гигиены (пеленки, подгузники, если не оформлена инвалидность или в индивидуальной программе реабилитации не указана такая потребность).

Актуальная проблема — нехватка персонала: на одну медсестру в самых неблагополучных заведениях — до 2 %, на одну нянечку — до 30–50 постояльцев. Отсюда прецеденты, когда в подгузниках находятся даже те пациенты, кто может обходиться без них, но которым требуется помощь персонала для передвижения, а проблема нехватки такового переводит пациентов в более беспомощное состояние, чем обусловлено их здоровьем [Кошкина А., 2017].

В целом в России жители домов престарелых имеют низкий уровень социальной защиты и неудовлетворительные условия, зависящие от государственного финансирования. При этом в государственных учреждениях есть платные отделения, стоимость размещения в которых сопоставима с ценами частных компаний, однако условия размещения в них зачастую ненамного лучше.

На 2016 г. в России насчитывалось около 1277 пансионатов для пожилых людей, которые включали 756 домов-интернатов общего типа, более 540 психоневрологических домов-интернатов, 21 дом милосердия, 28 геронтологических центров и другие. В 217 специальных домах для одиноких престарелых граждан проживают 11,4 тыс. человек [Доклад о результатах..., 2019] (табл. 3).

Потребность в местах в специализированных учреждениях есть у 630 тыс. пожилых людей в России, а обеспечены ими 270 тыс., т.е. менее половины. Показатель потребности будет только расти и через 10 лет он достигнет цифры 1 млн. Потребность в учреждениях оценивается в 4 тыс. Очередь в государственный дом престарелых составляет около 1 года, а численность ожидающих соответствует не менее 10 % от общего фонда койкомест.

Таблица 3. Стационарные организации социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
Число организаций для граждан пожилого возраста и инвалидов (взрослых), в них:	1390	1475	1293	1277
мест, тыс.	242	249	254	257
проживающих, тыс. человек	235	245	251	253

Источник: Здравоохранение в России – 2017 г. [Здравоохранение в России..., 2017].

В последние годы наблюдается тенденция к укрупнению государственных домов престарелых, связанная с экономией фонда заработной платы, снижением затрат на содержание зданий и коммунальные услуги. Подобные тенденции приводят к увеличению количества проживающих в пансионате и снижению внимания к каждому отдельно взятому человеку [Петров А., 2015].

Принятый в 2013 г. Федеральный закон № 442 «Об основах социального обслуживания в России» дал пожилым людям выбор —

получать услуги от государства или бизнеса [Об основах социального..., 2013]. В том числе денежные средства могут быть использованы в качестве оплаты услуг частного дома для престарелых.

Уход за пожилыми людьми в России перестает принадлежать только государственным социальным и благотворительным службам: ключевым сегментом рынка гериатрических услуг и социального обслуживания населения являются частные пансионаты для пожилых людей,

имеющие большой потенциал в силу отсутствия качественного предложения и наличия спроса на подобные услуги.

Частный пансионат позиционируется не как дом для престарелых, а как центр пожилого человека, где к каждому постояльцу находят индивидуальный подход. К рынку частных пансионатов для пожилых следует отнести частные и общественные учреждения

(созданные общественными объединениями, при монастырях), предоставляющие услуги не только ухода, но и проживания, кормления, а в отдельных случаях и медицинские.

Несмотря на общую нишу работы с потребителями услуг, можно выделить ряд отличительных черт государственных и частных учреждений для пожилых людей (табл. 4).

Таблица 4. Отличительные черты государственных и частных учреждений для пожилых людей

Отличительные черты	Пансионат государственный	Пансионат частный
Очередь на оформление	От одной до нескольких недель	Отсутствует
Условия, необходимые для реабилитации	Существует разработанная программа	Подбираются индивидуально
Социальная и культурная программа	По минимуму	В зависимости от ценовой категории
Оказываемая медицинская помощь	По минимуму	Высокая специализированная помощь
Предоставляемые условия для проживания	Скромно	В зависимости от ценовой категории

Источник: Пансионат для пожилых людей: частный или государственный? [Пансионат для пожилых..., 2018].

В частных домах престарелых, в отличие от государственных, пациенты редко живут постоянно. Обычно пожилые проводят некоторое время после сложных операций, когда нужна сиделка или когда родственники отправляются в отпуск и не могут присмотреть за пациентами; иногда пансионаты рассматриваются как дома отдыха, где пожилые люди могут пообщаться друг с другом. Открывающиеся гериатрические центры являются как комплексными, так и нацеленными на узкое направление, например, на интенсивное лечение и реабилитацию после перелома шейки бедра, инсультов, пациентов с болезнью Альцгеймера, Паркинсона, деменцией и других.

Первый частный дом престарелых в России появился в 2005 г. За последние годы число частных пансионатов для пожилых людей в России выросло (ежегодно количество заведений увеличивается на 20–30 %), причем часть из них входит в состав около десяти сетей, состоящих примерно из 50 объектов на 2,5 тыс. мест. В основном они располагаются в Москве и Московской области (свыше 90 пансионатов), Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в то время как в

регионах рынок не развит — в городах с населением свыше 1 млн. жителей по два-три частных заведения. Например, на 2015 г. в России официально было зарегистрировано 273 подобных учреждения (в общей сложности на 8 000 мест).

Новая тенденция — частные дома престарелых открывают негосударственные пенсионные фонды (НПФ). Пока такой пансионат один — у НПФ «Благосостояние». Принимает он до 1,5 тыс. пациентов в год. Планируется открытие второго корпуса на 1000 мест. ПФ «Сбербанк» собирается развивать свою сеть частных геронтологических центров.

Однако эта статистика касается только официально зарегистрированных домов престарелых. По оценкам специалистов, примерно 75 % рынка занимают частные дома престарелых, которые не лицензируются и в реестр поставщиков социальных услуг входят в добровольном порядке [Кошкина А., 2017].

В связи с отсутствием государственного регулирования в этой сфере (за исключением тех организаций, которые добровольно вошли в реестр поставщиков социальных услуг) не существует единых требований к помещениям, штатным расписаниям, квалификации

персонала и используемым протоколам. Для такой деятельности, как оказание социальных услуг с предоставлением проживания, лицензия не нужна, проверка осуществляется только в том случае, если поступила жалоба.

Некоторым частным пансионатам предоставлено право принимать пожилых пациентов «по субсидии». Пансионат выделяет определенное количество мест, а органы соцзащиты по договору компенсируют часть расходов на содержание. В реестр поставщиков социальных услуг могут быть включены только те пансионаты, которые смогут доказать высокое качество услуг, после чего постояльцы в них будут обращаться по направлению местных органов социальной защиты, компенсирующих до 80 % расходов на содержание.

Получает развитие и такая форма: пребывание пожилых людей в течение дня без ночевки в так называемых «ДЕДских садах», где они могут провести весь день и вернуться вечером домой. В течение дня, когда члены семьи находятся на работе или учебе, пожилой человек под присмотром специалистов посещает культурно-массовые, образовательные и досуговые мероприятия, оздоровительно-реабилитационным программам, общается с людьми «своего» возраста. Но подобная форма предназначена для пожилых людей, способных самостоятельно передвигаться и обслуживать себя.

На рынке частных пансионов для пожилых все крупнейшие игроки имеют приблизительно одинаковый уровень цен. Цена прежде всего зависит от наличия медицинских услуг, качества питания и расположения. Традиционно стоимость варьируется в зависимости от количества коек в комнате. Большинство пансионов предлагает размещение в двух-, трех-, четырехместных номерах с пятиразовым питанием, ежедневным

медицинским наблюдением и анимацией. В оснащение стандартного номера входят душ, санузел, холодильник, телевизор. Цена в среднем — 1,5–3,0 тыс. рублей в день. Дополнительно может оплачиваться лечение [Чернышов П., 2016].

При этом все пансионаты закладывают в базовую стоимость проживания уход за постояльцами вне зависимости от степени его интенсивности и от степени дееспособности пациента.

В основном сегменте на рынке «от 1 тыс. до 2 тыс. руб. в сутки» минимальный бюджет проживания составляет более 30 тыс. руб. в месяц, комфортный — 250 тыс. руб. в месяц. Порядка 70 % российских коммерческих домов работают в диапазоне 1–2 тыс. руб., около 19 % — в ценовой группе до одной тысячи руб., 7 % — от 2 до 3 тыс. за день, около 4 % — свыше 3 тыс. руб. [Кошкина А., 2017].

Специалисты считают, что эффективная стоимость услуг по уходу за пожилыми составляет около 60–100 тыс. руб. за человека в месяц, если следовать международным стандартам — 2,5 тыс. руб. (около 75 тыс. руб. в месяц). Поэтому проживание может стоить дешевле 60 тыс. руб. в месяц только за счет значительного сокращения определенных статей расходов в ущерб качеству. По мнению экспертов, при данной ценовой политике к потенциальным клиентам стоит относить семьи с уровнем дохода около 120 тыс. руб. или 60 тыс. руб. на человека для семьи из двух человек [В России основным..., 2018], что составляет менее 10 % от всего населения страны [Российский статистический..., 2018] (рис. 9).

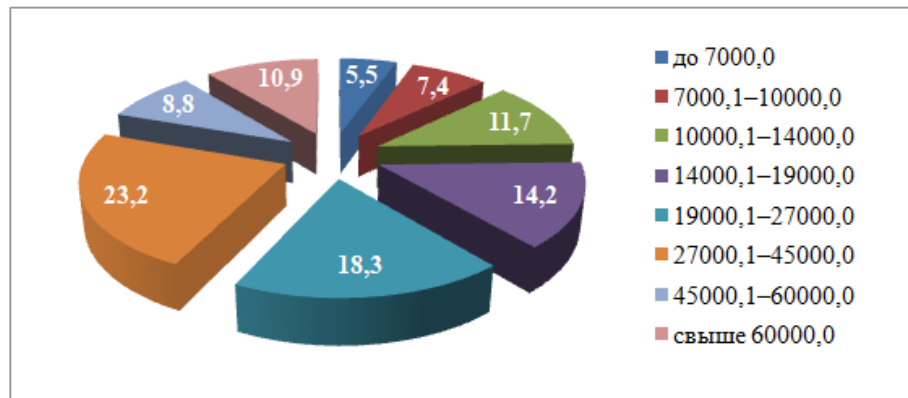

Рис. 9. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов, %, 2017 г.
[сост. по: Российский статистический..., 2018]

Учитывая средний размер пенсии в стране 13 303,7 руб. и среднедушевой доход населения около 31 421,6 руб. [Население..., 2018], возможность воспользоваться подобной услугой для семей, где остро стоит вопрос помощи по уходу за пожилыми членами семьи, а тем более одиноким пожилым людям или бездетным пожилым парам крайне ограничена.

Согласно опросу Национального агентства финансовых исследований и НПФ «Благосостояние» в среднем семьи готовы тратить на оплату услуг по уходу за пожилым родственником чуть более 25 % своего дохода. При этом ежемесячный бюджет респонденты крупных городов оценивают в 28 тыс. руб. (2017 г.) [Население..., 2018].

Некоторые учреждения заключают контракт с пожилым человеком, не имеющим финансовой возможности, но имеющим недвижимость, согласно которому происходит передача квартиры пациента пансионату взамен пожизненного ухода и размещения. Но солидные дома престарелых, как правило, избегают подобных сделок в связи с тем, пожилой человек может передумать и захотеть вернуться домой, т.е. во избежание конфликта интересов и сохранения репутации. Недобросовестный центр по уходу за пожилыми людьми может стремиться взять квартиру в оплату, даже если учреждение не соответствует потребностям пожилого человека, к тому же будет отсутствовать мотивация в повышении качества жизни постояльца.

Создание инфраструктуры профессионального ухода за пожилыми людьми требует значительных вложений и большого доверия от клиента. Почти в каждой третьей семье есть люди преклонного возраста, кому требуется постоянный уход и забота (30 %). Наиболее остро данная проблема стоит для жителей небольших городов, поселков и сел (35–40 %).

Средняя заполняемость частных пансионатов для пожилых людей за рубежом на уровне 90 %, а в отдельных странах достигает и 98 %. В России количество объективно платежеспособного населения ограничено. Однако, по мнению экспертов, в стране частные дома престарелых имеют все шансы стать полноценным сегментом рынка коммерческой недвижимости, интересным девелоперам и инвесторам. Подобные проекты могли бы развиваться в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП), поскольку этот бизнес является низкомаржинальным. Работа по схеме ГЧП поддержана рядом государственных инициатив. Среди них — утвержденное распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года [Стратегия действий..., 2016] и нулевая ставка по налогу на прибыль для предприятий, осуществляющих социальное обслуживание граждан согласно п. 1.9 ст. 284 Налогового кодекса РФ, с 01.01.2015 по 01.01.2020.

Именно работа по схеме ГЧП делает этот сегмент социального предпринимательства привлекательным. К примеру, в Москве

коммерческий пансион для пожилых может выйти на окупаемость в среднем за 15 лет. Применение ГЧП позволяет сократить этот срок до 7 лет. В регионах, по мнению специалистов, выйти на окупаемость без ГЧП вообще практически невозможно [Кошкина А., 2017]. Но такой подход возможен лишь для учреждений, добровольно вошедших в официальный реестр.

Учитывая комплекс имеющихся проблем, рынок растет в среднем на 30% в год, но, по мнению экспертов, в основном за счет «серых» игроков, предоставляющих услуги ненадлежащего качества и с нарушением различных норм по низким ценам, что дискредитирует рынок в целом — компаниям, предоставляющим качественные услуги, сложно заслужить доверие. Но существует категория пожилых людей, получившая государственную субсидию, однако мало информированная о возможности обратиться к частому поставщику. Это связано с достаточно сложным сбором документов для получения направления в частный центр, часто требующим помощи юриста, и боязнью конкуренции со стороны негосударственных поставщиков.

Согласно опросу журнала «Профиль» о существовании частных услуг по уходу за людьми преклонного возраста известно лишь 30 % опрошенных, об услугах частных патронажных служб — только 21 %, при этом 10 % опрошенных выбрали бы услуги домашних сиделок (10 %), 9 % — услуги стационаров (из них 6 % предпочли бы государственные, а 3 % частные стационары) [Кошкина А., 2017].

Рентабельность подобных организаций частного бизнеса может быть очень разнообразной, в зависимости от сезона и заполняемости (нестабильно) — от 5 до 20 %. Поэтому основным игроком на рынке пансионатов для пожилых остается государство. Но если в целом по России доля частных пансионатов для пожилых составляет около 1%, то в ряде регионов со сравнительно высоким уровнем доходов показатель на порядки выше (например, по Санкт-Петербургу — около 20 %) [Кошкина А., 2017].

Если пансионат выполняет услуги качественно, часть клиентов время от времени

в него возвращаются. Конверсия составляет не менее 30 %. Средняя рентабельность этого бизнеса — 19–22 % [Чернышов П., 2016].

В качестве переломного события, открывшего новый этап развития геронтологии и гериатрии в России, должна рассматриваться разработка «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», предусматривающая создание последовательной, преемственной, комплексной и доступной системы медицинского сопровождения лиц старше 60+ лет с межведомственной интеграцией. Согласно стратегии планируется разработка, утверждение и внедрение типизированной модели региональной гериатрической службы [Анисимов В.Н. и др., 2017].

Разработка и реализация межведомственной программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение» (в рамках национального проекта «Демография»), запланированная на 2019–2024 гг., предусматривает мероприятия по увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни: получение образования (обучения), содействие занятости, поддержку физической активности пожилых людей, повышение доступности медицинской помощи и услуг в сфере социального обслуживания с учетом потребностей граждан старшего поколения. Для достижения этой цели в ряде регионов созданы региональные гериатрические центры и геронтологические отделения, планируется строительство (реконструкция) объектов капитального строительства стационарных организаций социального обслуживания субъектов РФ, содействие приведению организаций социального обслуживания в надлежащее состояние, а также ликвидации очередей в них.

Уровень госпитализации на геронтологические койки лиц старше 60 лет на 10 тыс. населения планируется увеличить более, чем в 4 раза. Охват граждан старшего трудоспособного возраста профилактическими осмотрами (включая диспансеризации) планируется поднять с 16,6 % до 70 % [Федеральный проект..., 2019].

Планируется увеличить долю негосударственных организаций социального

обслуживания до 19,1 % благодаря мероприятиям по их поддержке (стимулированию), в том числе путем включения таких организаций в реестр поставщиков социальных услуг, предоставления им налоговых льгот и преференций, субсидирования процентной ставки по кредитам. В сфере социального обслуживания приоритетным будет развитие стационар-замещающих технологий с преимущественной ориентацией на предоставление социальных услуг на дому, технологий, обеспечивающих получение социальных услуг гражданами, проживающими в сельских территориях, расширение практики работы мобильных, в том числе межведомственных, бригад по оказанию различных услуг приоритетно в отдаленных, труднодоступных территориях [Федеральный проект..., 2019].

В шести регионах РФ при участии Российского геронтологического научно-клинического центра стартовал проект «Территория заботы» с целью организации долговременной медицинской и социальной помощи гражданам пожилого и старческого возраста на принципах междисциплинарного и межведомственного взаимодействия. Концепция проекта была разработана Российским геронтологическим научно-клиническим центром.

Кроме того, в рамках стратегий и программ особое внимание уделяется координации усилий по профилактике преждевременного старения, формированию здорового образа жизни, мотивации сохранения своего здоровья, вовлеченности в информационно-образовательные процессы пожилых людей. Крайне важно обеспечение доступной и качественной лечебно-профилактической помощью, учитывающей особенности состояния здоровья пожилых и возраст-специфические заболевания.

Выводы

Таким образом, в связи с увеличением доли лиц пожилого и старческого возрастов в структуре населения России, являющихся социально не защищенными, потребуется повышение бюджетного финансирования на социальные и медицинские нужды, т.к. услуги по уходу

достаточно дороги для пациентов и их родственников. Эффективной мерой является также использование механизмов частно-государственного партнерства в сфере оказания гериатрических услуг и привлечение социально ориентированных некоммерческих и волонтерских организаций.

На сегодня также сложилась практика предоставления гериатрических услуг и социальной поддержки гражданам пожилого возраста со стороны коммерческих организаций. Подобные организации представляют рынок социально ориентированного предпринимательства, который лишь набирает обороты в стране. Однако есть сдерживающие факторы, среди которых в первую очередь следует называть отсутствие полноценного нормативного регулирования, слабую поддержку со стороны государства среднего и малого бизнеса, низкий экономический статус граждан пожилого возраста. Для развития рынка гериатрических услуг и социальной поддержки граждан пожилого возраста необходимо проводить работы в трех основных направлениях: социальной защиты, социальной и гериатрической помощи и социального и гериатрического обслуживания. В сфере социальной защиты необходимо доработать и расширить законодательные акты, в том числе по деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, создавать специальные программы правового просвещения с разъяснениями прав граждан старшего поколения на государственную поддержку, вести работу по сохранению максимально возможного уровня самостоятельности пожилых граждан, укрепить набор правовых инструментов и экономических гарантий в целях предоставления социальных и социально-медицинских услуг, оказания медицинской и лекарственной помощи, санитарно-эпидемиологического благополучия граждан старшего поколения.

Социальная помощь на фоне резкого падения уровня жизни пожилых граждан должна быть направлена на изыскание механизмов улучшения их экономического состояния. При наличии показаний требуется предоставление лицам старшего возраста доступа к

амбулаторной, стационарной, скорой медицинской и иным формам медицинской помощи при обязательном контроле ее качества и объема. Необходимо также обеспечение лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения для поддержания активности и способности к самообслуживанию. В первую очередь таких, как слуховые аппараты, протезы, очки, индивидуальные средства передвижения и реабилитации, тренажеры для занятий лечебной физкультурой. Отдельно стоит подчеркнуть в качестве ключевых аспектов — создание разветвленной системы геронтологической помощи, формирование системы паллиативной помощи, направленной на укрепление здоровья и профилактику заболеваний, обеспечение доступности для пожилых людей в формате адресной реабилитационной и физкультурно-оздоровительной работы. Одним из направлений в сфере социального обслуживания является использование механизмов частного-государственного партнерства, привлечение к работе благотворительных фондов и меценатство.

Такой подход позволит перейти от поддержания минимальных условий существования пожилого человека на уровне простых физиологических потребностей к созданию достойных условий, с увеличенным периодом активного долголетия и продолжительности здоровой жизни.

Вместе с тем проблемы людей пожилого и старческого возрастов отличаются многогранностью и требуют принятия комплексных мер по улучшению всех показателей качества жизни во избежание разрушительных социально-демографических последствий для России.

Список литературы

Анисимов В.Н., Серпов В.Ю., Финагентов А.В., Хавинсон В.Х. Новый этап развития геронтологии и гериатрии в России: проблемы создания системы гериатрической помощи. Ч. 1: Актуальность, нормативная база // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30, № 2. С. 158–168. DOI: <https://doi.org/10.1134/s2079057018010022>.

В России основным игроком на рынке пансионатов для пожилых остается государство // INVESTINFRA. 2018. 18 окт. URL:

<https://investinfra.ru/novosti/darya-godunova-o-perspektivah-razvitiya-rynka-pansionov-dlya-pozhilyh-lyudej-v-ramkah-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva.html> (дата обращения: 21.02.2019).

Всемирный доклад о старении и здоровье / Всемирная организация здравоохранения. 2016. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf;jsessionid=45FC110BAD07A3DB428324F664C0130D?sequence=10 (дата обращения: 21.02.2019).

Гонтмахер Е.Ш. Проблема старения населения в России // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 22–29.

ГОСТ Р 52498-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Классификация учреждений социального обслуживания (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 535-ст). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200043280> (дата обращения: 21.02.2019).

Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на 2015–2017 годы. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/about/reports/2> (дата обращения: 21.02.2019).

Здравоохранение в России – 2017 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_34/Main.htm (дата обращения: 21.02.2019).

Кошкина А. Бизнес на старости // Профиль. 2017. 23 нояб. URL: <https://profile.ru/economics/item/121901-biznes-na-starosti> (дата обращения: 21.02.2019).

Народонаселение мира в 2017 году / Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2017.pdf> (дата обращения: 21.02.2019).

Население. Социально-экономические показатели – 2018 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 21.02.2019).

Новокрещенцова И.Г., Новокрещенцов И.В., Сенченко И.К. Амбулаторно-поликлиническая помощь лицам пожилого и старческого возраста // Клиническая геронтология. 2017. Т. 23, № 3–4. С. 13–18.

Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный

закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-28122013-n-442-fz-ob/> (дата обращения: 21.02.2019).

Об утверждении правил определения среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно: Постановление Правительства РФ от 18.10.2014 № 1075. URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-18102014-n-1075/> (дата обращения: 21.02.2019).

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ (последняя редакция). URL: <http://prezident.org/articles/federalnyi-zakon-350-fz-ot-3-oktjabrja-2018-goda-04-10-2018.html> (дата обращения: 21.02.2019).

О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации при формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений, установлении и осуществлении выплат за счет средств пенсионных накоплений (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 422-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/70552678/> (дата обращения: 21.02.2019).

О совершенствовании организации медицинской помощи гражданам пожилого и старческого возрастов в Российской Федерации: Приказ Минздрава РФ от 28.07.1999 № 297. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1000001063> (дата обращения: 21.02.2019).

О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов: Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ (ред. от 25.11.2013). URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-02081995-n-122-fz-o/> (дата обращения: 21.02.2019).

О трудовых пенсиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ (ред. от 04.06.2014, с изм. от 19.11.2015). URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-17122001-n-173-fz-o/> (дата обращения: 21.02.2019).

Пансионат для пожилых людей: частный или государственный? / ГБУЗ Научно-исследовательский институт – Краевая клиническая больница № 1. 2018. 7 июля. URL: <https://stopstarenie.info/obraz-zhizni/pansionat-dlya-pozhilyh-lyudej-139> (дата обращения: 21.02.2019).

Петров А. Дома престарелых в современной России // ВЕК. 2015. 11 авг. URL: <https://wek.ru/doma-prestarelyx-v-sovremennoj-rossii> (дата обращения: 21.02.2019).

Российский статистический ежегодник. 2018 / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm (дата обращения: 21.02.2019).

Россия в цифрах – 2017 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (дата обращения: 21.02.2019).

Россия и страны мира – 2018 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_39/Main.htm (дата обращения: 21.02.2019).

Получено 26.02.2019

Современная концепция развития гериатрической помощи в Российской Федерации / Российский гериатрический научно-клинический центр. URL: <http://rgnkc.ru/koncersia-geriatricheskoj-pomoshi> (дата обращения: 21.02.2019).

Социальное положение и уровень жизни населения России – 2017 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_44/Main.htm (дата обращения: 21.02.2019).

Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71222816/#ixzz5eU0zR5Ye> (дата обращения: 21.02.2019).

Ткачева О.Н. Перспективы развития гериатрической службы в российской Федерации // Справочник поликлинического врача. 2017. № 5. С. 9–11.

Трубин В.В., Николаева Н.А., Палеева М.А., Гавдифаттова С.Н. Пожилое население России: проблемы и перспективы: Социальный бюллетень / Аналитический центр при правительстве РФ. 2016. № 5. 45 с. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf> (дата обращения: 21.02.2019).

Федеральный проект «Старшее поколение» 01.01.2019–31.12.2024. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 21.02.2019).

Чернышов П. Дом престарелых и состоятельных // Газета.RU. 2016. 3 окт. URL: https://www.gazeta.ru/business/realty/2016/10/03_a_10224179.shtml#page1 (дата обращения: 21.02.2019).

Шарашкина Н.В., Остапенко В.С., Рунихина Н.К. Гериатрия: дифференцированный подход к проблемам пожилого пациента // Справочник поликлинического врача. 2017. № 5. С. 12–15.

Шигабутдинов А.Ф. Пути совершенствования медико-социальной помощи лицам пожилого и старческого возраста (на примере Республики Татарстан: дис. ... канд. мед. наук. М., 2013. 171 с.

References

- Anisimov, V.N., Serpov, V.Yu., Finagentov, A.V. and Havinson, V.H. (2017). *Novyy etap razvitiya gerontologii i geriatrii v Rossii: problemy sozdaniya sistemy geriatricheskoy pomoschi. Ch. 1: Aktual'nost', normativnaya baza* [A new stage of development of gerontology and geriatrics in Russia: problems of creation of a geriatric care system. Part 1. Relevance, regulatory infrastructure]. *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology]. Vol. 30, no. 2, pp.158–168. DOI: <https://doi.org/10.1134/s2079057018010022>.
- Chernyshov, P. (2016). *Dom prestarelykh i sotoyatel'nykh* [Home for the elderly and wealthy]. *Gazeta.RU*. Oct. 3. Available at: https://www.gazeta.ru/business/realty/2016/10/03_a_10224179.shtml#page1 (accessed 21.02.2019).
- Doklad o rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Ministerstva truda i sotsial'noy zaschity Rossiyskoy Federatsii na 2015–2017 gody* [Report on the results and main activities of the Ministry of labour and social protection of the Russian Federation for 2015–2017]. Available at: <https://rosmintrud.ru/ministry/about/reports/2> (accessed 21.02.2019).
- Federal'nyy projekt «Starshee pokolenie» 01.01.2019–31.12.2024* [Federal project «Older generation» from January 1, 2019 to December 31, 2024]. Available at: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/3> (accessed 21.02.2019).
- Gontmakher, E.Sh. (2012). *Problema stareniya naseleniya v Rossii* [Problem of population ageing in Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 1. pp. 22–29.
- GOST R 52498-2005. Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sotsial'noe obsluzhivanie naseleniya. Klassifikatsiya uchrezhdeniy sotsial'nogo obsluzhivaniya (utv. i vveden v deystvie Prikazom Rostehregulirovaniya ot 30.12.2005 № 535-st)* [GOST R 52498-2005. National standard of the Russian Federation. Social services for the population. Classification of social service institutions (approved and put into effect by the Order of Rostekhregulirovanie of December 30, 2005 No. 535-st)]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200043280> (accessed 21.02.2019).
- Koshkina, A. (2017). *Biznes na starosti* [Old-age business]. *Profil'* [Profile]. Nov. 23. Available at: <https://profile.ru/economics/item/121901-biznes-nastarosti> (accessed 21.02.2019).
- Narodonaselenie mira v 2017 godu* [World population in 2017]. United Nations. Available at: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2017.pdf> (accessed 21.02.2019).
- Naselenie. Social'no-ekonomicheskie pokazateli – 2018 g.* [Population. Socio-economic indicators-2018]. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (accessed 21.02.2019).
- Novokreschenova, I.G., Novokreschenov, I.V. and Senchenko, I.K. (2017). *Ambulatorno-poliklinicheskaya pomosch' litsam pozhilogo i starcheskogo vozrasta* [The outpatient care to the population of elderly and senile ageing]. *Klinicheskaja gerontologija* [Clinical Gerontology]. Vol. 23, no. 3–4, pp. 13–18.
- Ob osnovalh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii. Federal'nyy zakon ot 28.12.2013 No. 442-FZ* [Federal Law «About bases of social service of citizens in the Russian Federation» of December 28, 2013 No. 442-FZ]. Available at: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-28122013-n-442-fz-ob/> (accessed 21.02.2019).
- Ob utverzhdenii Pravil opredeleniya srednedushhevogo dokhoda dlya predstavleniya sotsial'nykh uslug besplatno. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.10.2014 No. 1075* [About the approval of rules of determination of the average per capita income for provision of social services free of charge. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 18, 2014 No. 1075]. Available at: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-18102014-n-1075/> (accessed 21.02.2019).
- O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam naznacheniya i vyplaty pensiy: Federal'nyy zakon ot 03.10.2018 No. 350-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal law «About modification of separate legal acts of the Russian Federation concerning appointment and payment of pensions» No. 350-FZ of October 3, 2018]. Available at: <http://prezident.org/articles/federalnyi-zakon-350-fz-ot-3-oktjabrja-2018-goda-04-10-2018.html> (accessed 21.02.2019).
- O garantirovanii prav zastrakhovannykh lits v sisteme obyazatel'nogo pensionnogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii pri formirovanii i investirovanii sredstv pensionnykh nakopleniy, ustanovlenii i osuschestvlenii vyplat za schet sredstv pensionnykh nakopleniy (s izmeneniyami i dopolneniyami. Federal'nyy zakon ot 28 dekabrya 2013 g. No. 422-FZ)* [Federal law «About guaranteeing the rights of insured persons in system of mandatory pension insurance of the Russian Federation during the forming and investment of means of pension accruals, establishment and implementation of payments at the ex-

pense of means of pension accruals» (with changes and additions) No. 422-FZ, of December 28, 2013]. Available at: <http://base.garant.ru/70552678/> (accessed 21.02.2019).

O sovershenstvovanii organizatsii meditsinskoj pomoschi grazhdanam pozhilogo i starcheskogo vozrastov v Rossiyskoy Federatsii. Prikaz Minzdrava RF ot 28.07.1999 No. 297 [Ministry of Health law «About improvement of organization of medical care to citizens of elderly and old ages in the Russian Federation» No. 297, of July 28, 1999]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1000001063> (accessed 21.02.2019).

O sotsial'nom obsluzhivanii grazhdan pozhilogo vozrasta i invalidov. Federal'nyy zakon ot 02.08.1995 No. 122-FZ [Federal law «About social service of citizens of advanced age and disabled people» No. 122-FZ, of August 2, 1995]. Available at: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-02081995-n-122-fz-o/> (accessed 21.02.2019).

O trudovykh pensiyakh v Rossiyskoy Federatsii. Federal'nyy zakon ot 17.12.2001 No. 173-FZ [Federal law «On labour pensions in the Russian Federation» No. 173-FZ, of December 17, 2001]. Available at: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-17122001-n-173-fz-o/> (accessed 21.02.2019).

Pansionat dlya pozhilykh lyudey: chastnyy ili gosudarstvennyy? [Pension for the elderly: private or public?]. SBHI Research institute – Regional clinical hospital № 1. Available at: <https://stopstarenie.info/obraz-zhizni/pansionat-dlya-pozhilyh-lyudej-139> (accessed 21.02.2019).

Petrov, A. (2015). *Doma prestarelykh v sovremennoy Rossii* [Nursing homes in modern Russia]. *VEK [Wek]*. Aug. 11. Available at: <https://wek.ru/doma-prestarelyx-v-sovremennoj-rossii> (accessed 21.02.2019).

Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2018 [Russian statistical yearbook. 2018]. Federal State Statistic Service. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm (accessed 21.02.2019).

Rossiya v tsifrakh – 2017 g. [Russia in figures-2017]. Federal State Statistic Service. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (accessed 21.02.2019).

Rossiya i strany mira – 2018 g. [Russia and the world – 2018]. Federal State Statistic Service. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_39/Main.htm (accessed 21.02.2019).

Sharashkina, N.V., Ostapenko, V.S. and Rukhina, N.K. (2017). *Geriatrya: differentsirovannyy podkhod k problemam pozhilogo patsienta* [Geriatrics: a differentiated approach to the problems of el-

derly patient]. *Spravochnik poliklinicheskogo vracha* [Consilium Medicum]. No. 5, pp. 12–15.

Shigabutdinov, A.F. (2013). *Puti sovershenstvovaniya mediko-sotsial'noy pomoschi litsam pozhilogo i starcheskogo vozrasta (na primere Respubliki Tatarstan): diss. ... kand. med. nauk* [Ways to improve medical and social assistance to the elderly (on the example of the Republic of Tatarstan): dissertation]. Moscow, 171 p.

Sovremennaya kontseptsiya razvitiya geriatricheskoy pomoschi v Rossiyskoy Federatsii [The modern concept of the geriatric care development in the Russian Federation]. Russian Clinical and Research Center of Gerontology. Available at: <http://rgnkc.ru/koncepcia-geriatricheskoy-pomoshi> (accessed 21.02.2019).

Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii – 2017 g. [Social status and standard of living of the population of Russia – 2017]. Federal State Statistic Service. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_44/Main.htm (accessed 21.02.2019).

Strategiya deystviy v interesakh grazhdan starshego pokoleniya v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 5 fevralya 2016 g. No. 164-r) [Strategy for action in the interests of senior citizens in the Russian Federation until 2025 (app. order of the Government of the Russian Federation, of February 5, 2016 No. 164-p)]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71222816/#ixzz5eU0zR5Ye> (accessed 21.02.2019).

Tkacheva, O.N. (2017). *Perspektivy razvitiya geriatricheskoy sluzhby v rossiyskoy Federatsii* [Perspectives of geriatric service development in the Russian Federation]. *Spravochnik poliklinicheskogo vracha* [Consilium Medicum]. No. 5, pp. 9–11.

Trubin, V.V., Nikolaeva, N.A., Paleeva, M.A. and Gavdifattova, S.N. (2016). *Pozhiloe naselenie Rossii: problemy i perspektivy: Sotsial'nyy byulleten'* [Elderly population of Russia: problems and prospects: Social Bulletin]. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. No. 5, 45 p. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf> (accessed 21.02.2019).

V Rossii osnovnym igrokom na rynke pansionov dlya pozhilyh ostaetsya gosudarstvo (2018) [In Russia, the main player in the market of pensions for the elderly remains the state]. *INVESTINFRA*. Oct. 18. Available at: <https://investinfra.ru/novosti/daryagodunova-o-perspektivah-razvitiya-rynka-pansionov-dlya-pozhilyh-lyudej-v-ramkah-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva.html> (accessed 21.02.2019).

Vsemirnyy doklad o starenii i zdorov'e (2016) [World report on ageing and health]. World Health Organization. Available at: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf;jsessionid=45FC110BAD07A3DB428324F664C0130D?sequence=10 (accessed 21.02.2019).

Zdravookhranenie v Rossii – 2017 g. [Healthcare in Russia – 2017]. Federal State Statistic Service. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_34/Main.htm (accessed 21.02.2019).

Received 26.02.2019

Об авторах

Горошко Надежда Владимировна

кандидат географических наук

доцент кафедры географии, регионоведения и туризма,

Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28;

доцент кафедры гигиены и экологии, Новосибирский государственный медицинский университет, 630091, Новосибирск, Красный пр., 52;

e-mail: goroshko1@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9137-921X>

Емельянова Елена Константиновна

кандидат биологических наук,

доцент кафедры гигиены и экологии

Новосибирский государственный медицинский университет, 630091, Новосибирск, Красный пр., 52;

e-mail: emelen1@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0970-1447>

About the authors

Nadezhda V. Goroshko

Ph.D. in Geographic Sciences

Associate Professor of the Department of Geography, Regional Studies and Tourism, Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Viluyskaya str., Novosibirsk, 630126, Russia;

Associate Professor of the Department of Hygiene and Ecology, Novosibirsk State Medical University, 52, Krasny av., Novosibirsk, 630091, Russia;

e-mail: goroshko1@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9137-921X>

Elena K. Emelyanova

Ph.D. in Biological Sciences,

Associate Professor of the Department of Hygiene and Ecology

Novosibirsk State Medical University, 52, Krasny av., Novosibirsk, 630091, Russia;

e-mail: emelen1@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0970-1447>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Горошко Н.В., Емельянова Е.К. Социально-демографические процессы современной России как индикатор рынка гериатрических услуг и социальной поддержки граждан пожилого возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 241–258.

DOI: [10.17072/2078-7898/2019-2-241-258](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-241-258)

For citation:

Goroshko N.V., Emelyanova E.K. Socio-demographic processes in modern Russia as an indicator of the market of geriatric services and social support for the elderly // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 241–258. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-2-241-258](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-241-258)

УДК 316:334.55

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-259-272

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Беляева Людмила Александровна

Институт философии Российской академии наук

Проблемы развития села и его основной производительной силы — крестьянства не являются центральными в социологическом дискурсе современной российской науки. Довольно ограниченное число исследователей сосредоточивают свое внимание на социоструктурных процессах, происходящих в российской деревне, на изменениях социального статуса, жизненного мира и экзистенциального самоощущения крестьян. А между тем здесь за постсоветские годы произошли кардинальные изменения, которые оказывают влияние на все общество и меняют цивилизационный, культурный, демографический и, наконец, антропогенный ландшафт страны. По данным государственной статистики в России увеличилась численность сельского населения при значительном сокращении занятых в сельском хозяйстве. В отдельных регионах отмечается асимметрия урбанистических процессов с высоким уровнем безработицы в сельской местности. Произошло перераспределение земли, в том числе сокращение сельскохозяйственных земель при концентрации земель в агрохолдингах и крупных фермерских хозяйствах, и сокращение числа работающих мелких частных крестьянских хозяйств, переход их владельцев в группу наемных работников или превращение их в прекариев. Следствием этих процессов стало усиление социального опустынивания: ликвидируются медицинские, образовательные и культурные организации, обслуживающие население, сокращается транспортная доступность поселений и в результате становятся безлюдными прежде обжитые места. Масштабы этих процессов и их последствия недостаточно изучены в социологической литературе, что особенно важно в связи с необходимостью развития самоуправления на селе. В этой связи мы посчитали своевременным обратиться к практике земств и достижениям земской статистики, изучавшей крестьянскую пореформенную Россию. Земские статистические исследования сыграли свою роль в разработке научно-теоретических основ изучения села и крестьянства, заложили базу для социологии села в России. В практическом плане эти исследования вносили ясность в представления о социально-экономической дифференциации деревни, распределении земли, трудовой миграции, обеспеченности и потребности крестьян в учреждениях здравоохранения и образования и др. Земскими статистиками был отработан экспедиционный метод сбора данных — прообраз современных «полевых» исследований в социологии. Деятельность земств как органов самоуправления может быть примером развития местной инициативы и на современном этапе развития российского села.

Ключевые слова: крестьянство, село, перераспределение земли, социальное опустынивание, земская статистика, программы земских исследований, самоуправление.

RURAL LIFE IN RUSSIA: MODERN AND HISTORICAL DISCOURSE

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

The problems concerning the development of rural areas and their key productive force — peasants — are not central to the sociological discourse of modern Russian science. At present, there are not many scientists focusing on socio-structural processes in Russian villages, including the changes in the social status, life world, and existential self-awareness of peasants. Meanwhile, some fundamental changes have taken place

there over the post-Soviet period. They have had an impact on the society in general and altered the cultural, demographic, and anthropogenic landscape of the country. According to statistical data, the rural population has increased in Russia, while the number of those employed in agriculture has substantially reduced. We see the asymmetry of urbanistic processes with the high unemployment rate in rural areas of individual regions. There has occurred redistribution of land, including reduction of farming lands and concentration of land in the hands of agricultural holdings and large farm enterprises. The number of functioning small private farms has decreased, while their owners gradually join the group of wage employees or «precarium». These processes result in increasing *social desertification*: medical, educational, and cultural institutions rendering services to local population are being liquidated, while the transport accessibility of villages is reducing. The scale and consequences of this phenomenon have been insufficiently studied in sociological literature, especially with regard to the development of self-government in rural areas. We consider it timely to recall the practice of *zemstvo* (local municipal administration in Tsarist Russia) and achievements of *zemsky* (territorial) statistics that studied the life of peasants in post-reform Russia. Territorial statistical investigations played an important role in the development of scientific and theoretical framework for studying villages and peasants, as well as laid the foundation for sociology of rural areas in Russia. In practical terms, these studies brought transparency into the perception of issues associated with socio-economic differentiation in villages, distribution of land, labor migration, as well as meeting the needs of peasants in healthcare, educational institutions, etc. Territorial statistical specialists mastered the expeditionary method of data collection, a prototype of modern «field» surveys used in sociology. The activities of territorial councils as self-government bodies can provide an example of successful local initiative aimed at the development of Russia's rural areas at the present stage.

Keywords: peasants, rural areas, redistribution of land, social desertification, territorial statistics, programs of territorial investigations, self-government.

Село и крестьянство в постсоветский период

Пожалуй, ни одна территориальная или поселенческая социальная группа не претерпела таких кардинальных изменений в постсоветский период в России, как сельские жители, в частности крестьянство — основная производительная сила на селе. Эти изменения отразились на численности этой группы и ее доле в составе населения страны, на формах занятости в экономике и ведения хозяйства, на отношениях собственности, в том числе к главному достоянию крестьянина — земле, пространственному распределению и миграции в города и другие поселения, жизненных мирах и повседневной жизни, общественном и индивидуальном сознании сельского населения. Отметим некоторые из этих процессов, как говорится, с фактами, а точнее с цифрами в руках, основываясь на статистических данных последнего десятилетия.

Процессы урбанизации в стране во всей силе проявляются в двух особенностях, связанных с современным этапом развития российского общества. С одной стороны, происходит повышение роли городов и

формирование урбанизированных территорий, когда в ареале крупного города возникает городская агломерация, включающая иногда миллионы жителей. Такие агломерации формируются в разных регионах страны, но наибольшая их концентрация в европейской России. С другой стороны, наблюдаются разнонаправленные изменения численности сельского населения по отдельным территориям страны при его стагнации по стране в целом. С 2010 по 2017 г. доля сельского населения практически была стабильной и составила 26 % населения страны [Социальное положение..., 2017]. Вместе с тем, если Южный, Северо-Кавказский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа показывают рост сельского населения, то в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Уральском округах происходит его сокращение. Такая асимметрия в урбанизационных процессах приводит в ряде регионов к перенаселению, особенно в сельских местностях, к высоким показателям безработицы. Наиболее высокий уровень безработицы и потенциальной рабочей силы в 2017 г. наблюдался в Северо-Кавказском ФО — 13,0 %, в том числе в

Ингушетии 27,1 %, в Чеченской Республике 15,3 %, а также в Республике Тыва (Сибирский федеральный округ) — 25 % экономически активного населения. В среднем по России этот показатель составлял 6,6 % при самых низких показателях в ЦФО (4,0 %) и еще ниже в Москве (1,5 %). Незавершившаяся урбанизация в России объясняет существенные различия в сельской жизни — недостаток рабочей силы в сельских местностях в некоторых регионах страны и ее избыток в других.

В целом в группе безработных сельское население составляет более 50 % в Дагестане, Ингушетии, Карачаево-Черкессии, в Адыгее (75,1 %), Алтае (72,0 %) [Регионы России..., 2018, с. 148–151]. Отсутствие регулярной занятости провоцирует деструктивное поведение безработных молодых людей, в т.ч. их вовлечение в криминальный бизнес. Другое направление имеет изменение численности сельского населения в центральной и северо-западной России. Здесь постепенное естественное выветивание старших поколений сопровождается миграцией молодежи из сельской местности, прежде всего из неперспективных сел и деревень. По России в целом миграционный прирост в сельской местности в 2001–2017 гг. был отрицательным (-47,3 тыс. человек), несмотря на приезд в сельскую местность России жителей зарубежных стран, в основном из стран СНГ. В целом же следует отметить рост активности сельского населения в смене места жительства. Например, в 2017 г. общая миграция населения из сельской местности составила 1 млн. 389,3 тыс. человек; а сколько из них переехало в городские поселения, статистика умалчивает. Наглядным показателем убыли сельского населения служит сокращение количества сельских населенных пунктов. Уже по данным всероссийской переписи населения 2010 г. в четверти сельских населенных пунктов численность населения была менее 10 человек (в основном в центральных и северо-западных регионах России), а в 12,7 % поселений России в целом на дату проведения переписи вообще отсутствовало постоянное население [Численность и размещение населения...]. В

последующие после переписи годы процесс обезлюдивания сельских территорий только усугубился. Это напрямую связано с сокращением числа сельскохозяйственных предприятий, крестьянских и фермерских хозяйств. За 2006–2016 гг. их было ликвидировано 133,5 тыс. [Итоги Всероссийской..., 2018, с. 12–13]. Некоторый рост отмечается только по индивидуальным предпринимателям и личным подсобным и другим индивидуальным хозяйствам населения. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи (ВСХП) в 2016 г. 23,7 % сельскохозяйственных организаций, а также 33,9 % крестьянских (фермерских) хозяйств не вели свою основную деятельность. В ряде регионов число «заброшенных» хозяйств было еще больше. Так, в ХМАО, Московской области и Калининградской области более 50 % сельскохозяйственных организаций не осуществляли сельскохозяйственную деятельность. В ряде регионов отмечена крайне высокая доля «заброшенных» крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств индивидуальных предпринимателей. Например, в Ярославской области доля таких хозяйств достигла 80,7 %. Зафиксировано также увеличение числа не используемых личных и других индивидуальных подсобных хозяйств.

Главная причина неиспользования своих собственных земельных наделов — их низкая рентабельность. В результате на селе возникло новое социальное явление — массовый наем работников (постоянных и временных) в более успешных частных хозяйствах фермерских и индивидуальных предпринимателей. Согласно Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. их число (по-видимому, заниженное, по разным причинам такого занижения) составило почти 165 тыс. человек. Вместе с занятыми на крупных предприятиях число наемных работников весьма значительно. Это — новая социальная группа на селе, которая в перспективе будет только увеличиваться и создавать новую социальную ситуацию, связанную с тем, что часть этих работников уже сейчас отказывается от ведения личного подсобного хозяйства, а

часть пополняет сельский прекариат — слой людей с нестабильной занятостью и низким уровнем жизни. До четверти сельских жителей согласно опросу 2015 г. могут быть отнесены к этой категории населения [Тощенко Ж.Т., Великий П.П., 2018].

Таким образом, в стране происходит интенсивное перераспределение земли. С одной стороны, наблюдается ее концентрация в агрохолдингах и крупных фермерских хозяйствах. Последствия такого перераспределения очевидны — сокращение числа мелких частных хозяйств, переход их владельцев в группу наемных работников в городе или на селе. С другой стороны, активно идет и перевод земель из статуса «земли сельскохозяйственного назначения» в другие статусы: под дачное и жилищное строительство, склады и промышленные производства и т.д. Доля земли сельскохозяйственного назначения в России за период с 1990 по 2015 г. сократилась почти на 40 % — с 37,3 до 22,6 % общей земельной площади. Целью земельной реформы было изменить отношение к земле как к национальному богатству путем введения частной собственности, развития рынка земли и передача ее в руки эффективных собственников, заинтересованных в ее рациональном использовании. Но реализовать эту цель полностью не удалось [Романова Е.К., 2016, с. 6–10]. А что удалось, так это раскрестянить деревню, сократив численность и долю занятых сельскохозяйственным трудом в сельском населении, снизить вес крестьянских хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции, превратить часть крестьян-собственников в наемных работников в городе и на селе, трансформировать традиционную культуру и образ жизни крестьян. Эти тектонические сдвиги в жизни российского села чем-то напоминают «огораживание», но не насильственное, как это было в Великобритании в XV–XVII вв., а добровольное, в силу непреодолимых экономических обстоятельств, созданных в результате либеральных реформ и развития новых форм организации производства на селе. Как итог численность работников,

занятых в сельскохозяйственном производстве, сейчас сокращается — за 10 лет она уменьшилась почти в 2 раза, или на 1 млн. 442 тыс. человек (таблица), также уменьшается общая площадь земель всех категорий хозяйств: за 10 лет с 450 600 тыс. га до 348 363 тыс. [Итоги Всероссийской..., 2018, с. 12–14].

Как видим, при значительной численности сельского населения в целом по России (37,6 млн. человек, или почти четверть населения страны) по итогам последней сельскохозяйственной переписи 2016 г. в сельскохозяйственном производстве было занято только 1 млн. 435 тыс. человек, или около 3 % сельского населения [Итоги Всероссийской..., 2018, с. 122]. Много это или мало для такой страны, как Россия, с ее обширной территорией, численностью населения и технической вооруженностью сельскохозяйственного труда? Не слишком ли поспешно идет сокращение численности работающих на земле, обеспечивающих продуктами не только себя, но и готовых поставлять продовольствие на потребительский рынок? Ведь эти работники вместе с большими хозяйствами должны ни много ни мало, а обеспечить продовольственную безопасность страны, наполнять активной производительной жизнью многочисленные сельские поселения, чтобы они не умирали, а развивались. А для этого недостаточно только наращивать высокотехнологичное производство продовольствия в крупных хозяйствах, необходимо поощрять и поддерживать малые, экологические производства. Думается, что наряду с интенсификацией производства продовольствия следует обеспечить развитие отдельных сельских мест за счет рекреационных функций и экологического производства продуктов, диверсифицировать отрасли экономики на селе. Это будет снижать риски миграции сельского населения и обезлюдивания обширных сельских местностей России.

*Численность постоянных работников, занятых
в сельскохозяйственном производстве (2006, 2016 гг.), тыс. чел.*

2006	2016	2006	2016	2006	2016	2006	2016
2447,2	1137,6	377,0	243,2	53,3	54,4	2877,5	1435,2
Сельскохозяйственные организации		Крестьянские (фермерские хозяйства)		Индивидуальные предприниматели		Итого	

Изменения в организационных формах производства и трудовых ресурсах на селе тесно связаны с изменениями в поземельных отношениях. За 10 лет, прошедших между сельскохозяйственными переписями, общая площадь сельскохозяйственных угодий уменьшилась в хозяйствах всех категорий на 14 % и составила 142,7 млн. га (из них используется 88 млн. га). Сельскохозяйственные угодья распределяются по категориям хозяйств следующим образом: сельскохозяйственным организациям принадлежат 90,2 млн. га, из них фактически используется 89 %; крестьянским (фермерским) хозяйствам и индивидуальным предпринимателям — 39,6 млн. га, фактически используется 92 %; хозяйствам населения — 12,9 млн. га, фактически используется 66 %. Данные переписи свидетельствуют о концентрации производственных ресурсов в крупных хозяйствах всех категорий, что создает для мелких производителей такие условия конкуренции, в которой они не могут выжить без поддержки извне. Сейчас эта поддержка недостаточна в силу ограниченных возможностей государства и игнорирования международного опыта развития аграрных холдингов, которые в нашей стране не взаимодействуют с фермерскими и индивидуальными производителями, развиваясь автономно от других форм хозяйствования на земле [Барсукова С.Ю., 2016, с. 33–58]. Это наносит непоправимый вред нормальной многоукладности аграрной экономики, что сказывается неблагоприятным образом на жизнедеятельности сельского населения и прежде всего крестьянства. Наибольшее влияние на традиционную сельскую жизнь оказывает концентрация земли в крупных хозяйствах. По итогам переписи число сельскохозяйственных организаций, имеющих свыше 10 тыс. га земельной площади, составляет около 3 тыс. (9 % от общего числа организаций, имеющих землю), но на их долю приходится более 80 % земли. Среди крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей удельный вес хозяйств, имеющих свыше 3 тыс. га земельной площади, составляет 1,5 % (2 тыс. хозяйств), на их долю приходится треть

земельной площади. Сокращение земли в мелких хозяйствах вместе с отсутствием значительной государственной поддержки не способствует развитию этих хозяйств и закреплению трудовых ресурсов на земле.

Помимо выполнения своих производственных функций предприятия на селе обеспечивают и возможность поддержания и развития социальной и культурной жизни на этих территориях. Для России с ее пространствами и рассеянным по этим пространствам населением это жизненно необходимо. Процессы **социального опустынивания**, когда сокращаются или просто ликвидируются медицинские, образовательные и культурные организации, обслуживающие население, сокращается транспортная доступность поселений, стали заметным трендом в изменении сельской жизни на больших территориях. Если раньше на них располагались разного масштаба объекты сельскохозяйственного производства, то теперь они обезлюдели или были вообще ликвидированы из-за отсутствия населения. За 10 лет (с 2006 по 2016 г.) число сельскохозяйственных организаций сократилось с 59,2 тыс. до 36,0 тыс., или в 1,6 раза. При этом значительно сократилось число крестьянских и фермерских хозяйств — почти в 2 раза, немного выросла численность индивидуальных предпринимателей и индивидуальных хозяйств населения. Безработица, трудности с организацией своего предприятия, сложности со сбытом продукции и ценообразованием создают для сельскохозяйственных производителей многочисленные преграды, часто вынуждающие их ликвидировать собственное производство, а нередко и оставлять свои родные места вслед за закрытием школ и медицинских учреждений.

Даже этот краткий обзор структурных сдвигов в сельской жизни современной России показывает, что в этой сфере уже произошли и продолжают существовать существенные изменения, оказывающие влияние на общество в целом и особенно на жизнь сельских жителей. Но нужно подчеркнуть, что точных сведений о масштабах изменения социальной сферы на селе государственная статистика не

предоставляет. Муниципальная статистика включает очень ограниченный набор показателей, относящихся в основном к развитию производственной сферы. Социальные показатели даются в обобщенном виде, без указания доступности учреждений здравоохранения и образования для жителей разных поселений. Даже Всероссийская сельскохозяйственная перепись, которая сосредоточена в основном на фиксации хозяйственных ресурсов в сельской местности, не дает представления по многим аспектам сельской жизни, например, развитию на селе предпринимательства, кустарных промыслов, отходничества, по обеспеченности жителей социальными и культурными услугами. Из ее данных не видно, в скольких сельских поселениях есть медицинские организации и образовательные учреждения и какого профиля, где есть клубы и библиотеки, насколько отдалены от сельских жителей пункты медицинской помощи, культурные и образовательные учреждения, другие социальные услуги.

Исследованию глобальных трансформаций современного села посвящены многие работы экономистов, географов, социальных философов и, конечно, социологов. Но следует отметить, что эти исследования носят точечный характер, они не охватывают всю сельскую Россию, что для отдельных ученых и исследовательских коллективов, разумеется, невозможно. Было бы более ожидаемо получить подробную картину сельской жизни в ее максимальных подробностях от статистических исследований, подобных тем, которые проводились в России в конце XIX – начале XX в. земскими учреждениями. Организация работы этих учреждений, проведение или статистических исследований, мероприятия по развитию здравоохранения и образования, по решению других насущных проблем жизни крестьянства — это интересный опыт развития самоуправления в сельской местности, особенно до начала контрреформ 90-х гг. XIX в., ограничивших самостоятельность земств.

Поэтому было бы своевременным напомнить о тех достижениях земской статистики, которые сыграли свою роль как в разработке научно-теоретических основ

изучения крестьянства, заложивших базу для социологии села в России, так и в практическом плане. В конце XIX – начале XX в. был собран богатый эмпирический материал о состоянии поземельных отношений, социальном составе жителей деревни, движениях сельского населения, их трудовых практиках и социальных условиях жизни. Многие из этих материалов доступны и ждут своих исследователей — тех, которые интересуются проблемами развития сельской России на рубеже XIX–XX вв. Возможно, они будут полезны и нашим современникам, изучающим сельскую жизнь современной России.

Особо следует отметить роль, которую играло земское движение не только в «узнавании» крестьянства и помощи в организации его жизни, но и в первых шагах по развитию самоуправления в России, а также в возникновении элементов гражданского общества. Деятельность земств оказалась в эпицентре борьбы консервативных и либеральных сил России [Пирумова Н.М., 1977], но это тема специальной статьи.

Предшественники земских исследований в России

Земские исследования, если говорить преимущественно о статистических разработках, возникли в России как продолжение существовавших ранее исследований ведомственной статистики, как инициированной государством, так и в виде местных инициатив. Прежде всего следует вспомнить выдающегося статистика своего времени *Д.П. Журавского*, который оставил такое большое творческое наследие, которое долгие годы питало развитие статистической науки в России, а разработанная им методология и методика использовались земскими статистиками. Впервые в отечественной науке он поставил под сомнение достоверность и пригодность официальных статистических данных, впервые уделил должное внимание методу группировок, считая, что основным методом анализа является выделение и изучение «одновидных частей», категорий, групп, а для этого нужно рассчитывать не только общие средние, но и групповые средние. В составленном им «Плане

статистического описания губерний Киевского учебного округа» [Журавский Д.П., 1851] в составе населения выделялось девять классов и сословий, при этом каждый должен был быть описан по следующим показателям: численный состав с подразделением на виды и распределением по местностям; естественное движение, миграция, средства существования; домашний быт, объясняемый описанием жилищ, убранства, одежды, пищи; приблизительное исчисление потребностей и годовых расходов в семьях богатых, средних и бедных; особенности, относящиеся к нравам, обычаям. Подробно определены профессиональная и отраслевая структура работающего населения, доходы различных групп. Кроме того, в Плане содержались требования для «Обозрения учебных заведений и местной образованности», «Обозрения врачебных заведений» и другие методические материалы для сбора данных не только по хозяйственным вопросам, но и социальным условиям жизни населения.

Свою лепту в подготовку методологических и методических вопросов проведения земских исследований внес *П.П. Семенов* (после 1906 г. Семенов-Тян-Шанский), возглавивший в 1864 г. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел, который занимался преимущественно вопросами статистики населения и некоторыми вопросами хозяйственной статистики, главным образом статистики сельского хозяйства. Он был активным организатором и руководителем первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. *П.П. Семенов* впервые в России на материалах обследования поземельной собственности в 428 уездах России применил метод группировок крестьянских хозяйств по степени зажиточности и проанализировал экономические различия в их составе. Семеновым впервые предпринята попытка составления монографических крестьянских бюджетов, которая послужила образцом для последующей работы земств при подворных переписях крестьянских хозяйств.

В 60-е гг. XIX в. появляются многочисленные программы для исследования различных сторон жизни крестьянства, нового порядка земельных отношений, а также

функционирования русской общины как социального института. Первую программу систематического изучения общины разработал *А.С. Постников* в Ярославском статистическом комитете. В 1878 г. почти одновременно были опубликованы программы, разработанные Русским географическим обществом и Вольно-экономическим обществом, программа *П.С. Ефименко*. С учетом этих программ в Вольно-экономическом обществе было подготовлено второе издание программы, которая и стала для земских статистиков руководством при изучении пореформенной деревни [Программа для собирания..., 1879].

В рамках ведомственной статистики для изучения поземельных отношений в России было проведено несколько переписей поземельной собственности: 1877–1878 гг., 1881, 1905 и 1907 гг. Так, в переписи 1905 г. с разной полнотой и разным охватом уездов была представлена весьма детальная характеристика распределения земли между различными владельцами — земли в частной собственности и земли в собственности обществ и товариществ. В первой группе выделялись земли дворян, духовных лиц, купцов и почетных граждан, мещан, крестьян, иностранных подданных. Во второй группе — земли целых обществ, в том числе крестьянских, и земли товариществ с дальнейшим выделением в их составе земель крестьянских, мещанских, смешанных, разносословных, торгово-промышленных и фабричных. Проводилось разделение и других видов земель — наделные, государственные, церковные и др.

Вместе с тем ведомственная статистика XIX и начала XX в. не позволяла более подробно знакомиться с особенностями постановки дела просвещения и здравоохранения, особенно в сельской местности, что в значительной мере было исправлено земской статистикой.

Земские статистические исследования

В ходе реформ 1860-х гг. в 33 губерниях, в основном в центральной части России, были созданы органы местного самоуправления, получившие наименование земских. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. [Положение о губернских и уездных..., 1864] давало им право на участие

в местных хозяйственных делах, и это их участие почти сразу стало очень активным. Местное самоуправление озаботилось содержанием дорог и путей сообщения, строительством и содержанием школ и больниц, приемом на работу медицинского персонала — врачей и фельдшеров, устройством курсов для обучения населения разным полезным в практической деятельности навыкам, развитием местной торговли и промышленности, обеспечением народного продовольствия (устройство хлебных складов, семенных депо), развитием скотоводства и птицеводства, взиманием налогов на местные нужды и др. Создание земских учреждений в России — беспрецедентный случай развития самоуправления в стране, только что вышедшей из крепостного состояния. Земское самоуправление активно развивалось, противодействуя бюрократическому порядку, вплоть до серии контрреформ 90-х гг., которые попытались ограничить сферу влияния земств, но повсеместно встречали их сопротивление. Мероприятия земств финансировались за счет местных налогов и частично (например, содержание школ) за счет государственного бюджета.

Сначала земская статистика возникла как оценочная для осуществления налогообложения, которое давало средства и для деятельности самого земства. Но позже были поставлены задачи изучать экономическую и социальную жизнь России и, прежде всего, положение русской деревни и крестьянства.

С середины 70-х гг. в течение пяти-шести лет в большинстве губерний при земствах были созданы специальные статистические бюро. Уже к концу 1894 г., т.е. за 15 лет активной статистической деятельности, земствами были собраны, разработаны и опубликованы материалы крестьянских подворных переписей по 172 уездам, охватившим около 4 млн. крестьянских дворов. Это составляло около четверти всего населения России. Программы исследований были значительно шире, а достоверность получаемых сведений намного превосходила официальную правительственную статистику [Елисеева И.И., 2013].

Земства сосредоточивали главное внимание на изучении крестьянских хозяйств, доходности земель, кустарных промыслов, социальных условий жизни села, здравоохранения и народного образования, крестьянских бюджетов.

Существенное влияние на работы первых русских земских статистиков оказало исследование, которое в Данковском уезде Рязанской губернии в 1877 г. провел П.П. Семенов. В Мураевенской волости этого уезда он изучал формы крестьянского землевладения и провел подворную перепись. В опубликованной работе П.П. Семенов поставил ряд ценных методических вопросов: как должны быть составлена программа, сформулированы вопросы и проведен сам опрос. Он считал, что при составлении программы нужно избегать всякой отвлеченности, так как крестьянин мыслит конкретно. Его разъяснения напоминают нам страницы некоторых современных учебников по проведению социологических опросов, но следует учитывать, что написано это было почти 140 лет назад. Семенов писал, что при отвлеченной, недоступной пониманию крестьянина постановке вопроса или тенденциозной его форме исследователь легко собьет крестьянина и вложит ему в уста тот ответ, который заранее сложился в голове исследователя, тогда как на всякий конкретный, поясненный примером вопрос исследователь получит вполне отчетливый ответ. Не следует подделываться, пишет Семенов, под местный крестьянский говор, потому что крестьянин инстинктивно чувствует в плохой подделке фальшь, видит в ней неискренность опрашиваемого и сам начинает относиться к нему неискренне. Русский крестьянин откровенен и честен в своих показаниях при двух условиях: при полной уверенности его в доброжелательности к нему со стороны лица, его опрашиваемого, и при отсутствии всякой формальной официальной обстановки при его опросе. П.П. Семенов летом 1877 г. лично посетил все дворы Мураевенской волости, у части домохозяев он составил бюджетные описания, использовал другие источники, например, книги договоров за несколько лет, постановления волостных судов и сельских сходов. Описание Мураевенской

волости послужило образцом для последующих исследователей не только по методам сбора данных, но и по приемам сведения и обработки подворных переписей [Семенов П.П., 1880].

Трудно переоценить влияние на развитие земских статистических исследований работ выдающегося ученого *В.И. Покровского*. Используя монографический метод, он исследовал ряд селений в Тверской губернии, в которых были при этом произведены и подворные переписи. Составленная В.И. Покровским программа включала 243 вопроса и содержала учет численности населения по полу, выявление условий, способствующих смертности. В программу были включены и вопросы землевладения, характеристики расселения жителей и описания построек. Много вопросов относилось к отраслям сельского хозяйства, его доходности, к данным об арендных ценах и ценах на рабочие руки. Были в программе и разделы, посвященные промышленности, в том числе мелкой, торговым заведениям, кредитным учреждениям и условиям частного кредита, состоянию дорог, денежным и натуральным повинностям. Последние разделы были посвящены вопросам народного здоровья, условиям призрения стариков и сирот, распространенности грамотности, о школах и числе учащихся. В заключение давались сведения о бюджетах различных по состоятельности хозяйств.

Из Программы В.И. Покровского 86 вопросов было включено в программу, которую в 1878 г. в Московской губернии реализовал *В.И. Орлов*.

В.И. Орлов почти 10 лет возглавлял Московское земство, где был разработан специальный тип в земских исследованиях — так называемый *промысловый*. Для него было характерно изучение общих условий жизни населения с помещением в центр исследования общины и описание кустарных промыслов и отходничества, которыми занималось население Московской губернии. Основным документом при сборе информации в Московском земстве была *подворная карточка*. Сведения собирались путем опроса крестьян на сходах, что давало возможность устранять ошибки в ответах в ходе сбора материалов и контролировать правильность ответов.

Характеристики каждого селения отражались в поселенческом бланке, содержащем вопросы о качестве земли, ее распределении, урожае, об аренде земли, о формах владения, об отраслях хозяйства, о народном образовании, об общественном призрении и т.д.

Практически одновременно с московским было проведено исследование Черниговским земством под руководством *П.П. Червинского*. Этот тип исследования, названный *черниговским*, главным предметом изучения ставил землю — ее использование и распределение. Заслугой черниговских статистиков стало использование нового приема обработки данных — так называемых *комбинационных таблиц*. В этих таблицах, впервые используемых в России, группировка крестьянских дворов проводилась последовательно по следующим признакам: по размеру землевладения, по количеству и роду скота, по количеству рабочих мужчин в семье. Комбинационные таблицы Черниговского земства (их автор *А.П. Шликевич*) сразу обратили на себя внимание земских статистиков и получили широкое распространение. А впоследствии московский тип исследования стал использоваться повсеместно, в том числе в Черниговской губернии.

Бюджетные исследования Воронежского земства

Помимо подворных переписей крестьянских хозяйств проводились выборочные бюджетные обследования. Особая заслуга в развитии бюджетных исследований принадлежит Воронежскому земству, которое с 1884 г. начало планомерное и массовое изучение крестьянских бюджетов. *Ф.А. Щербина* — заведующий статистическим бюро земства — впервые применил монографический метод в бюджетах с отбором так называемых «типических хозяйств». В 1900 г. он опубликовал 230 бюджетных монографий, собранных по Воронежской губернии за 9 лет (с 1887 по 1896 г.). Воронежское земство впервые провело в 1900 г. повторное изучение бюджетов в тех же хозяйствах, которые обследовались в 1885 г. В дореволюционной России это был единственный случай построения динамических бюджетных

показателей. Воронежская программа бюджетных исследований была положена в основу исследований почти всех остальных земств [Дорофеева О.П., 2007].

Основным методом наблюдения при проведении земских исследований был экспедиционный, в котором принимали участие члены земского статистического бюро с привлечением квалифицированных кадров — сельской интеллигенции.

Земская статистика просвещения и санитарная статистика

Земства проводили большую работу по развитию народного образования, ставя задачу достижения всеобщей грамотности населения. При этом большое внимание уделялось статистическому изучению состояния народного просвещения. Сначала эти работы велись в рамках общего статистического исследования, а позднее стали оформляться как специальная статистика просвещения. Уровень грамотности изучался с группировками отдельно по полу и по занятости отхожими промыслами. По данным земских подворным переписей, проведенных в 1908–1913 гг. в 12 губерниях (69 уездов), грамотность среди сельского населения составляла 24–25 % [Рашин А.Г., 1951].

Собираемая земствами статистика народного образования имела несколько направлений [Абрамов В.Ф., 1996, с. 83–87]. 1. Сведения о школах: их количество, типы, наличие отделений. 2. Сведения об учащихся: общее количество, распределение по полу и по отделениям, движение учащихся — вновь принятых и выбывших в течение года, окончивших и оставленных в прежних отделениях, количество получивших отказы в приеме с указанием причин отказов, проведенные развлечения для учащихся и другие сведения. 3. Сведения об учителях: пол, количество, семейное положение, образование, педагогический стаж, в том числе в данном уезде и в данной школе. Собирались даже сведения о судьбе учителей, оставивших работу в данной школе, и другая информация. 4. Сведения о внутренней жизни школы: продолжительность учебного времени, количество учебных дней в году по месяцам, причины перерывов в учебных занятиях,

продолжительность курса обучения, преподавание дополнительных предметов, количество школ, имеющих библиотеки для внеклассного чтения, экскурсии, внеклассные занятия и т.п. сведения по внутришкольной деятельности. 5. Сведения по прочим вопросам школьной жизни: организация горячих завтраков, ночлега для учащихся и т.п. 6. Данные о бюджете: пожертвования частных лиц и учреждений с указанием назначения пожертвования и т.д.

Характерно, что обработанные результаты исследований публиковались в отдельных изданиях и рассылались всем заинтересованным должностным лицам и по всем школам уезда. Статистические сведения, получаемые земствами, довольно подробно представляли состояние народного образования, тех проблем, с которыми сталкиваются земские школы того или иного уезда или губернии в процессе обучения детей и в подготовке учителей. Открытие школ, их содержание и подготовка учителей были приоритетом для земств. По сути, земства создали первые сельские школы в России, в которых к 1913 г. обучалось около 2 млн. детей. За годы существования земств было открыто 28 тыс. школ и подготовлено 45 тыс. учителей.

Санитарная статистика в земствах возникает одновременно с первой земской участковой лечебницей, поскольку медицинское обслуживание населения являлось одной из задач, решавшихся земствами. Предметом исследования земских санитарных статистиков являлись монографические описания санитарных условий жизни населения, изучение заболеваемости населения, его смертности, рождаемости, естественного прироста, физического развития, профессиональных заболеваний. Многие видные деятели земской санитарной статистики: *Ф.Ф. Эрисман*, *Е.А. Осипов*, *С.М. Богословский*, *С.А. Новосельцев* и другие создавали методики и проводили исследования медико-санитарного состояния фабрик и заводов Московской губернии, изучали динамику заболеваний отдельных профессиональных групп, рабочих, исследовали различия смертности городского и сельского населения Европейской России.

Обобщение опыта санитарных статистиков содержится в книге *П.И. Куркина* — одного из основоположников русской санитарной статистики [Куркин П.И., 1912]. С 1896 г. в течение 20 лет он возглавлял санитарно-статистическое отделение Московского губернского земства. С его именем связано создание так называемой Пироговской классификации и номенклатуры болезней, названной так в память русского хирурга Н.И. Пирогова. П.И. Куркин вместе с С.М. Богословским положил начало статистике профессиональной заболеваемости. В фундаментальном труде «Статистика движения населения Московской губернии в 1883–1897 гг.» П.И. Куркин показал влияние экономических и социальных факторов на демографические процессы [Куркин П.И., 1902].

Земские исследования можно рассматривать как выдающееся достижение российской науки и практики по всестороннему изучению экономических и социальных проблем российского общества конца XIX – начала XX в. Методология и методы были столь хорошо разработаны и с таким знанием и тщанием применены земскими статистиками, что вызывают восхищение и сейчас. Своего совершенства достиг применяемый в земских исследованиях экспедиционный метод с привлечением местных квалифицированных кадров из числа интеллигенции.

Деятельность земских статистиков была прекращена с началом Первой мировой войны. Как с горечью писал русский статистик, экономист, общественный деятель А.И. Чупров, многие тома ценнейших сведений лежат в пыли библиотек. Он выражал надежду, что в будущем их изучат и по ним будет создана ясная картина жизни России в конце XIX в. [Елисеева И.И., Дмитриев А.Л., 2013, с. 61].

Заключение

Что же ценного можно извлечь из опыта земских исследований для современного изучения сельской России и для развития современного села?

Во-первых, существовала определенная материальная база для деятельности земств и статистических исследований, формируемая из

местных налогов. Таким образом, самоуправление, а в рамках него и статистические исследования были обеспечены местными средствами и мало зависели от централизованного распределения. Самостоятельное определение направлений исследования, изучение потребностей населения «своего» земства с использованием собственных средств явилось лучшим и действенным способом для выявления и решения актуальных для населения проблем.

Во-вторых, исследования проводились с использованием передовых методов сбора и обработки информации. Дифференцированно изучались и община, и крестьянский двор, и владельческие хозяйства. По крестьянским хозяйствам анализ позволял получать не только средние данные, но и данные по основным признакам крестьянского двора, составлять комбинационные таблицы. Это давало возможность представить социально-экономическую дифференциацию деревни, распределение земли, определять направления, как бы мы сказали сейчас трудовой миграции (отходничества), изучать бюджеты хозяйств разного типа и т.д. Земскими статистиками был отработан экспедиционный метод сбора данных — прообраз современных «полевых» исследований в социологии.

В-третьих, земская статистика давала довольно полное представление о социальных условиях жизни крестьянства: санитарном состоянии деревни, заболеваемости сельских жителей, эпидемиологической обстановке, а также об обеспеченности детей школами, о потребностях в учителях, условиях обучения. Земские школы строились повсеместно, к началу XX в. многие земства начали проектировать школьные сети с учетом большей доступности школ для детей из разных сельских поселений. Собственные средства земств и государственные кредиты на возведение школ были под полным контролем земских организаций.

Деятельность земств как органов самоуправления оправдывает обращение к их опыту изучения сельской жизни и крестьянства, она может служить примером и на современном этапе развития села, примером развития местной инициативы. При этом важным принципом деятельности земств была гласность, которая

провозглашалась в Положении о земствах 1864 г. Сметы, документы, отчеты, материалы ревизий публиковались в «Губернских ведомостях» для всеобщего ознакомления без предварительной цензуры. Позже были введены ограничения на свободу информации, а печать материалов стала возможна только с разрешения губернатора. Но при всех ограничениях самостоятельности земств со стороны правительственных учреждений они оставались настоящими исследователями сельской жизни и защитниками интересов сельского населения России.

На рубеже XIX–XX вв. методы, разработанные земскими статистиками, стали активно использоваться в социологических и этносоциологических исследованиях, вне всякого сомнения, они дали толчок для развития эмпирической социологии в России, стали образцом для многочисленных опросов, которые проводились среди разных слоев населения в начале XX в. и в первые годы после революции 17-го года. Так, самый известный российский социолог XX в. Питерим Сорокин разработал программу по изучению Зырянского края, которая содержала вопросник, состоящий из 65 вопросов, посвященных изучению быта, семейных и общественных отношений, верованиям и культурам населения этого края.

Земские исследования, к сожалению, мало пользуются вниманием со стороны современных социологов. Можно назвать лишь ограниченное число публикаций, содержащих анализ достижений и неиспользованных возможностей земской статистики [Беляева Л.А., 2004; Ровбель С.В., 2015; Толстова Ю.Н., 2013]. Характерно, что в этих работах подчеркивается высокий методический уровень проводившихся исследований, разработанные передовые методы анализа, в том числе с использованием математических методов обработки данных¹. Нужно

справедливо оценить эти работы земских статистиков как ответственное служение своему общественному долгу, их нравственное отношение к предмету исследования — жизни сельского населения России, которую они хотели улучшить.

Современные социологические исследования села в России развиты непросто слабо. Только в немногих научных центрах проводятся исследования актуальных проблем сельской жизни весьма немногочисленными исследователями при скудном финансировании. Но составить полное представление о сельской России, проанализировать экономические и социально-культурные характеристики жизни российского села эти точечные исследования не могут. Такой объем работы может быть выполнен только сетью научных организаций, расположенных по всей территории страны. И земские исследования в России на рубеже XIX–XX вв. показывают, что такой объем работы по силам такого рода сети. В отношении статистики, в том числе социальной, эту работу могут выполнить статистические органы при условии совершенствования системы показателей. Но представить объемную картину жизни российского села, самочувствие жителей, их оценку перспектив жизни на селе, отношение к поземельной собственности и др. могут только профессиональные социологические исследования, необходимость развития которых очевидна.

Список литературы

- Абрамов В.Ф. Земская статистика народного образования // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 83–87.
- Барсукова С.Ю. Дилемма «фермеры–агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 63–74.
- Беляева Л.А. От изучения сельской общины к

¹ Так, Институт аграрной социологии совместно с ИСПИ РАН проводят с 1991 г. в мониторинговом режиме исследования междисциплинарного характера: «Земельные реформы и земельные отношения в России»; «Либеральная модернизация сельского хозяйства России», а также «Российское единоличное крестьянство и фермерство». Продолжается и начатый в 1970-е гг. поисковый проект «Традиционные крестьянские

общества», получивший с 1990 г. название «Традиционные крестьянские общества в условиях глобализации». Крупномасштабные обследования сельского хозяйства и российской деревни осуществляет Центр мониторинга социально-трудовой сферы села РАСХН и Минсельхоза. Плодотворные крестьяноведческие исследования проводит коллектив саратовского Института аграрного производства РАН, социально-политические аспекты аграрных реформ исследуются в нижегородской Агроакадемии.

социологии села // Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2004. С. 51–71.

Дорофеева О.П. Общественно-политическая деятельность Ф.А. Щербины в Воронежском крае в конце XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. 253 с.

Елисеева И.И., Дмитриев А.Л. История российской государственной статистики: 1811–2011 / Росстат. М.: Статистика России, 2013. 143 с.

Журавский Д.П. План статистического описания губерний Киевского учебного округа. Киев, 1851. 59 с.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: в 8 т. Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. Кн. 1. 458 с.

Куркин П.И. Земская санитарная статистика: Опыт построения ее схемы. М., 1912. 35 с.

Куркин П.И. Статистика движения населения Московской губернии в 1883–1897 гг. М., 1902. 562 с.

Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977. 288 с.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. Отд. I. Т. 39, № 40457. С. 1–10.

Программа для собирания сведений о сельской поземельной общине, выработанная III Отделением Вольного экономического общества. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1879. 60 с.

Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в XIX и в начале XX в. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 126–147.

Регионы России. Социально-экономические показатели 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

Ровбель С.В. Земская статистика и развитие эмпирической социологии в России // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2, № 4. С. 133–145. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2015-4.2-133-145>.

Романова Е.К. Состояние и динамика развития земельного фонда РФ // Инновационная экономика: матер. III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 6–10.

Семенов П.П. Мураевенская волость // Сборник материалов для изучения

сельскопоземельной общины в России / Изд. Императорского Вольно-экономического общества. СПб., 1880. С. 37–158.

Сорокин П.А. Программа по изучению зрянского края // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 139–141.

Социальное положение и уровень жизни населения России – 2017 / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_44/Main.htm (дата обращения: 25.02.2019).

Толстова Ю.Н. Возросла ли эффективность методов социологических исследований в России за последние 100 лет? // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 59–69.

Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27, № 1. С. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33>.

Численность и размещение населения / Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.02.2019).

Получено 07.03.2019

References

Abramov, V.F. (1996). *Zemskaya statistika narodnogo obrazovaniya* [Zemstvo statistics of public education]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9, pp. 83–87.

Barsukova, S.Yu. (2016). *Dilemma «fermery–agrokholdingi» v kontekste importozamescheniya* [The dilemma of the «farmers vs agricultural holdings» in the context of import substitution]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Sociological Research]. No. 5, p. 63–74.

Belyaeva, L.A. (2004). *Ot izucheniya sel'skoy obshchiny k sotsiologii sela* [From the study of the rural community to the sociology of the village]. *Empiricheskaya sotsiologiya v Rossii i Vostochnoy Evrope* [Empirical sociology in Russia and Eastern Europe]. Moscow: HSE Publ., pp. 51–71.

Chislennost' i razmeshcheniye naseleniya [Population size and distribution]. *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010* [All-Russian Population Census 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 25.02.2019).

- Dorofeeva, O.P. (2007). *Obschestvenno-politicheskaya deyatel'nost' F.A. Scherbiny v Voronezhskom krae v kontse XIX – nachale XX vekov: dis. ... kand. ist. nauk* [Social and political activity of F. A. Shcherbina in the Voronezh region in the late 19th – early 20th centuries: dissertation]. Voronezh, 253 p.
- Eliseeva, I.I. and Dmitriev, A.L. (2013). *Istoriya rossiyskoy gosudarstvennoy statistiki: 1811–2011* [History of the Russian state statistics: 1811–2011]. Moscow: Statistics of Russia Publ., 143 p.
- Itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda: v 8 t. T. 1: Osnovnyye itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda* [The results of the All-Russian Agricultural Census 2016: in 8 vols. Vol. 1: The main results of the All-Russian Agricultural Census 2016]. Federal State Statistics Service, Moscow: Statistika Rossii, book 1, 458 p.
- Kurkin, P.I. (1902). *Statistika dvizheniya nasele-niya Moskovskoy gubernii v 1883–1897 gg.* [Statistics of population movement in Moscow province in 1883–1897]. Moscow, 562 p.
- Kurkin, P.I. (1912). *Zemskaya sanitarnaya statistika: Opyt postroeniya ee skhemy* [Zemstvo sanitary statistics: the Experience of building its scheme]. Moscow, 35 p.
- Pirumova, N.M. (1977). *Zemskoe liberal'noe dvizhenie. Sotsial'nyye korni i evolyutsiya do nachala 20 veka* [Zemstvo liberal movement. Social roots and evolution until the beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka Publ., 288 p.
- Polozhenie o gubernskikh i uezdnykh zemskikh uchrezhdeniyakh ot 1 yanvarya 1864 goda* [Regulations on the provincial and district zemstvo institutions from January 1, 1864]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian empire]. Dep 1, vol. 39, no. 40457, pp. 1–10.
- Programma dlya sobiraniya svedeniy o sel'skoy pozemel'noy obschine, vyrabotannaya III Otdeleniyem Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva* (1879) [Program for collecting information about the rural land community, developed by the 3rd Division of the Free Economic Society]. Saint-Petersburg, 60 p.
- Rashin, A.G. (1951). *Gramotnost' i narodnoe obrazovanie v XIX i v nachale XX v.* [Literacy and public education in the 19th and early 20th century]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Vol. 37, pp. 126–147.
- Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli 2018: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators 2018]. Rosstat, Moscow, 2018, 1162 p.
- Romanova, E.K. (2016). *Sostoyanie i dinamika razvitiya zemel'nogo fonda RF* [State and dynamics of the land Fund of the Russian Federation]. *Innovatsionnaya ekonomika: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', oktyabr' 2016 g.)* [Innovation economy: proceedings of the 3rd International scientific conference (Kazan, October 2016)]. Kazan: Buk Publ., pp. 6–10.
- Rovbel', S.V. (2015). *Zemskaya statistika i razvitiye empiricheskoy sotsiologii v Rossii* [Territorial statistics and development of empiric sociology in Russia]. *Idey i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 2, no. 4, pp. 133–145. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2015-4.2-133-145>.
- Semenov, P.P. (1880). *Muraevenskaya volost'* [Muraevensk volost]. *Sbornik materialov dlya izucheniya sel'skopozemel'noy obschiny* [Collection of materials for the study of the agricultural community]. Saint-Petersburg: The Imperial Free Economic Society Publ., pp. 37–158.
- Sorokin P.A. (1990). *Programma po izucheniyu zyryanskogo kraya* [Program for the study of the Zyryan region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2, pp. 139–141.
- Sotsial'noye polozheniye i uroven' zhizni nasele-niya Rossii – 2017* [Social status and standard of living of the population of Russia – 2017]. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_44/Main.htm (accessed 25.02.2019).
- Tolstova, Yu.N. (2013). *Vozroslo li effektivnost' metodov sotsiologicheskikh issledovaniy v Rossii za poslednie 100 let?* [Has research methods effectiveness grown in Russian sociology for the last 100 years?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7, pp. 59–69.
- Toschenko, Zh.T. and Velikiy, P.P. (2018). *Osnovnyye smysly zhiznennogo mira sel'skikh zhiteley Rossii* [The key meanings of the lifeworld of rural residents in Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 1, pp. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33>.
- Zhuravskiy, D.P. (1851). *Plan statisticheskogo opisaniya guberniy Kievskogo uchebnogo okruga* [A plan for a statistical description of the provinces of the Kiev educational district]. Kiev, 59 p.

Received 07.03.2019

Об авторе

Беляева Людмила Александровна

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: bela46@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0538-7331>

About the author

Lyudmila A. Belyaeva

Doctor of Sociology, Leading Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str. Moscow, 109240, Russia;
e-mail: bela46@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0538-7331>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Беляева Л.А. Сельская жизнь в России: современный и исторический дискурс // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 259–272. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-259-272

For citation:

Belyaeva L.A. Rural life in Russia: modern and historical discourse // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 259–272. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-259-272

УДК 331.548–052.6(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-273-283

**АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ
О СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ
КАК ЭЛЕМЕНТ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ
САМООПРЕДЕЛЕНИЮ**

Волегов Владимир Сергеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Профессиональное самоопределение обучающихся, его экономические, педагогические и психологические предпосылки становятся все более актуальными предметами для исследования в отечественной науке. Однако менее изученными остаются вопросы, связанные с социальными предпосылками данного процесса: представлениями обучающихся о социально-профессиональной структуре общества, адекватностью их представлений о содержании труда в тех видах деятельности, которые они могут выбрать. В качестве теоретической базы исследования автором рассматривается психологическая и социологическая теории самоопределения (self-determination theory), акцентирующие внимание на автономии личности в различных сферах деятельности, в том числе образовательной и трудовой. Кроме того, автором констатируется значимость учета объективных факторов профессионального выбора, рассматриваемых в советских работах по данному вопросу, а также классических статьях представителей структурного функционализма.

Эмпирической базой являются материалы диагностических обследований готовности обучающихся основной школы Пермского края к профессиональному самоопределению, реализуемые в регионе с 2017 г. Автор анализирует индикаторы, характеризующие представления обучающихся об объективных условиях профессионального самоопределения, относящиеся к двум выделенным частям: 1) адекватность представлений обучающихся о социально-профессиональной структуре общества и 2) различные варианты осмысления обучающимися значимости отдельных факторов выбора дальнейшего жизненного пути.

Проведенное обследование позволяет зафиксировать ряд проблем, связанных с адекватностью представлений обучающихся о социально-профессиональной структуре общества: несмотря на широкий диапазон различных видов деятельности, которые обучающиеся в состоянии назвать и оценить с точки зрения их востребованности в регионе, выпускники основной школы в значительной степени не имеют четкого представления о содержании труда, а также условиях профессиональной деятельности.

Ключевые слова: готовность к профессиональному самоопределению, социально-профессиональная структура, Пермский край, начальная школа.

IDEAS OF THE BASIC SCHOOL STUDENTS
ABOUT THE SOCIO-PROFESSIONAL STRUCTURE AS AN ELEMENT
OF THEIR READINESS FOR PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION
(A CASE STUDY OF THE PERM REGION)

Vladimir S. Volegov

Perm State University

Professional self-determination of students, its economic, pedagogical and psychological prerequisites are becoming increasingly relevant subjects for research in Russian science. However, the issues related to the social prerequisites of this process remain much less studied: the students' ideas about the socio-professional structure of the society, the adequacy of their ideas about the content of jobs in professional areas they might choose. As a theoretical basis of the study, the author considers the psychological and sociological theory of self-determination (self-determination theory), which focuses on the autonomy of the individual in various fields of activity, including educational and labor. The author notes the importance of taking into account the objective factors of professional choice considered in Soviet works on this issue as well as in classical articles of the structural functionalism representatives.

The empirical base of the research is the materials of diagnostic surveys conducted in the Perm region since 2017 to assess readiness of basic school students for professional self-determination. The author analyzes the indicators characterizing the students' ideas about the objective conditions of professional self-determination concerning two areas: the adequacy of students' ideas about the socio-professional structure of the society and various ways of considering the significance of particular factors in choosing the future path by students.

The survey allows us to identify a number of problems regarding the adequacy of students' ideas about the socio-professional structure of the society: despite the wide range of different activities that students are able to name and evaluate in terms of their relevance in the region, to a considerable extent basic school graduates do not possess a clear idea of the content of jobs as well as the conditions of professional activity.

Keywords: readiness for professional self-determination, socio-professional structure, Perm region, primary school.

Введение

За десять лет, прошедших с момента внедрения Единого государственного экзамена, произошли серьезные изменения в отечественной системе образования, в особенности послешкольного, связанные с изменением общественного восприятия среднего профессионального образования, ростом его популярности, сокращением количества вузов, изменением правил поступления в них и другими факторами. Несмотря на то что сам по себе процесс поступления по результатам ЕГЭ стал привычным, выбор места и направления продолжения образования становится все более сложным, требующим длительной подготовки. Все эти обстоятельства привели к увеличению актуальных вопросов, связанных с профессиональным самоопределением

обучающихся, а также управлением данным процессом.

Наиболее популярными исследовательскими контекстами изучения профессионального самоопределения оказываются вопросы его педагогического сопровождения [Абакумова Н.Н., 2007; Иванов В.Г. и др., 2010], в том числе в условиях «модернизации образования», изучение психологических условий, при которых у обучающихся формируется устойчивая потребность к выбору [Ананьина Е.В., 2008; Дементьев И.В., 2009] («психологическая готовность», «мотивы», «установки»), а также экономические условия, включающие его рассмотрение с точки зрения кадровой политики в различных отраслях производства, эффективности действующей системы управления профессиональным самоопределением молодежи и управлением

кадрами (сферы труда, роль в развитии экономики) [Захарова Л.Н., 2010].

Однако результаты эмпирических исследований показывают, что поведение обучающихся и их родителей в вопросе выбора будущей профессии нельзя объяснить исключительно экономической целесообразностью, психофизиологическими факторами или особенностями педагогического сопровождения [Волегов В.С., 2016]. Анализ мотивов поступления в высшие учебные заведения показывает, что абитуриенты все реже ориентируются на свои способности к определенному виду деятельности, происходит постепенная «депрофессионализация» выбора места и направления обучения [Студент 1995–2016 гг., 2017, с. 357–360].

Изменение мотивации абитуриентов, постепенная фрагментация профессионального самоопределения (уровня продолжения образования, направления обучения, места и условий трудового дебюта) заставляют рассматривать данный процесс не просто как линейную последовательность действий, связанных друг с другом, а как набор ситуаций выбора. При этом за каждым из актов выбора стоит целый набор культурных значений, норм и повседневных практик, закрепленных и реализующихся на уровне как индивидуального, так и коллективного сознания. Более того, существенным аспектом, связанным с формированием у обучающихся их профессиональных целей, является адекватность представлений у обучающихся о социальном окружении, имеющейся социально-профессиональной структуре общества.

Часть из указанных вопросов была использована при подготовке и проведении в Пермском крае диагностики готовности обучающихся основной школы к профессиональному самоопределению.

Методология исследования

С 2017 г. в Пермском крае проводится ежегодное диагностическое обследование обучающихся 8-х и 9-х классов с целью определения готовности выпускников основной школы к профессиональному самоопределению, а также определения влияния на этот показатель деятельности образовательных организаций общего образования. Обследование проводится

в форме сплошного опроса учащихся соответствующей ступени обучения с использованием платформы сайта «Региональная система оценки качества образования» (<http://kraioko.perm.ru/>). В опросе участвовали 20 843 обучающихся 9-х классов (2017 г.) и 22 066 учеников 8-х классов (2018 г.) из 679 образовательных учреждений Пермского края.

Для адекватной теоретической интерпретации понятия «готовность к профессиональному самоопределению» необходим учет нескольких исследовательских контекстов, связанных как с пониманием субъектности выбора, особенностей его социального конструирования, характерного как для западной психологической и социологической теории самоопределения, так и для российских теоретических подходов к изучению социальных условий данного процесса.

Социологическая энциклопедия использует понятие «самоопределение» в контексте автономии личности, как способность индивида делать выбор относительно его собственных действий, в том числе свободу преследовать эти действия, что определяет возможность успешной саморегуляции и определения потребностей и ценностей [Encyclopedia of Sociology, 2000, p. 2058]. Как следствие, самоопределение оказывается одним из ключевых эмпирических проявлений автономии личности в различных сферах деятельности: образовании, трудовой деятельности.

Дж. Рив описывает структуру теории самоопределения, в которую входят различные направления исследования, следующим образом: общая теория потребностей, органицистская теория интеграции (рассматривает, почему учащиеся инициируют социально значимое, но не внутренне мотивированное поведение), теория содержания целей (показывает, как внутренние цели поддерживают психологические потребности), когнитивно-оценочная теория (влияние внешних оценок на внутренние мотивационные процессы) и причинно-ориентированная теория (описывает индивидуальные различия в мотивации) [Reeve J., 2012]. С точки

зрения представителей данной концепции, самоопределение и связанная с ним практическая самостоятельная деятельность индивидов связаны с определенным набором психологических потребностей, таких как потребность в компетенции (стремление управлять результатом и мастерством), связанности (стремление взаимодействовать, быть вовлеченным в деятельность других индивидов) и автономии (желание быть инициатором собственных действий и согласовывать свои действия с внутренними потребностями в отличие от внешней регуляции) [Chantara S. et al., 2011, p. 212–216].

Кроме того, в педагогической литературе, посвященной возможностям самоопределения на разных этапах школьной подготовки, самоопределение рассматривается как наличие способности и возможности строить свою жизнь в направлении, которое способствует формированию личного удовлетворения жизни [Cabeza B. et al., 2013]. В качестве критериев для определения деятельности как акта самоопределения выделяются следующие показатели: индивид действует автономно; поведение было саморегулируемым; лицо, инициировавшее и ответившее на событие, является «психологически уполномоченным»; действие человека направлено на самореализацию [Weh-meyer M., 1995, p. 22].

Таким образом, самоопределение оказывается напрямую связанным с такими факторами, как осознание индивидом своих потребностей, способность самостоятельно инициировать собственные действия исходя из личных мотивов и потребностей, наличие представлений о социально одобряемых способах достижения целей, а также способность корректировать собственное поведение в зависимости от внешних условий его реализации. Более того, самоопределение оказывается напрямую связано с учебной мотивацией и ориентацией обучающихся на определенные виды деятельности. В этой связи теория самоопределения, а также социальный конструктивизм существенно расширяют эвристические возможности традиционных исследований построения карьеры, включая в них внутренние мотивы и представления

индивида [McIlveen P., Schultheiss D.E., 2012, p. 10].

В российской социологической традиции понятие «профессиональное самоопределение» или «профессиональная ориентация» имеет длительную историю использования, связанную с анализом процесса выбора индивидом желаемых позиций в социально-профессиональной структуре общества, также с деятельностью, направленной на достижение данных позиций в имеющихся социальных и культурных условиях [Титма М.Х., 1975]. Выбор профессиональной траектории в данном контексте вполне укладывается в модель воспроизводства социальных структур, характерную для функционально-структуралистских теорий. Данный конструкт строится на признании универсальности существования социальной стратификации, обеспечивающей распределение индивидов по различным социальным позициям, в том числе профессиональным, и на стимулирование выполнения ими определенных функций, связанных с этими позициями. Для восполнения вакантных позиций от социальной системы требуется осуществление двух видов деятельности: «привлечь у надлежащих лиц желание заполнить определенные позиции, и после, в этих позициях, желание выполнять возложенные на них обязанности» [Davis K., Moore W., 1945, p. 242].

Интерес к данному вопросу обусловлен имеющейся структурой образования, поскольку уже перед выпускниками основной школы возникает серьезный выбор: остаться в школе и получить полное среднее образование для дальнейшего поступления в вуз или получить среднее профессиональное образование и ускорить свое трудоустройство.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что готовность обучающихся к профессиональному самоопределению оказывается многоплановым феноменом, включающим когнитивный, мотивационный, деятельностный и рефлексивный компоненты.

В когнитивном компоненте готовности к профессиональному самоопределению оценивались три основных группы показателей: знания о мире профессий и специфическом содержании труда

представителей различных групп занятости; представления о необходимом уровне образования, здоровья (системные ограничения) для получения профессионального статуса; выбор места продолжения образования как интегральный результат, характеризующий степень достаточности знаний для осуществления выбора. В данном случае обучающимся было предложено соотнести различные профессии с характерными для них объектами и содержанием труда, требованиями к уровню образования, а также вредными факторами производства.

При оценке *мотивационного компонента* готовности к профессиональному самоопределению исследовались представления обучающихся о том, какие аспекты профессиональной деятельности являются значимыми при выборе профессии, а также мотивы выбора предметов для сдачи экзаменов по итогам обучения в основной школе (Государственная итоговая аттестация).

Деятельностный компонент связан с наличием у обучающихся отрефлексированного опыта практической деятельности в различных сферах труда. В данном случае в фокусе внимания оказывается, с одной стороны, представление обучающегося о том, какой опыт у него есть, с другой стороны, его эмоциональное отношение к этому опыту (понравилось или не понравилось), а с третьей — практический вывод: есть ли у него способности к данному виду деятельности. Кроме того, в данном случае оценивается охват обучающихся различными мероприятиями, направленными на сопровождение профессионального самоопределения.

Рефлексивный компонент позволяет фиксировать осознание обучающимся собственных интересов в учебной и практической деятельности, готовность корректировать собственные планы исходя из полученных знаний и практического опыта. Еще одним элементом рефлексивного компонента, выделяемым в диагностике восьмиклассников, является оценка обучающимися значимости различных факторов выбора образовательных и профессиональных траекторий: желание

трудоустройства в своем населенном пункте, интерес к профессиям своих родителей, а также представления о субъективной значимости различных аспектов профессионального труда.

Необходимо отметить, что выделенные компоненты являются неоднородными с точки зрения возможности их объективации, т.е. сведения к набору однозначно-трактуемых индикаторов, поддающихся «проверке на правильность», ввиду невозможности формирования универсального эталона «правильного профессионального самоопределения». В этой связи контрольно-измерительный материал был разделен на две части — тестовую, фиксирующую соответствие знаний обучающихся о мире профессий и их вовлеченности в формирование профессиональных планов и намерений возрастным особенностям, и мониторинговую, детализирующую отдельные психолого-педагогические аспекты готовности к профессиональному самоопределению.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены представления обучающихся об объективных условиях профессионального самоопределения, относящиеся к двум выделенным частям: тестовой — адекватность представлений обучающихся о социально-профессиональной структуре общества, и мониторинговой, связанной с оценкой обучающимися значимости отдельных факторов выбора дальнейшего жизненного пути (от опыта ближайшего социального окружения до различных характеристик и аспектов отдельных видов профессиональной деятельности).

Представления о социально-профессиональной структуре

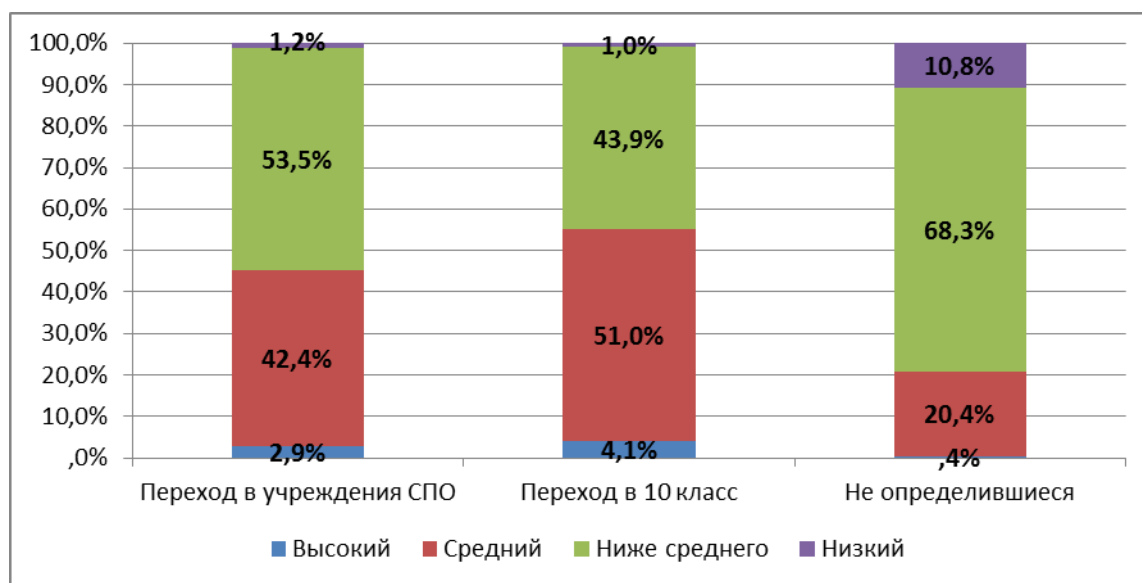
По результатам выполнения тестовой части обучающиеся были распределены на четыре группы: низкие результаты (менее 25 % правильных ответов), результаты ниже среднего (25–50 % правильных ответов), средние (51–75 % правильных ответов) и высокие результаты (доля правильных ответов выше 75 %).

Представленное на рисунке распределение результатов прохождения тестовой части диагностики учениками 9-х классов

показывает, что существенных различий в уровне знаний о мире профессий и готовности к выбору среди обучающихся, выбравших свой образовательный маршрут, нет. Отличаются только те обучающиеся, которые к концу 9-го класса не смогли определиться с выбором: среди них гораздо больше доля тех, кто показал результаты ниже среднего и низкие.

Представления обучающихся о социально-профессиональной структуре общества изучались с нескольких точек зрения. Прежде

всего анализировался диапазон существующих на данный момент профессий и видов деятельности, в той или иной знакомых обучающимся. Для этого в серии вопросов им было предложено назвать профессии, востребованные в Пермском крае. Второй блок информации касался адекватности представлений, т.е. способности правильно соотносить знакомые наименования профессий с их содержательными характеристиками.

Распределение результатов прохождения диагностики среди групп с разными планами

Всего выпускники 9-х классов обозначили более 500 различных наименований видов трудовой деятельности, относящихся к самым разным сферам труда и занятости, что, безусловно, является позитивным результатом. Более того, полученный перечень профессий включает разные виды трудовой деятельности. В перечне профессий лидируют инженерно-технические кадры (13 %), медперсонал (17 %), работники образования (13 %), работники силовых структур и охранных предприятий (6,2 %), работники финансово-экономической сферы (6 %).

В связи с большим разнообразием видов деятельности, указанных учащимися, возникает вопрос об их адекватной генерализации для дальнейшего анализа. Следует отметить, что вариантов подобного укрупнения существует несколько: Общероссийский классификатор

занятий¹; Перечень областей профессиональной деятельности, используемый для разработки профессиональных стандартов²; в определенной степени — Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. Распределение ответов обучающихся по областям деятельности, предлагаемым Министерством труда и социального развития, представленное в табл. 1, предполагает не только содержательные, но и методические замечания. Прежде всего, с точки зрения анализа

¹ ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 N 2020-ст).

² Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 сентября 2014 г. № 667н «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)».

представлений обучающихся о востребованности отдельных видов деятельности на рынке труда Пермского края данный перечень необходимо дополнить группами «неквалифицированный физический труд» и «инженерно-технические работники» для наименований, не позволяющих произвести более четкую классификацию (например, само упоминание «инженер» не позволяет отнести его к какой-либо из представленных областей).

Как видно из табл. 1, наиболее востребованными, по мнению выпускников девятых классов, оказываются профессии, связанные с человеческим капиталом (образование, здравоохранение), а также массовые профессии, связанные с промышленным производством (рабочие, занятые в различных сферах промышленного производства, строительства и ЖКХ, добычи и

переработки полезных ископаемых, инженерные кадры).

Вторая часть анализа представлений о профессиональной сфере, вызвавшая наибольшие затруднения у обучающихся, касалась содержательных характеристик, которые обучающиеся приписывают той или иной профессии. Прежде всего изучались аспекты, связанные с адекватностью определений объекта профессионального труда и превалирующим видом деятельности, а также возможными ограничениями, связанными с профессиональным трудом по минимально необходимому уровню образования и здоровью. Обучающимся было предложено соотнести различные массовые профессии с указанными характеристиками. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 1. Востребованность отдельных видов профессиональной деятельности в Пермском крае (укрупненные группы)

№ п/п	Область деятельности	Доля
1	Здравоохранение	18,5
2	Промышленность	15,1
3	Образование и наука	14,7
4	Строительство и ЖКХ	13,5
5	Обеспечение безопасности	6,3
6	Транспорт	5,2
7	Сервис, оказание услуг населению	3,9
8	Юриспруденция	3,7
9	Добыча и переработка полезных ископаемых	3,54
10	Связь, информационные и коммуникационные технологии	3,2
11	Финансы и экономика	3,1
12	Неквалифицированный физический труд	2,2
13	Административно-управленческая и офисная деятельность	2,1
14	Электроэнергетика	1,4
15	Архитектура, проектирование, геодезия, топография и дизайн	1,3
16	Культура, искусство	0,8
17	Сельское, лесное хозяйство, рыболовство	0,79
18	Физическая культура и спорт	0,4
19	СМИ, издательство и полиграфия	0,2
20	Социальное обслуживание	0,1

Таблица 2. Результаты выполнения заданий тестовой части

Основные умения (знания)	Доля обучающихся, правильно выполнивших задание
Умение выделять объект профессиональной деятельности	27,1
Умение выделять содержание профессиональной деятельности	8,1
Умение выделять объект и содержание профессиональной деятельности	31,7

Знание о специфике условий труда	22,6
Знание минимально необходимого уровня подготовки для дальнейшей профессиональной деятельности	46,4
Знание минимально необходимого уровня подготовки для дальнейшей профессиональной деятельности	41,9

Умение выделять данные характеристики профессионального труда является одним из важнейших аспектов профессионального самоопределения обучающихся, поскольку позволяет им оценить свою заинтересованность конкретным типом деятельности и имеющийся практический опыт взаимодействия с разного рода объектами.

Факторы выбора образовательных и профессиональных траекторий

Профессиональные предпочтения и пожелания невозможны изолированно от привязки к местности, т.е. места проживания и

социального окружения индивида. Поэтому в 2018 г. ученикам 8-х классов была предложена серия вопросов, направленных на оценку ими различных характеристик собственного места проживания, а также трудового опыта их ближайшего окружения — родителей и других родственников.

Таблица 3. Соотнесение различных характеристик социального окружения с личной позицией при выборе профессии

Позиция при выборе профессии	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить, не задумывался
Мне интересны профессии моих родителей, родственников	39,2	31,5	29,3
Я хотел бы в будущем работать на одном из предприятий, находящихся в нашем населенном пункте	20,9	56,2	22,8
В нашем населенном пункте не востребованы те профессии, которые мне интересны	47,5	30,0	22,5

В представленных выше исследованиях [Студент 1995–2016 гг., 2017, с. 357] фиксируется снижение ориентации обучающихся на профессии и трудовой опыт родителей. С этой точки зрения определенный интерес представляют ответы восьмиклассников на данный вопрос. Как видно из приведенных выше данных, доли положительных и отрицательных ответов не сильно отличаются. Но более показательными являются ответы третьей группы — тех, кто не рассматривал опыт собственных родителей в данном аспекте. Причины могут быть разными: слишком большая поляризация в отношениях к труду родственников не позволяет высказаться определенно; восьмиклассник никогда не задумывался о собственном отношении или просто не знает, кем они работают и (или) чем они занимаются на работе.

Более проблемными выглядят ответы на вопрос о том, хотели бы обучающиеся работать на предприятиях, находящихся в их родном населенном пункте. Только каждый пятый восьмиклассник выразил согласие с такой перспективой, в то время как более половины опрошенных отвечают отрицательно. При этом распределение ответов не зависит от социального благополучия местности.

Обращает на себя внимание и «профорориентационный пессимизм» восьмиклассников: почти половина из них утверждает, что в месте их проживания не востребованы те профессии и виды деятельности, которые им интересны.

Еще одним критерием готовности учащихся 8-х классов к профессиональному самоопределению является оценка их представления о том, какого рода данные

необходимо учитывать при определении желательной образовательной / профессиональной траектории. Обучающимся было предложено оценить значимость различных характеристик профессий по пятибалльной шкале (1 — совсем не важна, 5 — очень важна). Полученные результаты оказались неоднозначными. Среди наиболее значимых критериев присутствуют как прагматические и внешне заданные (заработная плата и карьерный рост), так и индивидуалистические (соответствие собственным интересам, способностям, творческий характер работы). С другой стороны, почти все характеристики, оказавшиеся в нижней половине рейтинга, относятся к внешним факторам: представления окружающих, востребованность, важность для общества и государства, наличие бюджетных мест. Интерпретировать эти данные можно по-разному: с одной стороны, игнорирование всех этих критериев может привести к серьезным проблемам при реализации желаемой профессиональной / образовательной траектории; с другой — внешние факторы и не должны быть исходной точкой в профессиональной ориентации.

Интересен и требует более тщательного анализа разрыв в баллах между показателями «Наличие вредных условий труда и рисков для здоровья» и «Наличие ограничений по состоянию здоровья», имеющими общий содержательный посыл (связь здоровья и трудовой деятельности), различающимися по степени важности. Характерно, что последний вариант, набравший минимальный балл, имеет объективно большую значимость (обнаружение у обучающегося ограничений по состоянию здоровья не даст ему заниматься интересующей его деятельностью).

Заключение

Обобщая результаты изучения представлений обучающихся о социально-профессиональной структуре общества как элементе готовности к профессиональному самоопределению, можно акцентировать внимание на нескольких аспектах. Прежде всего, адекватность представлений о содержательных характеристиках профессий оказалась связанной с готовностью выпускников

основной школы к выбору места и уровня дальнейшего образования: обучающиеся с низкой информированностью о содержании профессионального труда и отсутствием представлений о связи уровня подготовки и профессионального статуса в меньшей степени готовы к выбору своего дальнейшего образовательного маршрута.

Проведенное обследование позволяет зафиксировать ряд проблем, связанных с адекватностью представлений обучающихся о мире профессий: информационное поле, касающееся социально-профессиональной структуры общества, является достаточно насыщенным, что подтверждается широким диапазоном различных видов деятельности, которые обучающиеся в состоянии назвать и оценить с точки зрения их востребованности в регионе. Однако уровень этих знаний остается невысоким и касается только внешних характеристик. При этом значительная часть обучающихся основной школы негативно оценивают имеющиеся у них возможности трудоустройства по интересующим их специальностям в месте их проживания.

Тем не менее, подобные диагностические обследования являлись лишь началом работы по мониторингу готовности обучающихся к осознанному выбору профессии. В этой связи полученные результаты представляют собой «начальную точку» для оценки эффективности последующих мероприятий по сопровождению профессионального самоопределения обучающихся.

Список литературы

Абакумова Н.Н. Организация среды профессионального самоопределения: предпрофильная подготовка и профильное обучение // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 194–199.

Ананьина Е.В. Исследование готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению // Альманах современной науки и образования. 2008. № 4, ч. 2. С. 23–27.

Волегов В.С. Подходы к определению пространства профессионального самоопределения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 1. С. 53–61.

Дементьев И.В. Проблема профессионального самоопределения школьников в современной профориентации. Психологический и педагогический аспект // Научные труды республиканского института высшей школы. Минск, 2009. Вып. 8(13), ч. 1. С. 242–248.

Захарова Л.Н. Формирование комплексной системы управления социально-профессиональной ориентацией молодежи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 4. С. 218–222.

Иванов В.Г., Осипов П.Н., Загайнова Е.В., Ирисметов А.И. Особенности профессиональной мотивации студентов инженерного вуза в системе основного и дополнительного профессионального образования // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 12. С. 169–172.

ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст).

Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 сентября 2014 г. № 667н «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)».

Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.

Тутма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). М.: Мысль, 1975. 200 с.

Cabeza B., Magill L., Jenkins A. et al. Promoting Self-Determination Among Students With Disabilities: A Guide for Tennessee Educators / Vanderbilt University. 2013 URL: <https://vkc.mc.vanderbilt.edu/assets/files/resources/psiSelfdetermination.pdf> (accessed: 25.04.2019).

Chantara S., Kaewkuekool S., Koul R. Self-Determination Theory and Career aspirations: A Review of literature // 2011 International Conference on

Social Science and Humanity IPEDR. 2011. Vol. 5. P. 212–216.

Davis K., Moore W. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. Vol. 10, no. 4. P. 242–249.

Encyclopedia of Sociology. Vol. 3 / ed. by E.F. Borgatta, R. Montgomery. 2nd ed. N.Y.: Macmillan Publishers, 2000. 808 p.

Social Constructionism in Vocational Psychology and Career Development / ed. by P. McIlveen, D.E. Schultheiss. Rotterdam: Sense Publishers, 2012. 120 p.

Reeve J. Self-determination Theory Perspective on Student Engagement // Handbook of Research on Student Engagement. N.Y.: Springer Science+Business Media, 2012. P. 149–172.

Wehmeyer M. The Arc's Self-Determination Scale: Procedural Guidelines / The Arc of the United States. 1995. URL: <https://www.thearc.org/document.doc?id=3671> (accessed: 25.04.2019).

Получено 30.04.2019

References

Abakumova, N.N. (2007). *Organizatsiya sredy professional'nogo samoopredeleniya: predprofil'naya podgotovka i profil'noe obucheniye* [Organization of the environment of professional self-determination: pre-profile training and specialized training]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 296, pp. 194–199.

Anan'ina, E.V. (2008). *Issledovaniye gotovnosti starsheklassnikov k professional'nomu samoopredeleniyu* [A study of the readiness of high school students to professional self-determination]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. No. 4(11), pt. 2, pp. 23–27.

Borgatta, E.F. and Montgomery, R. (eds.) (2000). *Encyclopedia of Sociology*. Vol. 3. New York: Macmillan Publishers, 808 p.

Cabeza, B., Magill, L., Jenkins, A. et al. (2013). *Promoting Self-Determination among Students with Disabilities: A Guide for Tennessee Educators*. Vanderbilt University. Available at: <https://vkc.mc.vanderbilt.edu/assets/files/resources/psiSelfdetermination.pdf> (accessed 25.04.2019).

Chantara, S., Kaewkuekool, S. and Koul, R. (2011). Self-Determination Theory and Career aspirations: A Review of literature. *2011 International Conference on Social Science and Humanity IPEDR*.

Davis, K. and Moore, W. (1945). Some Principles of Stratification. *American Sociological Review*. Vol. 10, no. 4, pp. 242–249.

Dement'iev, I.V. (2009). *Problema professional'nogo samoopredeleniya shkol'nikov v sovremennoy proforiyentsii. Psikhologicheskii i pedagogicheskii aspekt* [The problem of professional self-determination of schoolchildren in modern vocational guidance. Psychological and pedagogical aspect]. *Nauchnye trudy respublikanskogo instituta vysshey shkoly* [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education]. Minsk, iss. 8(13), pt. 1, pp. 242–248.

Ivanov, V.G., Osipov, P.N., Zagainova, E.V. and Irismetov, A.I. (2010). *Osobennosti professional'noy motivatsii studentov inzhener'nogo vuza v sisteme osnovnogo i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Features of the professional motivation of engineering university students in the system of basic and additional professional education]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University]. No. 12, pp. 169–172.

McIlveen, P. and Schultheiss, D.E. (2012). *Social Constructionism in Vocational Psychology and Career Development*. Rotterdam: Sense Publishers, 120 p.

OK 010-2014 (MSKZ-08). *Obscherossiyskiy klassifikator zanyatiy (prinyat i vveden v deystviye Prikazom Rosstandarta ot 12.12.2014 № 2020-st)* [OK 010-2014 (ISCO-08). All-Russian classifier of occupations (approved by the Order of Rosstandart from 12.12.2014 No. 2020-st)].

Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zaschity Rossiyskoy Federatsii ot 29 sentyabrya 2014 g. № 667n «O reestre professional'nykh standartov (perechne vidov professional'noy deyatel'nosti)» [Order of the Ministry of labor and social protection of the Russian Federation of September, 29, 2014 No. 667n «On the Register of Professional Standards (The List of Professional Activities)»].

Reeve, J. (2012). A Self-determination Theory Perspective on Student Engagement. *Handbook of Research on Student Engagement*. New York, Springer Science+Business Media, pp. 149–172.

Titma, M.Kh. (1975). *Vybor professii kak sotsial'naya problema (na materialakh konkretnykh issledovaniy v ESSR)* [Career choice as a social problem (based on case studies in the ESSR)]. Moscow: Mysl Publ., 200 p.

Vishnevsky Yu.R. (ed.) (2017). *Student 1995–2016 gg.: dinamika sotsiokul'turnogo razvitiya studentchestva Srednego Urala* [Student 1995–2016: the

dynamics of the socio-cultural development of students of the Middle Urals]. Yekaterinburg: UrFU Publ., 904 p.

Volegov, V.S. (2016). *Podkhody k opredeleniyu prostranstva professional'nogo samoopredeleniya* [The approaches to definition of the space of professional self-determination]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 1, pp. 53–61.

Wehmeyer, M. (1995). *The Arc's Self-Determination Scale: Procedural Guidelines*. The

Arc of the United States. Available at: <https://www.thearc.org/document.doc?id=3671> (accessed: 25.04.2019).

Zakharova, L.N. (2010). *Formirovanie kompleksnoy sistemy upravleniya sotsial'no-professional'noy orientatsiey molodezhi* [Formation of a comprehensive management system of social and professional orientation of young people]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Vector of Togliatti State University]. No. 4, pp. 218–222.

Received 30.04.2019

Об авторе

Волегов Владимир Сергеевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: wsvolegov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8610-6126>

About the author

Vladimir S. Volegov

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: wsvolegov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8610-6126>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Волегов В.С. Анализ представлений обучающихся основной школы Пермского края о социально-профессиональной структуре как элемент готовности к профессиональному самоопределению // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 273–283. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-273-283

For citation:

Volegov V.S. Ideas of the basic school students about the socio-professional structure as an element of their readiness for professional self-determination (a case study of the Perm region) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 273–283. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-273-283

УДК 316:74.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-284-393

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ПРОВЕДЕНИЮ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Сироткин Павел Федорович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Развитие современных религиозных практик, рост их многообразия, а также определенная либерализация законодательства о регистрации религиозных организаций, будет служить активатором перехода религиозных групп, ранее действовавших неформально, в публичную плоскость. Все это способствует получению многими из этих организаций официального статуса религиозной организации. С другой стороны, появление эклектических учений, часто включающих в себя элементы научнообразных, коммерческих, экологических концепций также дают основу для проведения религиоведческого анализа. Данные социальные процессы позволяют нам сделать прогноз о продолжении устойчивого роста обращений государственных органов в Экспертные советы для определения религиозной составляющей в деятельности той или иной социальной группы. Запрет в последние несколько лет деятельности религиозной организации Свидетели Иеговы, ряда неоязыческих и исламоориентированных организаций, научнообразных культов типа Откровения Нового века, а также принятые решения по судебной оценке содержания определенной религиозной литературы (Бхагавад-гита и переводы Корана Э. Кулиева) дают основание говорить о высокой востребованности в настоящий момент религиоведческой экспертизы. Однако неоднозначность восприятия обществом ряда судебных решений, вынесенных по итогам проведения религиоведческих экспертиз, а также периодически критикуемое в прессе качество подготовки привлекаемых к религиоведческой экспертизе специалистов-экспертов делает проведение дополнительного анализа деятельности данного института, а также решений выносимых по результатам религиоведческих экспертиз все более актуальным.

Ключевые слова: религиозные практики, религиоведческая экспертиза, экспертный совет, религиозная организация.

ON THE ATTITUDE TO CONDUCTING THEOLOGICAL EXAMINATION

Pavel F. Sirotkin

Perm State University

The development of modern religious practices, growing diversity of these practices, and also some liberalization of legislation on the registration of religious organizations will serve as a trigger for the transition of religious groups that previously operated informally to the public sphere. All these factors open the door for many of these groups to obtain religious organization formal status. On the other hand, the emergence of eclectic teachings, which often include elements of scientific, commercial, environmental, and other concepts, also provides the basis for conducting theological analysis. These social processes allow us to forecast the further steady increase in the number of appeals of the state bodies to expert councils to determine the religious component in the activities of a particular social group. In the last few years, there were banned the religious organization of Jehovah's Witnesses, some neo-pagan and Islam-oriented organizations, some pseudo-scientific cults, including Revelation of the New Century. These bans, as well as the decisions concerning judicial examination of some religious literature content (Bhagavad Gita and E. Kuliev's translations of the Quran), indicate high demand for theological examination at present. However, the ambiguity of the society's perception of some court decisions made based on theological examination and periodically criticized in the media quality of training for specialists involved in the process of theological examination make

an additional analysis of regarding functioning of this institution, as well as decisions made following the results of theological examination, ever more urgent.

Keywords: religious practices, theological examination, expert council, religious organization.

Периодически на страницах различных интернет-изданий, а также в разговорах с руководителями религиозных организаций приходится сталкиваться с рассуждениями о формах и методах проведения религиоведческой экспертизы, которая стала актуальной в связи с активным участием государства в процессе регулирования государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в Российской Федерации. Запрет в последние несколько лет деятельности ряда религиозных организаций и объединений: религиозной организации Свидетели Иеговы, неоязыческих и исламоориентированных организаций, наукообразных культов типа Откровения Нового века, а также судебные решения по оценке содержания ряда священных для верующих текстов (Бхагавад-гита и переводы Корана Кулиева) дают основание говорить о востребованности в настоящий момент не столько самой религиоведческой экспертизы, сколько легитимной в глазах верующих религиоведческой экспертизы.

Однако неоднозначность восприятия светским обществом и религиозным сообществом ряда судебных решений, вынесенных по итогам религиоведческих экспертиз, а также периодически критикуемое в прессе качество подготовки привлекаемых к религиоведческой экспертизе специалистов-экспертов дает возможность провести дополнительный анализ деятельности данного института, уточнить мнение членов Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы о деятельности экспертов, а также рассмотреть отношение руководителей ряда конфессий, деноминаций и культов, действующих в Пермском крае, относительно результатов религиоведческих экспертиз и их социальных последствий. В качестве референтных лиц были выбраны два члена Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю и три руководителя религиозных организаций,

действующих на территории Пермского края (евангельских христиан, христиан адвентистов седьмого дня и харизматической христианской церкви).

Теоретический подход к проведению религиоведческой экспертизы должен содержать не только констатацию наличия или отсутствия четырех элементов, характеризующих религиозную организацию, объединение, сообщество — религиозное сознание; религиозную деятельность; религиозные отношения и структуру религиозной организации, — но и их анализ.

Религиозное сознание членов общины, главной чертой которого является вера в реальное существование сверхъестественного, при котором человек полностью уверен в наличии потустороннего, имеющего на него прямое влияние, может иметь два подуровня: обыденно-личностное, определяющее религиозное сознание конкретного верующего, и концептуально-теологическое, определяющее глобальное бытие и мироустройство. Религиозная деятельность может быть нами структурирована на внутреннюю и на внешнюю. К внутренней деятельности относятся религиозные празднования, богослужебные ритуалы, церемонии, обряды, таинства, посвящения. К внешней деятельности следует отнести публичные действия верующих, такие как миссионерство, церковная благотворительность, распространение религиозных знаний через обучение и литературу, направленную на внешние объекты. Религиозные отношения — это отношения между верующими людьми как индивидуально, так и между социальными группами, складывающиеся в процессе как внешней, так и внутренней религиозной деятельности. Говоря о религиозной организации, следует отметить наличие сложной, централизованной и иерархизированной системы разделения верующих на обладающих некими священными знаниями и не обладающих таковыми. А также на наличие их взаимодействия, в процессе которого и осуществляется религиозная

деятельность. Итогом данной деятельности можно считать появление контроля: либо одним слоем людей (слоем лиц, обладающих священными знаниями) над другим (не обладающими таковыми), либо конкретной фигуры, наделенной божественной харизматичностью (божественной благодатью) и воспринимаемой верующими в качестве пророка или живого божества, и на этих правах контролирующего верующих.

По мнению опрошенных членов Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы (далее — экспертов), их деятельность по анализу организаций на предмет присутствия или отсутствия у них вышеуказанных признаков религиозной организации не в полной мере позволяет провести качественный анализ и дать полноценное, всесторонне взвешенное заключение по заявленной организации. Более того, эксперты не производят анализ соответствия социальных практик, заявляемых организацией, претендующей на статус религиозной организации, с их практическим воплощением. Высказывания экспертов подтверждаются анализом текстов экспертных заключений Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю (далее — Экспертного совета). Размещенные в открытом доступе три экспертных заключения Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю [Экспертное заключение ... от 6 ноября 2018 г.; Экспертное заключение ... от 25 января 2017 г.; Экспертное заключение ... от 01 марта 2018 г.] показывают, что ни одно из их размещенных экспертных заключений не дает возможности понять, каким образом эксперты осуществляют проверку соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности религиозной организации формам и методам ее фактической деятельности. Опрошенные руководители религиозных организаций, прошедшие процедуру регистрации своих религиозных организаций, заявляют, что экспертиза проводится без

выхода в религиозные организации. А соответствие заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности религиозной организации формам и методам ее фактической деятельности производится со слов руководителя регистрируемой религиозной организации. При этом следует отметить, что изученные экспертные заключения экспертных советов иных субъектов Российской Федерации [Экспертное заключение ... по Республике Адыгея; Экспертное заключение ... по Республике Алтай] в своей основе содержат информацию о наблюдениях экспертов за фактической деятельностью (богослужебной практикой) и ее соответствием представленным для регистрации документам. Очевидно, понимая данную недоработку, Экспертный совет полностью игнорирует данную задачу в тексте своих экспертных заключений и констатирует, что у экспертов нет повода для сомнений в достоверности сведений о вероучении регистрируемой организации. То есть фактически Экспертный совет не в полном объеме решает задачи экспертизы. Подобная практика приводит к весьма нежелательным социальным последствиям: когда община лишается права называться религиозной. В том числе и потому, что руководитель организации, претендующей на статус религиозной, не обладает специальными знаниями в религиоведении. Таким образом, создается социальный парадокс: организация обладает всеми признаками религиозной организации, активно участвует в социальной жизни соответствующего населенного пункта, но документально не является таковой. А Экспертный совет по факту незнания руководителем ряда законодательных норм и особенностей структуры конфессий или деноминаций фактически лишает организацию, проводящую полноценную религиозную деятельность, статуса религиозной организации. Показательна в этом случае позиция экспертов по трактовке вопросов, поставленных Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю перед экспертами. В частности, эксперты должны ответить на вопрос о том, является ли организация, подавшая заявление как религиозная, собственно религиозной. В

результате анализа экспертных заключений, было обнаружено, что, несмотря на четкую трактовку постановку вопроса в законодательстве, Экспертный совет может изменить смысл вопроса. Так, экспертное заключение от 25 января 2017 г. [Экспертное заключение ... от 25 января 2017 г.] в преамбуле содержит типовые вопросы, соответствующие законодательству, а в констатирующей части происходит подмена понятий. В частности, происходит подмена вопроса: «Свидетельствуют ли учредительные документы, сведения об основах вероучения Организации и соответствующей ему практики о том, что Организация является религиозной организацией?» на вопрос «Свидетельствуют ли представленные документы о том, что организация — местная православная религиозная организация “Последователей Апостола Первозванного Андрея” представляет из себя православное объединение, находящееся под культово-обрядным окормлением служителей Русской православной церкви (Московский патриархат)?». А вместо второго вопроса «Достоверны ли сведения, содержащиеся в представленных учредительных документах относительно основ ее вероисповедания?» эксперты в своем заключении, самостоятельно меняют его на два иных вопроса: «Имеется ли необходимое подтверждение, выданное Централизованной религиозной организацией православного вероисповедания — Пермской митрополией Русской православной церкви?» и «Соответствует ли положение устава Организации уставу Русской православной церкви?». Далее эксперты делают вывод о том, что создание местной религиозной организации «Последователей Апостола Первозванного Андрея» не соответствует вероисповедной практике и уставу Русской православной церкви (Московский патриархат). Выходя за рамки религиоведческой экспертизы, эксперты дают заключение, что данная организация не заявила своего отношения к Русской православной церкви (Московский патриархат) и ее социальной концепции. Более того, эксперты обнаружили, что религиозные особенности данной организации включают в себя «толкования “О свободе критичности” православного верующего по отношению к

церковной иерархии», что противоречит «действительно каноническому вероучению Русской православной церкви Московский патриархат и ее социальной концепции». Сделав несколько подобных открытий, эксперты в заключительной части неожиданно возвращается к законодательной трактовке вопросов «Свидетельствуют ли учредительные документы, сведения об основах вероучения Организации и соответствующей ему практики о том, что Организация является религиозной организацией?» и «Достоверны ли сведения, содержащиеся в представленных учредительных документах относительно основ ее вероисповедания?» и делает вывод, что полученные сведения «не свидетельствуют о том, что организация является религиозной организацией» и «имеется повод для сомнений в достоверности сведений о вероучении вышеназванной религиозной организации». Фактически эксперты отказывают организации, действующей как религиозная, имеющей все атрибуты религиозной, в государственной регистрации. При этом по информации, полученной от экспертов, руководитель регистрируемой организации находился на заседании и не смог дать пояснения на поставленные экспертами вопросы. Опрошенные руководители религиозных организаций предположили, что, возможно, сам руководитель организации, претендующей на статус религиозной, или запутался в религиоведческой терминологии и не смог объяснить, что православная ориентация его религиозной организации не является обязательством находиться в структуре одной из православных централизованных религиозных организаций, или же просто не был подготовлен для государственной регистрации. В качестве примера прозвучало, что ряд крупных религиозных деноминаций христианского толка, действующих в Пермском крае: евангельские христиане-баптисты, христиане адвентисты седьмого дня, христиане веры евангельской-пятидесятники — обучают своих будущих руководителей-пасторов основам взаимодействия религиозной общины и государственных органов на специальных курсах.

Два из трех религиозных лидеров обратили внимание на то, что деятельность

неквалифицированных экспертных советов может вызвать серьезную социальную напряженность. В частности, с августа 2011 г. по март 2012 г. в г. Томске проходили слушания о признании экстремистским материалом главного канонического текста кришнаитов (вайшнавов) «Бхагавад-гита как она есть» — единственного широко распространенного русскоязычного издания священного индуистского текста «Бхагавад-гита» с комментариями основателя Международного общества сознания Кришны Свами Прабхупады. Данный судебный процесс вызвал волну недовольства российских почитателей этого религиозного культа, а также протесты со стороны различных общественных и религиозных организаций США, Индии и критику со стороны части научного сообщества России.

Этот пример показывает, что из-за отсутствия специального иммунитета никакие священные тексты юридически не защищены и, следовательно, не защищены граждане, исповедующие ту или иную религию, для которой эти тексты являются основополагающими. Отсутствие иммунитета и возможность признания любой священной книги экстремисткой подтвердили все опрошенные, при этом руководители религиозных организаций говорили о важности для эксперта Экспертного совета профильного богословского или религиоведческого образования. Наличие подобного образования дает возможность взглянуть на тот или иной текст исходя из конфессиональных особенностей и возможности использования данного текста для совершения определенных социальных действий. Опрошенные эксперты считают, что при поиске экстремистских черт надо в первую очередь обращать внимание на социальную практику религиозных организаций. Эксперт должен наложить анализируемые действия на выявленные признаки религиозной организации и определить, насколько личное участие лица, осуществлявшего экстремистскую деятельность, или литература, признанная судом экстремисткой, или иные факторы были включены в исследуемые элементы религиозной организации. Все это можно определить в методологии проведения

религиоведческой экспертизы. Говоря о методологии, можно отметить методологию проведения религиоведческой экспертизы предложенную И.В. Загребинной в ее учебнике [Загребина И.В. и др., 2017, с. 90] или работу С.И. Политовой, в которой автор предполагает, что целью религиоведческой экспертизы является установление соответствия содержания деятельности религиозного объединения или представленных на экспертизу объектов исследования законодательству РФ [Политова С.И., 2014, с. 17]. К объектам исследования могут быть отнесены такие объекты экспертного анализа, как а) учредительные документы религиозной организации, решения ее руководящих и исполнительных органов; б) сведения об основах вероучения религиозной организации и соответствующей ему практики; в) формы и методы деятельности религиозной организации; г) богослужения, другие религиозные обряды и церемонии; д) внутренние документы религиозной организации, отражающие ее иерархическую и институционную структуру; е) религиозная литература, печатные, аудио- и видеоматериалы, выпускаемые и (или) распространяемые религиозной организацией [Приказ Министерства юстиции...]. В исследуемых экспертных заключениях мы можем видеть анализ протоколов организации, устава организации, сведений об основах вероучения, а также списка учредителей, что явно меньше, чем установленные требования по объектам экспертного анализа.

По мнению Е.С. Элбакян, религиоведческая экспертиза чаще всего бывает частью комплексной комиссионной экспертизы. Однако она может быть и однородной, и единоличной, и комиссионной. Главное, что должно отличать религиоведческую экспертизу, это ее строго научный и независимый характер, а это становится возможным при условии следования определенным методическим стандартам. По мнению исследователя, важно понимать, что религиоведение является наукой о религии, возникшей около 150 лет назад в Западной Европе и формировавшейся вокруг предмета (различные стороны проявления религии в

жизни человека и общества) и объекта (религия как социокультурный феномен) своего изучения с использованием при этом методов других наук (социологии, психологии, истории, этнологии, антропологии и др.) [Элбакян Е.С., 2014].

В результате анализа доступных экспертных заключений возникает серьезный вопрос не только к методике проведения религиозно-экспертной экспертизы, но и к профессиональной подготовке привлекаемых специалистов-экспертов, представляющих научное религиозно-экспертное сообщество. При этом список членов Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю является непубличным и в открытом доступе отсутствует. Проводя аналогии с федеральным уровнем, мы можем отметить, что на федеральных интернет-ресурсах список членов Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации также отсутствует. Однако православный интернет-ресурс — Центр религиозно-экспертных исследований во имя священномученика Иринея Лионского — представляет на своих страницах полный список членов данного совета за 2009 г., что дает возможность проанализировать состав членов совета [Состав экспертного совета...]. В составе совета мы можем увидеть чиновников, ученых и священнослужителей традиционных конфессий. Из 24 членов совета 6 членов работают в конфессиональных или конфессионально-ориентированных организациях, 14 членов по факту наличия ученой степени кандидата или доктора наук могут быть отнесены нами к научному сообществу, 4 являются государственными служащими или работниками органов государственной власти. Более свежий список мы можем обнаружить на интернет-ресурсе «Википедия» [Экспертный совет по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы...], где приведен список из 24 членов совета, 19 из которых мы можем отнести к представителям научной среды, 9 членов работают в конфессиональных

или конфессионально-ориентированных организациях, 2 являются государственными служащими или работниками органов государственной власти. Сравнивая списки, можно отметить тенденцию увеличения числа членов совета с учеными степенями, а также сотрудников конфессиональных и конфессионально-ориентированных организаций и снижение числа государственных служащих.

Авторитет эксперта во многом является условием объективного научного исследования религиозной организации или иного объекта экспертного анализа. Так, по данным И. Загребиной, в результате разбора деятельности экспертов, привлеченных к экспертизе Бхагавад-гиты, выявляется следующая картина. Один из подписавших заключение «экспертов» профессор философии Томского университета С.С. Аванесов не проводил самого исследования, а только организовал его, а сам анализ проводили профессор В. Свистунов и В. Наумов. Допрошенный судом В. Свистунов сообщил, что С. Аванесов предложил ему сделать философское исследование, а не судебную экспертизу, что задачи перед ним были поставлены нечетко и что раньше эту книгу он не читал, а при составлении заключения пользовался информацией с антисектантских сайтов, что его исследование — это его субъективное мнение. Третий эксперт, В. Наумов, заявил, что проводил «просто исследование», а не судебную экспертизу [Загребина И.В., 2013, с. 163].

По мнению Е.С. Элбакян, при проведении религиозно-экспертной экспертизы религиоведы следуют научным принципам: верифицируемость, фальсифицируемость, объективность, рациональность, методичность, истинность, системность, интерсубъективность, аксиологическая нейтральность [Элбакян Е., 2012].

По мнению опрошенных руководителей религиозных организаций в России, отсутствует понятный всем механизм отбора членов экспертных советов и экспертов для судебных экспертиз. По мнению ученых, необходимо законодательно закрепить следующие требования к экспертам:

– в качестве эксперта по проведению религиозно-экспертной экспертизы должен выступать специалист, имеющий высшее светское образование по научному религиоведению и ученую степень, стаж работы по специальности не менее 5 лет, обладающий научными и (или) практическими познаниями по рассматриваемому вопросу по соответствующим направлениям науки;

– в качестве эксперта не имеет право выступать священнослужитель, представитель какой-либо конфессии, гражданин, состоящий в трудовых или иных договорных отношениях с какой-либо религиозной организацией [Проблема религиозно-экспертной экспертизы...].

В ходе обсуждения данных предложений члены Экспертного совета и руководители религиозных организаций разошлись в оценках. Первые поддержали все вышеуказанные предложения, а вот религиозные деятели неоднозначно отнеслись к запрету на возможность быть членами Экспертного совета священнослужителям. Но все согласились, что привлекать в качестве эксперта православного или иного священника не своей конфессии недопустимо, однако при этом вполне допустимо, чтобы в качестве эксперта выступал священник своего вероучения.

Можно предположить, что первое требование носит избыточный характер, резко сужает круг специалистов, имеющих опыт и соответствующие знания по профилю возможных экспертиз. Современный ученый может специализироваться совсем не в той отрасли, в которой он изначально получил образование. В качестве примера можно указать на председателя Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю М.Г. Писманика, который, будучи юристом по образованию, защитил диссертацию на тему «Преодоление индивидуальной религиозности в развитом социалистическом обществе» и является в настоящий момент одним из авторитетнейших в Пермском крае религиоведов [Писманик М.Г.]. Скорее всего эксперта необходимо определять не по наличию диплома или стажа работы по специальности, а по верификации профильной деятельности

возможного эксперта самим научным сообществом. Как нам кажется, главным критерием отбора в члены экспертного сообщества следует считать не образование и профиль работы кандидата в члены Экспертного совета или кандидата в эксперты, а наличие у него не менее 5 публикаций в научных реферируемых журналах по религиозно-экспертной тематике за последние 5 лет. Наличие научных публикаций в специализированных реферируемых печатных или электронных изданиях дает возможность оценить действительную специализацию кандидата в эксперты и его воспринимаемость профильным научным сообществом.

Что касается второго предложения, то оно имеет смысл поддержать, так как конституционный принцип светскости государства не дает права одной религиозной группе выступать в качестве эксперта по другим религиозным группам. Хотя вышеприведенный состав членов Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации показывает наличие в Экспертном совете сотрудников конфессиональных структур. По мнению опрошенных руководителей конфессиональных структур, наличие таких экспертов снижает доверие к заключению экспертных советов соответствующего уровня, а принятие подобными советами или экспертами, имеющими конфессиональную окраску, соответствующих экспертных решений может вызвать не только социальную, но и межрелигиозную напряженность в обществе.

Анализ экспертных заключений экспертных советов разных субъектов Российской Федерации свидетельствует о том, что отсутствуют единые подходы к оформлению религиозно-экспертной экспертизы. Каждый Экспертный совет в меру своего разумения подходит к пониманию содержания экспертизы. По мнению интервьюируемых членов Экспертного совета, наиболее эффективным средством экспертизы была бы организация обучения по типовой программе, разработанной Министерством юстиции РФ, включающей в себя типовую методику проведения экспертизы. Данным обучением необходимо охватить

максимально большое количество членов совета, а в идеале вводить в состав членов Экспертного совета только после прохождения обучения. С таким предложением согласны и руководители религиозных организаций.

Развитие современных религиозных практик и рост их многообразия, а также либерализация законодательства о регистрации религиозных организаций, будут служить активаторами перехода религиозных групп, ранее действовавших неформально, в публичную плоскость, получения ими статуса религиозной организации. Более того, появление эклектических учений, часто включающих в себя элементы наукообразных, экологических и иных культов, дают основу для проведения религиозно-экспертного анализа. Данные социальные процессы позволяют прогнозировать дальнейший рост обращений государственных органов в экспертные советы для определения религиозной составляющей в деятельности той или иной социальной группы, а также соответствующей религиозной литературы и особенностей социальных практик новых религиозных организаций.

Список литературы

- Загребина И.В.* От невежества к мнимому экстремизму: проблемы религиозно-экспертной экспертизы в России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 159–176.
- Загребина И.В., Пчелинцев А.В., Элбакян Е.С.* Религиозно-экспертная экспертиза: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2017. 449 с.
- Писманик М.Г.* / Пермский государственный институт культуры. URL: <http://psiac.ru/struct/sotr/277> (дата обращения: 22.02. 2019).
- Политова С.И.* Основы религиозно-экспертной экспертизы: курс лекций. Казань: КФУ, 2014. 23 с.
- Приказ* Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиозно-экспертной экспертизе». URL: <https://rg.ru/2009/03/13/religia-ekspertiza-dok.html> (дата обращения: 22.03.2019).
- Проблема* религиозно-экспертной экспертизы в России / Федерация судебных экспертов. 2017. 08 мар. URL: <http://sud-expertiza.ru/problema-religiovedcheskoj-ekspertizy-v-rossii> (дата обращения: 22.03. 2019).
- Состав* Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации – 08.04.09 / Центр религиозно-экспертных исследований во имя священномученика Ирины Лионского. URL: <http://iriney.ru/main/pravo/novosti-razdela-pravo/sostav-ekspertnogo-soveta-po-provedeniyu-gosudarstvennoj-religiovedcheskoj-ekspertizy-pri-ministerstve-yusticzii-rossijskoj-federaczii.html> (дата обращения: 22.02 2019).
- Экспертный совет* по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экспертный_совет_по_проведению_государственной_религиозно-экспертной_экспертизы_при_Министерстве_юстиции_Российской_Федерации (дата обращения: 05.03.2019).
- Экспертное заключение* Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю от 6 ноября 2018 г. № 3. URL: <https://to59.minjust.ru/ru/ekspertnyy-sovet-po-provedeniyu-gosudarstvennoj-religiovedcheskoj-ekspertizy-5> (дата обращения: 22.03.2019).
- Экспертное заключение* Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю от 25 января 2017 г. URL: <https://to59.minjust.ru/ru/ekspertnyy-sovet-po-provedeniyu-gosudarstvennoj-religiovedcheskoj-ekspertizy-5> (дата обращения: 22.03.2019).
- Экспертное заключение* Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю от 1 марта 2018 г. № 1. URL: <https://to59.minjust.ru/ru/ekspertnyy-sovet-po-provedeniyu-gosudarstvennoj-religiovedcheskoj-ekspertizy-5> (дата обращения: 22.03.2019).
- Экспертное заключение* Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Адыгея. URL: <http://docx.lib-i.ru/29raznoe/85524-1-ekspertnoe-zaklyuchenie-rezultatam-provedeniya-gosudarstvennoj-religiovedcheskoj-ekspertizy-otno.php> (дата обращения: 22.03.2019).

Экспертное заключение Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Алтай. URL: <https://pandia.ru/text/78/057/33360.php> (дата обращения: 22.03.2019).

Элбакян Е. Научность религиоведческой экспертизы: возможность и необходимость // Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Новые вызовы свободе совести в современной России» (Москва, Центральный дом журналиста, 26 июня 2012 г.) / отв. ред. проф. Е.С. Элбакян; Центр религиоведческих исследований «РелигиоПолис». М.: Древо жизни, 2012. С. 139–150.

Элбакян Е.С. Экстремизм ли это? // Наука о религии в XXI веке: традиционные методы и новые парадигмы / под ред. М.М. Шахнович, Т.В. Чумаковой, Е.А. Терюковой. СПб.: Изд-во СПбГУ; Гос. музей истории религий; Ассоциация рос. религиовед. центров, 2014. 492 с.

Получено 01.05.2019

References

Ekspertnoe zaklyuchenie Ekspertnogo soveta po provedeniyu gosudarstvennoy religiovedcheskoy ekspertizy pri Upravlenii Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii po Permskomu krayu ot 25 yanvaria 2017 g. [Expert opinion of the Expert Council for the State Religious Expertise at the Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation in the Perm territory from January 25, 2017]. Available at: <https://to59.minjust.ru/ru/ekspertnyy-совет-po-provedeniyu-gosudarstvennoy-religiovedcheskoy-ekspertizy-5> (accessed: 22.03.2019).

Ekspertnoe zaklyuchenie Ekspertnogo soveta po provedeniyu gosudarstvennoy religiovedcheskoy ekspertizy pri Upravlenii Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii po Permskomu krayu ot 01 marta 2018 g. № 1 [Expert opinion of the Expert Council for the State Religious Expertise at the Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation in the Perm territory from March 1, 2018, no. 1]. Available at: <https://to59.minjust.ru/ru/ekspertnyy-совет-po-provedeniyu-gosudarstvennoy-religiovedcheskoy-ekspertizy-5> (accessed 22.03.2019).

Ekspertnoe zaklyuchenie Ekspertnogo soveta po provedeniyu gosudarstvennoy religiovedcheskoy ekspertizy pri Upravlenii Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii po Permskomu krayu ot 6 noyabrya 2018 g. № 3 [Expert opinion of the Expert

Council for the State Religious Expertise at the Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation in the Perm territory from November 6, 2018, no. 3]. Available at: <https://to59.minjust.ru/ru/ekspertnyy-совет-po-provedeniyu-gosudarstvennoy-religiovedcheskoy-ekspertizy-5> (accessed 22.03.2019).

Ekspertnoe zaklyuchenie Ekspertnogo soveta po provedeniyu gosudarstvennoy religiovedcheskoy ekspertizy pri Upravlenii Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii po Respublike Adygeya [Expert opinion of the Expert Council for the State Religious Expertise at the Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Republic of Adygea]. Available at: <http://docx.lib-i.ru/29raznoe/85524-1-ekspertnoe-zaklyuchenie-rezultatam-provedeniya-gosudarstvennoy-religiovedcheskoy-ekspertizy-otno.php> (accessed 22.03.2019).

Ekspertnoe zaklyuchenie Ekspertnogo soveta po provedeniyu gosudarstvennoy religiovedcheskoy ekspertizy pri Upravlenii Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii po Respublike Altay [Expert opinion of the Expert Council for the State Religious Expertise at the Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Altai Republic]. Available at: <https://pandia.ru/text/78/057/33360.php> (accessed 22.03.2019).

Ekspertnyy совет po provedeniyu gosudarstvennoy religiovedcheskoy ekspertizy pri Ministerstve yustitsii Rossiyskoy Federatsii [Council for State Religious Expertise at the Ministry of Justice of Russian Federation]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экспертный_совет_по_проведению_государственной_религиоведческой_экспертизы_при_Министерстве_юстиции_Российской_Федерации (accessed 05.03.2019).

Elbakyan, E.S. (2012). *Nauchnost' religiovedcheskoy ekspertizy: vozmozhnost' i neobkhodimost'* [The scientific religious expertise: possibility and need]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Novye vyzovy svobode sovesti v sovremennoy Rossii»* [Proceedings of the International scientific-practical conference «New challenges to freedom of conscience in modern Russia»]. Moscow: Drevo zhizni Publ., pp. 139–150.

Elbakyan, E.S. (2014). *Ekstremizm li eto?* [Is it extremism?]. *Nauka o religii v XXI veke: traditsionnye metody i novye paradigm, pod red. M.M. Shakhnovich, T.V. Chumakovoy, E.A. Teryukovoy* [The science of religion in the 21st century: traditional methods and new paradigms, ed. by M.M. Shakhnovich, T.V. Chumakova, E.A. Teryukova]. Saint-Petersburg: SPbSU Publ.,

Museum of the History of Religion Publ. 492 p.

Pismanik M.G. [Pismanik M.G.] Perm State Institute of Culture. Available at: <http://psiac.ru/struct/sotr/277> (accessed 22.02. 2019).

Politova, S.I. (2014). *Osnovy religiovedcheskoy ekspertizy: kurs lektsiy* [Fundamentals of religious expertise: lecture course]. Kazan: KFU Publ., 23 p.

Prikaz Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii ot 18 fevralya 2009 g. № 53 «O gosudarstvennoy religiovedcheskoy ekspertize» [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of February 18, 2009, no. 53 «On State Religious Expertise»]. Available at: <https://rg.ru/2009/03/13/religia-ekspertiza-dok.html> (accessed: 22.03.2019).

Problema religiovedcheskoy ekspertizy v Rossii [The problem of religious expertise in Russia]. Federation of judicial experts, 2017, March 8. Available at: <http://sud-expertiza.ru/problema-religiovedcheskoy-ekspertizy-v-rossii> (accessed 22.03. 2019).

Sostav Ekspertnogo soveta po provedeniyu gosudarstvennoy religiovedcheskoy ekspertizy pri Ministerstve yustitsii Rossiyskoy Federatsii – 08.04.09 [The composition of the expert council for the state religious expertise at the Ministry of Justice of the Russian Federation – 08.04.09]. Center for Religious Studies in the name of the martyr Irenaeus of Lyons. Available at: <http://iriney.ru/main/pravo/novosti-razdela-pravo/sostav-ekspertnogo-soveta-po-provedeniyu-gosudarstvennoj-religiovedcheskoj-ekspertizyi-pri-ministerstve-yustitsii-rossijskoj-federaczii.html> (accessed 22.02 2019).

Zagreбина, I.V. (2013). *Ot nevezhestva k mni-momu ekstremizmu: problemy religiovedcheskoy ekspertizy v Rossii* [From ignorance to alleged extremism: the problems of religious expertise in Russia]. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 2, pp. 159–176.

Zagreбина, I.V., Pchelincev, A.V. and Elbakyan, E.S. (2017). *Religiovedcheskaya ekspertiza* [Religious examination]. Moscow: Yurayt Publ., 449 p.

Received 01.05.2019

Об авторе

Сироткин Павел Федорович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: spf@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2838-7679>

About the author

Pavel F. Sirotkin

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;

e-mail: spf@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2838-7679>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сироткин П.Ф. К вопросу об отношении к проведению религиоведческой экспертизы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 284–393.

DOI: [10.17072/2078-7898/2019-2-284-393](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-284-393)

For citation:

Sirotkin P.F. On the attitude to conducting theological examination // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 284–393. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-2-284-393](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-284-393)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из **15–20 источников**.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 в *алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «>» и «<». Знаки «<>», «<->», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitionline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennnye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, V., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis.* Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis.* Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation.* Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала.* Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law.* No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords;*
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzyonnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2019 году будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2019 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	28 марта
в № 2 — до 01 мая	27 июня
в № 3 — до 01 августа	26 сентября
в № 4 — до 01 ноября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For resources in English the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2019.

Submission deadlines in 2019

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 28
No 2 May 1	June 27
No 3 August 1	September 26
No 4 November 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2019

Выпуск 2

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 24.06.2019
Дата выхода в свет 27.06.2019
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 18,6
Тираж 500 экз. Заказ 1142/2019

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке